

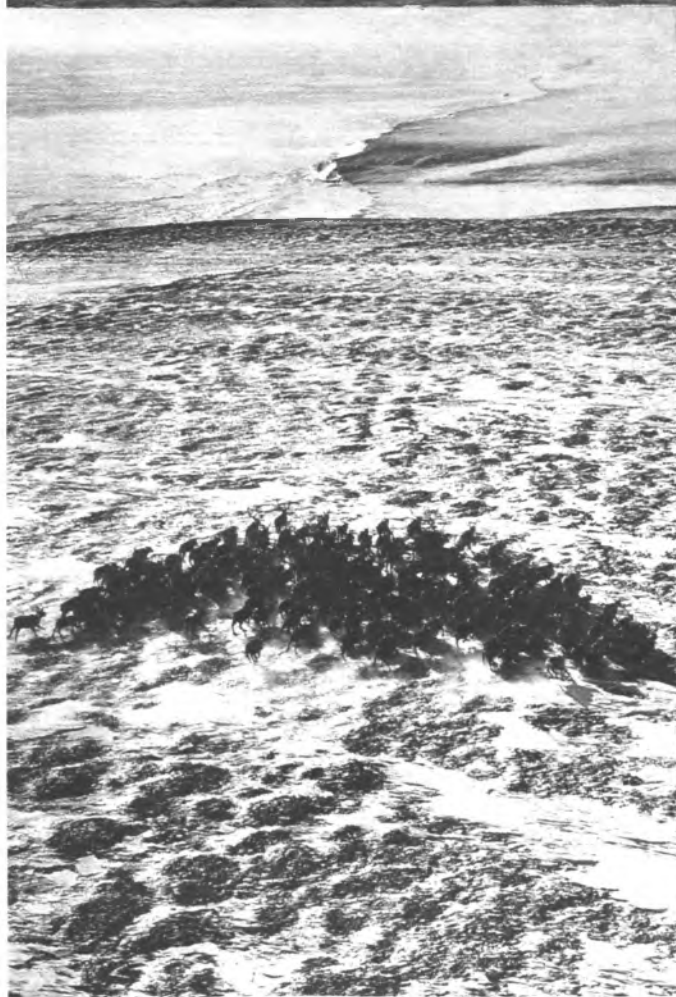
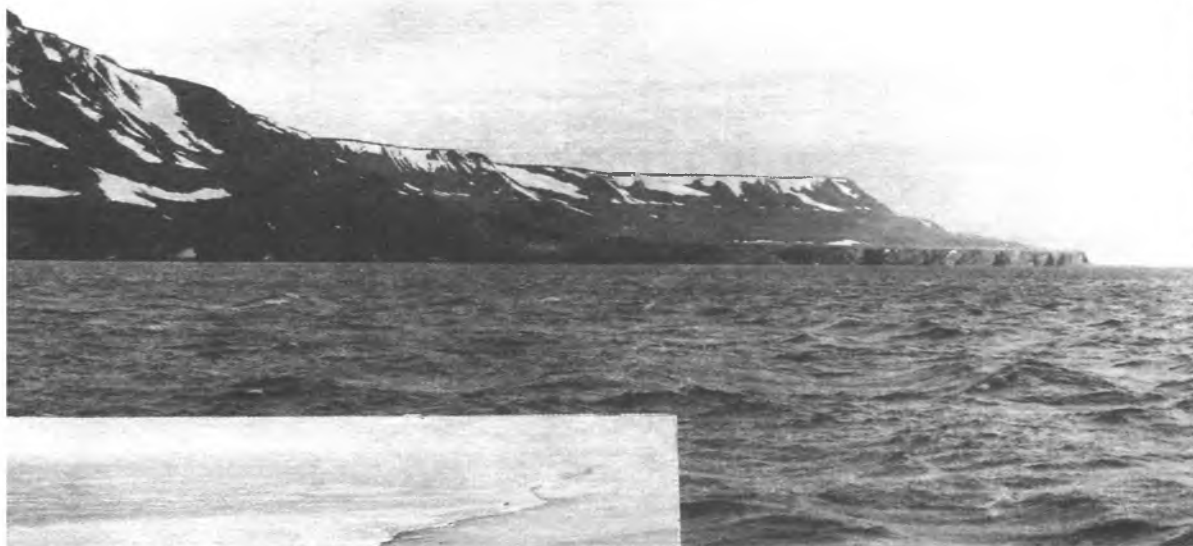
охота

и охотничье хозяйство

11-12

1993

На первой странице обложки: Амурский леопард, или барс — обитатель Южного Приморья. Вид, находящийся под угрозой исчезновения.

Фото В. Животченко.

На второй странице обложки: Новая Земля. Чайки-моевки. Белый медведь.

Фото авторов.

Северные олени.

Фото В. Арбузов.

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

СОХРАНИТЬ ПРИРОДУ

НОВОЙ ЗЕМЛИ

С. УСПЕНСКИЙ, профессор
Г. ХАХИН, канд. биологических наук

В своей предыдущей статье¹ мы рассказали об уникальной природе Новой Земли, о том, что на этом крупнейшем в Российской Арктике архипелаге в наиболее типичном выражении представлены ландшафты двух географических зон — арктических тундр и арктических пустынь, что его животный мир по количественному составу превосходит другие острова Арктики, что именно здесь располагаются крупнейшие в Северном полушарии гнездовые колонии морских птиц, очаги воспроизводства некоторых водоплавающих птиц. Писали мы и о том, что на Новой Земле, как нигде в Арктике, обитает много редких видов и подвидов мировой фауны, включенных в Красные книги МСОП и России, и, конечно, о том, что необходимы неотложные меры по охране природы этого архипелага. К сказанному следует добавить, что именно с Новой Земли не менее пяти столетий тому назад началось освоение Арктики русскими поморами. В их плаваниях к «Матке», как любовно называли они этот архипелаг, безотказ-

но многие годы служившей им «кормилницей», совершенствовались мореходное мастерство, техника арктических промыслов. Многие географические открытия были сделаны на Новой Земле русскими исследователями, сюда совершали многочисленные экспедиции иностранные мореплаватели, и неудивительно поэтому, что Новая Земля так богата историческими памятниками и навигационными знаками, которые в неменьшей степени требуют охраны.

В 1947—1950 гг. существовал Ново-земельский филиал заповедника «Семь островов» и, несмотря на скромные возможности, он вполне оправдывал свое назначение. За необходимость его восстановления уже в 1958 г. выступали такие авторитеты, как Е. М. Лавренко, С. В. Кириков, А. Н. Формозов, В. Г. Гептнер¹. Необходимость этого неоднократно отмечалась и позже; организация его предусматривалась утвержденным Госпланом РСФСР планом создания заповедников на 1981—1985 гг.

Существенно отметить, что бывший заповедник был организован с учетом важнейшей особенности арктических экосистем — включал в себя как полноценный и необходимый их компонент не только территорию (сушу), но и акваторию (море). Это обстоятельство (оно, кстати, не было учтено при организации заповедника Остров Врангеля, что в известной мере ограничивает и обедняет его деятельность), конечно, должно быть соблюдено и при воссоздании как Новоземельского заповедника, так и других особо охра-

няемых единиц. В то же время результаты деятельности бывшего заповедника, анализ современного распространения и распределения на архипелаге наиболее экологически значимых, хозяйственно ценных и особо охраняемых компонентов экосистем, в какой-то мере также учет наличия здесь исторических памятников и, конечно, особенностей статуса Новой Земли как северного полигона (закрытой зоны), где проводятся ядерные испытания и специфические комплексные мониторинговые наблюдения, — свидетельствуют о целесообразности создания здесь системы охраняемых природных территорий и акваторий, отражающей все основные ландшафты представленных на островах природных зон.

По нашему мнению, эта система должна включать в себя:

1. Новоземельский государственный заповедник, состоящий из двух участков:

а) губ Грибовой и Безымянной со всеми находящимися в них островами, расположенными на северо-западе Южного острога Новой Земли, общей площадью около 140 тыс. га. Здесь расположены уникальные, крупнейшие в Арктике птичьи базары, крупные колонии гаг, гнездовья тундровых лебедей и белощеких казарок, очаги воспроизводства песка, зимовки гольца;

б) заливов Русанова и Медвежьего со всеми находящимися в них островами, расположенными на юго-востоке Северного острова Новой Земли, общей площадью около 540 тыс. га. Здесь располагаются основные места воспроизводства белых медведей (залегание в берлоги беременных медведиц), местообитание аборигенного подвидов северного оленя.

«Охота и охотничье хозяйство», № 1, 1993 г.

охота
и охотничье хозяйство **11-12**
1993

Ежемесячный общественно-политический и научно-популярный иллюстрированный журнал.
Учредители:
Союз общества охотников и рыболовов РСФСР,
трудовой коллектив редакции журнала.

Основан в октябре 1955 г.

¹ Перспективный план географической сети заповедников СССР.

Фото Е. Зуева

2. Федеральный комплексный заказник Гусиная Земля. Распологается на одноименном полуострове западного побережья Южного острова Новой Земли. Общая площадь около 200 тыс. га. Здесь сосредоточены основные места гнездования и линьки гусей (гуменника, белолобого), тундрового лебедя, летние пастбища северного оленя, очаги воспроизводства песка.

3. Федеральный комплексный заказник Карские Ворота. Расположен на крайнем юге Южного острова Новой Земли. Общая площадь около 175 тыс. га. Здесь находятся основные гнездовья белощеких казарок и гаг, периодически формируются залежки моржей, часты заходы белых медведей.

4. Местный комплексный заказник Оранские острова. Распологается на северной оконечности Северного острова Новой Земли, общая площадь около 45 тыс. га. Здесь находятся основные береговые лежбища моржей, гнездовья гаг, птичьи базары.

5. Местный видовой заказник «Лагерное». Распологается у Северного побережья западного устья пролива Маточкин Шар (на месте бывшего становища «Лагерное»). Общая площадь около 2 тыс. га. Место формирующегося лежбища моржей.

Помимо природных объектов система особо охраняемых территорий и акваторий включает в себя и так или иначе берет под охрану и ряд находящихся на Новой Земле исторических памятников — остатки зимовья П. К. Пахтусова, одного из первых исследователей Новой Земли в губе Каменке (район Карских Ворот); остатки древних поселений, захоронений, навигационных знаков в районе Карских Ворот, на полуострове Гусиная Земля, в губе Грибовой, а также замечательные находки экспедиции, руководимой П. В. Боярским, — орудия человека каменного века (в районе Карских Ворот и на Крайнем Севере Новой Земли).

Арктическим экосистемам свойственны особая хрупкость и неустойчивость, повышенная уязвимость под воздействием человеческой деятельности. Они, следовательно, нуждаются в неотложной охране, и система мер такого рода, разработанная применительно к Новой Земле — типичному, в какой-то мере эталонному участку Арктики, на наш взгляд, может быть распространена на другие ее районы.

БУРЫЙ МЕДВЕДЬ

ЧУКОТСКОЙ ТУНДРЫ

М. КРЕЧМАР Институт биологических
проблем Севера,
ДВО РАН

Фото И. Чекчеева

Бурый медведь (*Ursus arctos* L.), по широко распространенному мнению, согласно всем литературным данным, считается типичным таежным обитателем, для которого характерны лишь временные, хотя, возможно, и продолжительные, заходы в тундру. Однако в недавнее время появились достоверные сведения о существовании на Чукотке популяции бурых медведей, постоянно обитающей в тундровой зоне. Первым официально данные такого рода представил зоолог Ф. Б. Чернявский в 1974 г.

Бурые медведи населяют тундры Северо-Востока Евразии (кстати, крайне неравномерно) к востоку от устья р. Колымы до самой оконечности материка. На всем протяжении северной границы ареала бурого медведя существуют лишь две тундровые популяции этого зверя — на Чукотке и в Северной Америке, то есть именно там, где, по предположению многих ученых, располагался берингийский мост миграции фауны (Чернявский, 1986). Чукотская тундровая популяция бурого медведя является единственной как в России, так и на территории Евразии.

Определение плотности населения бурого медведя на исследуемой территории до сих пор является самым большим камнем преткновения в оценке численности популяции этого зверя. Мы использовали методику, согласно которой каждый зверь отличается параметрами своего следа. Впервые эту

методику описал американец Клейн (Klein, 1959). Многие ученые и охотоведы используют ее сегодня на практике.

Анализируя частоту встреч следов зверей на маршрутах и непосредственные наблюдения за животными на стационарах, можно предположить общую плотность населения бурого медведя в тундровой зоне Чукотки колеблющейся от 0,01 до 0,016 особи на 10 км². Общая площадь зональной и горной тундры на территории Чукотки составляет около 313 565 км².

Наибольшая плотность населения медведей отмечена на южном побережье Чукотского полуострова, где она колеблется от 0,08 до 0,14 зверя на 10 км². В частности, на участке прибрежных тундр от м. Шпанберга до устья р. Курупка площадью около 660 км² в июле 1991 г. отмечалось от 6 до 9 зверей. Таким образом, ориентировочно численность бурого медведя в тундровых районах Чукотки можно оценить в 300—500 особей.

Бурые медведи на Чукотке покидают свои берлоги в первой половине мая. В горно-арктической тундре Чукотки неравномерное распределение снежного покрова является важнейшим фактором, влияющим на возможность добывания пищи, а через нее — и на пространственное распределение бурого медведя. В Анадырском нагорье медведи в ранневесенний период перемещаются по проталинам вдоль гребней гор и твердому снегу, иногда

покрывая в поисках пищи значительные расстояния. Ведущее место в весеннем питании бурых медведей Анадырского нагорья занимает северный олень, так как в окрестностях оз. Эльгыгытгын находятся места массового отела этих животных (Чернявский, 1990). Вообще в этих местах медведи чаще всего попадают на глаза именно весной.

В конце мая — первой половине июня бурые медведи активно посещают участки тундры, на которых концентрируются стельные самки дикого северного оленя. На этот период приходится соответственно наибольшее количество наблюдений за медведем. Пищевую базу зверя в это время составляют новорожденные телята северного оленя и остатки добычи волков. При изобилии телят, не способных к самостоятельному передвижению, сильно ослабленных или брошенных важеньками по тем или иным причинам, зверю нет надобности преследовать и добывать взрослых животных. Таким образом, в местах концентрации оленей во время отела на ограниченной площади может находиться несколько медведей, которые, однако, стараются не соприкасаться друг с другом.

Охота медведя протекает следующим образом. Медведи отгоняют важенков от детенышей, которые еще не вполне твердо стоят на ногах, ловят их и поедают. Хищники с завидной тщательностью обследуют место, где

находились важеники перед тем, как обратиться в бегство, рассчитывая обнаружить там затавившихся телят. Звери практически не делают никаких попыток нападения на взрослых оленей. Автор наблюдал большого медведя, степенно шествовавшего всего в 200 м от группы оленей и не делавшего никаких выпадов в ее сторону.

В бассейне р. Амгузмы и прибрежных тундрах Чукотки, где дикие северные олени отсутствуют, а стада домашних в весеннее время находятся под охраной пастухов, доминирующее место в питании бурого медведя занимает арктический суслик (Сердюк, Лавинская, 1978). Там же медведь собирает остатки прошлой годней пищи, поедает молодые ростки злаков и осок. В годы высокой численности мышевидных грызунов резко возрастает и их роль в питании зверя.

Значительную роль в рационе медведя побережья Берингова моря играют различные морские выбросы животного происхождения. Особенно способствует процветанию медвежьей популяции варварский промысел ластоногих, ведущийся на этой территории, осенними штормами на берег выбрасываются десятки, если не сотни, трупов ларги, лахтак и моржей с вырубленными клыками. Такая обстановка создает настоящий рай для трупоедов, в котором медведь чувствует себя вполне вольготным.

Основу пространственной структуры популяции бурого медведя Чукотки, как, впрочем, и на всем протяжении ареала, составляют индивидуальные участки взрослых самцов — резидентов. Индивидуальные участки самок с детенышами имеют гораздо меньшие размеры и накладываются на индивидуальные участки основных «хозяев» территории. Молодые самцы и неполовозрелые самки свободно перемещаются по участкам последних, пока не занимают соответствующего места в «медвежьей» иерархии.

Безусловно, большая часть огромных тундровых территорий не представляет для медведей никакого интереса вследствие крайней скудности их биологических ресурсов. Бурый медведь преимущественно заселяет речные долины с развитыми на них кустарниками — шикшовниками, ольшаниками, ивняками. Таким образом, индивидуальные участки имеют форму, соответствующую речным долинам. В прибрежной тундре они вытянуты вдоль морского побережья.

Питание медведя в летний период по всей тундровой зоне сводится в основном к почкам ив, стеблям травянистых растений, мышевидным грызунам, яйцам птиц и арктическим длиннохвостым сусликам. При этом бросается в глаза преобладание тех видов растительных кормов, которые тяготеют к речным долинам и поймам рек (шикша и хвощ). На поймы и борта долин приходится подавляющее боль-

шинство встреч с медведями (90 % от общего числа). На Анадырском нагорье продолжают сохранять важное значение, как компонент питания, дикий северный олень. Однако в данном случае мы, вероятно не все, имеем дело с поеданием падали или остатков добычи других хищников (случаев активной охоты бурого медведя за этим зверем в летнее время зарегистрировано не было).

При попытках в максимальной степени использовать достаточно скудные ресурсы тундровой зоны отдельные медведи становятся весьма активными хищниками. Так, самец средних размеров на Чукотском нагорье в верховьях р. Чаантайвергин в течение лета специализировался на добыче столь крупного и осторожного зверя, как снежный баран. Были обнаружены остатки шерсти животных, добытых этим зверем в разное время. Схема нападения во всех случаях была одинаковой: медведь подстерегал баранов на тропе и бросался на них сверху, с короткого расстояния — 4—6 м на подъеме, когда атакуемые животные были сильно ограничены в маневре.

Для поддержания общего энергетического баланса звери вынуждены тратить на добывание пищи очень много времени и вследствие этого у них отсутствует четко выраженная суточная активность.

С началом созревания тундровых ягод — морошки, шикши, голубики, брусники — медведи в своем рационе переключаются на них. Наиболее посещаемыми биотопами для бурого медведя в это время являются голубичники и шикшовники, развитые на возвышенных бровках речных пойм, а также на моренных террасах и по бортам долин. При использовании этих угодий медведь тяготеет к защищенным от господствующих северных ветров распадкам, прогреваемым бровкам и гривам надпойменной террасы, где есть голубичники. Четко выраженного суточного распределения активности не отмечалось, что, по-видимому, связано с невысокой питательной ценностью ягод. О размерах индивидуальных участков в данном случае проще судить по отрезкам речных долин или морского побережья, на которых обитает тот или иной зверь.

На отрезке, протяженностью в 32 км, побережья Чукотского полуострова, глубиной 22 км, автор наблюдал от 6 до 9 медведей. Трое из них занимали в прибрежной тундре охраняемые территории, каждая размером примерно 10×10 км. Но так как прибойная полоса и литораль, которые благодаря изобилию морских выбросов (водоросли, моллюски, рыба, мертвые киты, моржи и тюлени) служат летом и осенью практически неограниченным источником пищи, то они и использовались в равной степени всеми обитавшими в этом районе медведями. Автор дважды наблюдал, как при неожиданной встрече во время поисков пищи небольшой медведь сразу

уходил с дороги крупного, но не далее, чем на 150—200 м. При этом более крупный медведь не предпринимал никаких агрессивных выпадов по отношению к встреченному зверю.

Также автору приходилось наблюдать (16.7.1991 г.) одновременную кормежку трех медведей возле выброшенной на берег туши моржа, из них двое, судя по результатам визуальных наблюдений, являлись резидентными особями на соседних участках. Однако никакой взаимной агрессии при этом не замечалось.

В тундрах внутренних районов Чукотки медведи не образуют (за исключением весеннего времени) сколько-нибудь значительных концентраций в связи с тем, что пищевая база сильно обеднена и не допускает возможности прокормления на ограниченной территории нескольких крупных оседлых животных.

Места зимнего залегания бурых медведей в обоих районах, где проводились исследования, представляют собой выкопанные в склоновом грунте берлоги (обнаружено 46). Из них 17 были найдены на Анадырском нагорье, 2 — на Чукотском, 16 отмечены в бассейне р. Амгузмы и 8 — в прибрежной тундре Чукотского полуострова. Большинство берлог (42) были расположены в 2/3 или вполсклона над уровнем долины и выкопаны в мелко- и среднеобломочном грунте. В прибрежной тундре 4 берлоги были сооружены в моренных отложениях речных долин, что составляет половину всех найденных берлог в этом районе. В тундре берлогу легко находить благодаря огромным конусам выброса — до 3,5 м в длину и до 2 м в ширину у основания. Чело овальной формы высотой 60—70 см, шириной — 40—50 см практически во всех случаях (за исключением одного) ориентировано в направлении на юг — юго-запад. Такая ориентация чела объясняется, скорее всего, тем, что оттайка на склонах этой экспозиции проходит наиболее интенсивно, что облегчает медведю роющую деятельность. Другая причина может заключаться в северо-восточном преобладающем направлении ветров, которые формируют на южных и юго-западных склонах мощные снежные наносы, способствующие повышенной теплоизоляции зимовальных камер.

Размеры четырех полностью сохранившихся и промеренных берлог различаются незначительно: длина хода — 90—100 см; зимовальная камера имеет чечевицеобразную форму, ее диаметр — 160—180 см, высота 80—90 см. Толщина грунта над камерой колеблется от 30 до 50 см. Вообще размеры оставленных берлог из-за обваливания грунта тяжело установить точно. Вследствие оттайки, идущей весной по склону сверху вниз, кровля над камерой в большинстве случаев обрушивается, из-за чего в распоряжении исследователя остается лишь чело и часть входа.

В шести берлогах были обнаружены остатки выстилки, в ней преобладали мелкие кустарнички — шикша, багульник, а также травянистые растения, в одном случае выстилка состояла почти целиком из лишайников.

Копать берлоги бурые медведи на Чукотке начинают в первых числах августа, что дает им возможность несколько раз возвращаться к одной и той же раскопке вследствие увеличения глубины оттайки. Первые следы раскопки такого рода отмечены зоологом И. В. Дорогим 8 августа 1989 г. в среднем течении р. Амгузмы. 24 августа автором в Чукотском нагорье была обнаружена почти наполовину выкопанная берлога (глубина прорытого хода составила 130 см).

Зачастую медведи выкапывают берлоги на месте жилых и брошенных поселений арктических сусликов и песцов — их ходы, по всей вероятности, способствуют более глубокой оттайке мерзлоты.

Судя по многочисленным «пробным» подкопам, медведи пытаются выкапывать берлоги в нескольких местах одновременно, впоследствии останавливаясь на том варианте, где наблюдается наибольшая глубина оттайки. Так как число подобных мест в условиях чукотских тундр весьма ограничено, то медведи берлоги чаще всего располагаются группами, по две — четыре на крохотном пятке земли не более 1 га.

Однако в приморских тундрах Чукотского побережья все 8 берлог были найдены на большом расстоянии друг от друга. Свою деятельность по строительству берлог бурые медведи заканчивают около середины сентября, когда прекращается оттайка. Как утверждают охотники и оленеводы, медведи Чукотки залегают в берлоги уже в конце сентября — начале октября.

Вообще в рационе бурых медведей тундровой зоны отчетливо заметно высокое содержание животных видов корма, которое достигает наивысшего показателя в весеннее время и затем постепенно падает в течение всего сезона. Таким образом, тундровые медведи ведут гораздо более хищный образ жизни, нежели те, которые принадлежат к более южным популяциям.

Таким образом, популяция бурого медведя на Чукотке, несмотря на свою общую немногочисленность, обладает вполне устойчивой структурой, способной к самовоспроизводству. Тем не менее подобная популяция, обитающая в нетипичных для вида условиях, нуждается в специальных мерах охраны и запрещении лицензионной охоты на бурого медведя в пределах тундровой зоны Чукотского полуострова. Эта мера должна быть принята в связи с фактическим отсутствием в настоящее время на Чукотском полуострове органов охотинспекции и повышенным спросом на медвежьи шкуры и желчь в странах Юго-Восточной Азии.

ПОПУЛЯРНЫЙ БИОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Н. РЕЙМЕРС

Хоминг (англ. хоминг — возвращаться домой, от англ. хоум — дом), инстинкт дома — распознавание (на основе инстинктивных и условно-рефлекторных реакций) места своего рождения (вылупления из яйца и т. п.) и стремление к нему, способность в относительно благоприятных условиях возвращаться к своему участку обитания со значительных расстояний (угри, лососевые рыбы, морская черепаха, мн. перелетные птицы: напр. бурокрылая ржанка, возвращающаяся за 13 тыс. км, и др.). В основе Х. лежит филпатрия.

Цепь пищевая, цепь питания: 1) последовательность групп организмов, каждая из которых (пищевое звено) служит пищей для последующей, т. е. связана отношением пища — потребитель. Звено Ц. п. составляет уровень экологической пирамиды. Обычно бывает от 2 до 5 и более звеньев: фото- и хемопродуценты, создающие первичную биомассу (продукцию, органическое вещество); растительноядные животные (фитофаги, первичные консументы) и паразитические растения (фитоконсументы); плотоядные животные (миофаги, хищники, вторичные консументы), ряд паразитов (паразиты фитофагов, паразиты паразитов — надпаразиты, паразиты 3-го порядка, иногда 4-го порядка); разрушители мертвого органического вещества — редуценты (деструкторы, как правило, микроорганизмы и грибы). Исчезновение любого низшего звена Ц. п. ведет к исчезновению всех вышестоящих ее звеньев, напр. уничтожение растений приводит к гибели связанных с ними фитофагов, далее по цепи — хищников, паразитов и редуцентов; 2) иногда термином «цепь питания», или «сеть пищевая», обозначают взаимоотношения одного вида (группы видов) промыслового организма с его (их) объектами питания, напр., Ц. п. осетровых рыб, каспийского тюленя и т. п.

Синоним: цепь трофическая (...троф, ... трофия).

Экология (гр. ойкос — дом + ...логия) — область знания, изучающая взаимоотношения организмов и их сообществ с окружающей средой (в том числе, с другими организмами и сообществами). Э. традиционно рассматривается как часть биологии. Она включает Э. особей — аутоэкологию (гр. аутос — сам), Э. популяций — популяционную экологию, или демэкологию (гр. демос — народ), Э. сообществ — синэкологию (гр. син. — вместе). В составе Э. рассматривают также экологию растений, экологию животных, эволюционную экологию (исследующую экологические аспекты эволюции) и общую экологию (изучает наиболее общие закономерности взаимоотношений организмов и среды). Иногда для обозначения Э. как части биологии применяется термин биоэкология (биологическая экология), что точно отражает суть понятия.

В период с 60-х г. нашего века на базе некоторых физико-химических и технологических отраслей, биоэкологии, географии, социологии и др. научных направлений (отчасти медицины, климатологии, океанологии и т. д.) возникла новая область знания, рассматривающая любую совокупность предметов и явлений с точки зрения объекта (как правило, живого или с участием живого, в том числе человека), принимаемого за центральный в этой совокупности. Поскольку отношение живое — среда сохранилось как центральная концепция, на эту область знания перешло название «экология» («большая», или всеобщая экология, мегаэкология, «новая» экология и т. п.). В своей основе — по истокам, доминирующим методам — это биолого-социо-географическая область формирующегося знания, по объему и общественному значению вышедшая за рамки материнских наук и равная математике, физике, химии, классической биологии и т. п. Формирование новой комплексной экологии, включающей элементы естественных, общественных и технических наук, еще не закончилось, и как школьный учебный предмет она частично входит в состав общей биологии (учение о биосфере). В «большую» экологию входят социальная экология и др. небιологические дисциплины. В последние годы «большую» экологию все чаще называют всеобщей и мегаэкологией (в переводе «большая экология»), а также не совсем верно экологистикой.

МНЕ ПО ДУШЕ

По первому снегу.

Фото И. Бесарабы

ОДИНОЧНЫЙ ПОИСК

С. ЛАЗУРЦЕВ

Освоенная человеком, распаханная до самых дорог и рек степь нет-нет да и напомнит о своем былом величии простором от горизонта до горизонта и островками ковыля на курганах...

Теперь она в клеточку. Но и обрамленная лесополосами, разделяющими поля, она все равно полна прелести и охотничьих тайн. Основные виды дичи: перепел, голубь, утка, лысуха, заяц, лиса, об охоте на которых пойдет речь в этой статье, хорошо адаптировались к антропогенному ландшафту, а новые растительные ассоциации и комплексы: лесополосы, пахота, зеленая, заросли полевых культур и др.—прекрасно используются ими как среда обитания.

Северо-восток Краснодарского края, Тбилисский район, Ново-Владимирское охотхозяйство, август. Степь полна ароматом цветущих, созревающих и убранных полевых культур. Межсезонье закончилось. Открывается охота на перепела и голубя. Сделана предварительная разведка и просмотрены подходящие места. Для перепела это поля люцерны, свеклы, полоски бурьяна, сжатые поля пшеницы с оставшимися стерней и соломенными валками. В это время наиболее результативны выходы с восходом солнца по обильной росе. При обсыхании росы добычливость охоты снижается.

Хорошо, когда есть собака. Но у большинства местных жителей собак нет, и приходится охотиться самотопом. Собаку в какой-то мере заменяют веревка или синтетический шпагат длиной метров пятьдесят. Два охотника привязывают концы веревки к своим поясам выше патронташей и заходят на поле. Расстояние между ними около 40 метров. Веревка, образовав дуговой шлейф, тянется за охотниками, создавая шум. Взлетающие между ними перепела попадают под выстрелы. Суть этого метода в том, чтобы длина и дуга веревки между идущими охотниками захватывали бы максимально возможное пространство поля и обеспечивали бы безопасный, уверенный выстрел с обеих сторон. Если ружье «сыпет» и заряды способствуют этому, а охотник любит стрелять накоротке, то и расстояние между охотниками должно соответствовать их возможностям. Естественно, возрастет частота проходов (гаев) по полю. Этот метод очень эффективен на люцерновых, свекловичных полях и позволяет более рационально использовать уголья.

Голуби у нас представлены горлинками, клинтухами, изредка вяхирями по глухим лесополосам. Охота по сравнению с перепелиной более статична и хорошо подходит тем, кто трудно совершает относительно большие переходы. Место выбирается на линиях перелетов: ночевка, дневка —

кормовой участок — водопой. Кормовыми участками в августе обычно являются поля подсолнечника. Засидка делается в прилегающей лесополосе или в самом подсолнечнике, что менее удобно, так как август на Кубани еще довольно жаркий месяц. Всегда надо искать место, обеспечивающее максимальный комфорт при проведении этой охоты. Наиболее подходящими, на мой взгляд, являются места водопоя и дневки.

Голубь — птица осторожная и выбирает места водопоя такие, где скрытно организовать засидку трудно, но если вам повезло, то успех охоты обеспечен. Лично я предпочитаю места дневок или кратковременных остановок перед водопоем или после него. Обычно это лесополосы, спускающиеся к реке, или группы одиночных деревьев — вязы, акации, гледичии, растущих вдоль реки на открытом пространстве. Кроны этих деревьев позволяют скрытно расположиться под ними и спокойно стрелять по садящимся голубям, находясь в тени и прохладе близкой реки.

Добыв голубей по норме, хорошо в удобном месте с друзьями развести костерок и приготовить шулюм (тушеная голубятина со специями) в котелке...

Но вот лето кончилось. Ночи стали ощутимо прохладнее, да и день уже не тот. Полным ходом идет уборка свеклы — прекрасная возможность перепелатникам снять последний урожай. Так добычлива охота на перепела в остающихся полосках уменьшающегося поля, что просто патронов не хватает. Скоро перепел откочует. На подходе кукуруза, еще и там могут быть перепела, но основная масса охотников уже готовится к охоте на уток.

Особенно слышными стали крики домашней птицы на воде. Своей утки у нас мало — угодья небогатые, речка перегорожена сетью дамб, малопригодных для гнездования мест. Другое дело — лиманы, там утки море, но, увы, не для нас. Далековато до лиманов, да и дороговато, особенно сейчас. Раньше предпринимались редкие попытки выездов на лиманы, но по понятным причинам традицией это не стало. У нас охота на открытие кратковременна — максимум два дня. После этого утки становятся очень пугливыми и разлетаются.

До самой подкочевки перелетных стай, конец октября, добыча уток становится случайной. Это заставляет тщательно готовить открытие утиной охоты. Обычно дня за три до начала ее мы проводим разведку и выясняем места концентрации выводков, расположение и направление их перелетов: дневка — кормежка. Малое количество утки приводит к тому, что на открытие угодья (небольшой участок реки или ее притока) переполнены охотни-

ками. Можете представить, что начинается твориться!

Недостатки охоты на уток в начале сезона компенсируются позже, в конце октября, обилием перелетных птиц, особенно лысух. Охота на нее достаточно проста, но неперемное условие — наличие лодки, которая легко может перемещаться в камышах. Очень хороши для этих целей лодки с заостренными, удлинненными носами, которые делают местные умельцы. Грузоподъемностью два человека (но лучше один), они позволяют достаточно скрытно подходить к кормящейся дичи. После обнаружения кормового участка и первых выстрелов лысухи прячутся. Тогда нужно затаиться и дожидаться появления лысух-«разведчиков». Добытую дичь не подбирать до выполнения нормы. (У нас славится копченая лысуха. Это деликатес!)

Поздняя осень, начало зимы — самый главный праздник в нашей охотничьей жизни. В нашем хозяйстве много зайцев. Это и к счастью, и к сожалению. Об этом знают не только у нас. Мы рады гостям, приятно зримо ощущать, как велико наше братство, как неугасима эта древняя страсть в нашей крови, но... Истина стара: чрезмерная плотность охотников, превышающая возможности угодий, часто приводит к суете. Каждый коллектив пытается опередить другой и захватить лучший участок. Отсюда ранние приезды (еще с вечера, засветло) и блокировка урожайных на зайца и лису мест. А они у нас наперечет и давно известны всем: сады, тутовники, заросли камыша в мелких местах притоков Бейсуга. К тому же все гости моторизованы и легко перемещаются по хозяйству. Это несколько затрудняет реализацию плана охоты местным охотникам, которые знают распределение дичи по угодьям. Лисичку у нас «выстригают» прямо из-под носа. Основная цель — заяц.

Методика коллективной охоты общеизвестна для степной зоны — гаевая (котлом). В необходимых местах: зарослях камыша, саду, тутовниках — ставим на номера стрелков. Естественно, не остаются без внимания старая пахота, непаханные «клетки» и полосы бурьяна — излюбленные места залегания зайца. Обычно к обеду у каждого из участников полная норма добычи и можно делать привал. Все это характерно для открытия. Позже коллективы рассыпаются и каждый охотится по-своему.

После открытия я предпочитаю одиночный поиск, хотя охота по двое, по трое (если заниматься и лисой, прочесывая глухие лесополосы, особенно выходящие к камышам) тоже хороша — можно использовать нагон. При добыче зайца подходящую лесополосу охватывают по двум сторонам охотниками, один из которых (нагоняющий) идет немного впереди (спра-

ва или слева), не скрывая своего движения, по диагонали. Расстояние между охотниками зависит от ширины лесополосы, но в среднем составляет около 30 метров.

В отличие от нагонщика стрелок должен идти тихо, но не отставать, поддерживать необходимый интервал. Поднятый в лесополосе заяц в большинстве случаев уходит на тихую сторону и попадает под выстрел. На следующей лесополосе (или после добычи) ролями можно поменяться. Если охотников трое, то один ставится на номер в конце лесополосы. Ветер должен быть боковым или от зверя. Здесь можно совместить добычу зайца и лисы.

При охоте в одиночку необходимо выбирать лесополосы, которые просматриваются до противоположной стороны и обеспечивают достаточно уверенный выстрел через нее. Помните, что в этом случае бывают подранки. После первого удачного выстрела надо сразу же бросаться через лесополосу добирать зверя. На таких охотах рекомендуется использовать крупные номера дробы.

Как ни хороши коллективные охоты, одиночный поиск мне больше по душе. Если в первом случае доминирует одно — добыть зверя как можно больше, чтобы всем хватило, все внимание на поле и на линию гая, то на одиночной охоте все более гармонично с окружающей природой. Всегда можно пройти, где хочешь, остановиться, собрать горсть калины, шиповника и бросить ее в термос с горячим чаем, а затем на привале насладиться целебным напитком. Да и сама охота менее утомительна. В среднем я хожу 2—3 часа и выполняю норму... Опыт подсказывает, какая «клетка» полей или лесополоса наиболее подходящая, где залегает заяц и как к нему подойти. Хороши пахотные «клетки» (особенно старые), которые граничат с кормовыми участками (поля зеленой, люцерны). Зная, что на этих «клетках» обязательно будет заяц (даже в дождливую погоду), я их прочесываю зигзагом (челноком), максимально захватывая зоны вероятного залегания зайца. Расстояние между поворотами определяется качеством зарядов и возможностями ружья. Таким образом, охота часто начинается и завершается на одной «клетке» поля.

Несколько слов о браконьерстве — постоянном «спутнике» настоящей охоты. Часто, охоты часто охотничью тропу пересекает след браконьера. Думаю, районной охотинспекции надо наблюдать за угодьями не только в охотничьи дни (с этим справятся охотники).

Вот так и проходит степная охота на Кубани. Надеюсь, вам приятно было узнать об этом. Удачи вам на охотничьей тропе.

Ст. Ново-Владимирская

ДЕЛЬТА СЕЛЕНГИ — ОХОТНИЧЬЕ ЭЛЬДОРАДО

Н. СКРЯБИН

Дельта реки Селенги, крупнейшего притока Байкала, — уникальный природный комплекс. Значительная площадь, расположение почти в центре Азиатского материка, непосредственная близость и общность с Байкалом определяют ее роль в жизни многих видов птиц. Через дельту проходят пролетные пути, по которым представители обширной группы околотовных птиц следуют с мест зимовок в районы размножения и обратно. Находясь на путях миграций, дельта служит важным пунктом остановок этих птиц на весенних и осенних перелетах. Скопления их в этот период в отдельных местах достигают нескольких тысяч особей. Довольно многочисленны они и на гнездовьях.

На Байкале отмечено пребывание 30 видов пластинчатоклювых (речные и нырковые утки, крохали, гуси, лебеди). Из них в дельте Селенги на весеннем пролете отмечены 22 вида, на осеннем — 21, гнездятся 13, залетают 4.

На весеннем пролете встречены: лебедь-кликун, серый гусь, гуменник, огарь, обыкновенная кряква, черная кряква, серая утка, касатка, свистуха, шилохвость, чирок-свистунок, чирок-трескунок, клокотун, широконоска, гоголь, хохлатая черныш, красноглазый нырок, горбоносый турпан, большой крохаль, длинноносый крохаль, луток, каменуха.

Пролет начинается с появлением первых проталин на Селенге и ее протоках в конце марта — первых числах апреля. Открывают его огари, кряквы, гоголи. С дальнейшим ходом весны число видов и их обилие быстро возрастает, а в начале июня миграцию завершает одна из поздно прилетающих птиц Байкала — горбоносый турпан.

Весенний пролет разделяется на 4 довольно четко выраженных периода, каждый из которых характеризуется определенным видовым составом пролетающих птиц, интенсивностью пролета и распределением по стациям.

Первый период характеризуется появлением рано прилетающих видов (огарь, лебедь-кликун, кряква, большой крохаль, гоголь, луток, шилохвость, свистуха, гуменник, свистуха) и, как правило, отсутствием массового пролета каких-либо из этих птиц. Погодные условия на местах остановок отличаются большой неустойчивостью метеорологических факторов. Минимальные температуры колеблются от -22 до $+1,3$ °C, а среднесуточные — от -15 до $+4$ °C. Таяние льда и снега происходит сравнительно медленно, открытое зеркало воды небольшо-

е и представлено главным образом полыньями на реках, где и держатся в это время все прилетающие птицы, за исключением гуменника и огаря. Общая численность птиц небольшая. Отлет за пределы дельты практически не выражен. Первый период пролета заканчивается 15 апреля.

Второй период начинается с массового пролета гоголя и кряквы. Он совпадает с интенсивным таянием льда и образованием обширных площадей открытой воды. Метеорологические условия характеризуются более устойчивыми температурами. В это время появляются поздно прилетающие утки (касатка, широконоска, клокотун, трескунок, серая утка, красноглазый нырок, хохлатая черныш) и происходит массовый пролет наиболее многочисленных, фоновых видов (гоголь, свистуха, частично шилохвость, свистуха). Во второй период пролета изменяется распределение птиц по стациям и их поведение. Часть уток продолжает сидеть в устьях рек, большая же часть — на затопленных низинах, калтусах и прочих временных водоемах. Характерным для данного периода является становление четко выраженных суточных кормовых перелетов. Продолжительность второго периода 13—15 дней (15—30 апреля).

Начало третьего периода совпадает с массовым прилетом хохлатой черныши и красноглазого нырка. В это время площадь открытой воды еще более увеличивается, озера и соры полностью освобождаются ото льда, а среднесуточная температура превышает 5 °C. В этот период заканчивается массовый пролет свистунок, шилохвости, касатки и иногда клокотуна, а в конце его происходит окончание пролета всех уток, кроме красноглазого нырка и хохлатой черныши. В третий период завершается массовый пролет двух последних видов, иногда и касатки (20 мая). Продолжительность всего периода — с 1 по 20 мая. Общая численность птиц в это время остается высокой за счет обилия позднелетящих нырков. Основными местами остановок служат вскрывшиеся озера и соры. Калтусах и прочие временные водоемы продолжают выполнять роль основных стаций для речных уток, а численность последних на реках резко сокращается. Суточные перелеты за кормом сохраняются весь этот период. Почти у всех видов начинается кладка яиц.

Последний, четвертый, период охватывает время завершения пролета нырков и пролета единственной наиболее поздней пролетной утки Байкала — горбоносого турпана (10 июня). Весь этот период продолжается с 20 мая по

5—10 июня.

В целом весенний пролет в дельте Селенги длится с конца марта по конец первой декады июня (70—75 дней).

В дельту Селенги утки прилетают обычно стаями, состоящими из равного количества самцов и самок. Изредка наблюдается преобладание птиц одного пола, иногда встречаются табунки только из самцов, но в целом за весь сезон соотношение полов к концу миграции почти выравнивается.

Численность птиц на весеннем пролете значительно изменяется по годам: от 50 до 150 тыс. на 200 га открытой воды в течение всего периода. Число их увеличивается в многоводные годы и резко снижается в маловодные. Расчеты показывают, что весной за весь пролет в дельте останавливается от 1 до 4 млн. экземпляров пластинчатоклювых.

В осеннем пролете в дельте Селенги участвует 20 видов пластинчатоклювых: лебедь-кликун, гуменник, огарь, обыкновенная кряква, черная кряква, серая утка, касатка, свистуха, шилохвость, чирок-свистунок, чирок-трескунок, клокотун, широконоска, гоголь, хохлатая черныш, красноглазый нырок, горбоносый турпан, большой крохаль, луток. Пролет начинается с концентрации птиц в нижней и, частично, средней частях дельты. В это время (третья декада августа) наблюдается быстрое увеличение численности уток в местах их постоянных скоплений (протоки Шаманка, Галутай, Халюн и др., кроме дельты, Часовенские и Кабанские озера). Наряду с поднимающимися на крыло выводками, перелинявшими самцами и холостыми самками сюда же собираются утки окрестных территорий с менее благоприятными условиями обитания. Почти все виды птиц даже в период массового пролета редко образуют большие одновидовые стаи. На остановке они держатся группами по 20—50 особей, и только гоголи и свистухи — более 100 птиц. Смешанные стаи на мелководье аванделиты, разливах крупных протоков и озер объединяются по 2—4 и более тыс. особей.

Вечерние и утренние перелеты птиц на кормление, их интенсивность зависят от конкретных условий на местах остановок. Часть птиц, если их не тревожат, остается в кормовых стациях в течение всего светлого времени суток. Места отдыха и кормления во многом определяются динамикой гидрологического режима дельты. В маловодные годы, сопровождающиеся сильным обсыханием и зарастанием многих мелких и средних озер, ранее служивших основными кормовыми стациями большинства речных уток, часть птиц пере-

мещается на крупные, ранее глубоко-водные, но также обмелевшие озера. Происходит концентрация водоплавающих птиц в авандельте на мелководьях с обильным легкодоступным кормом. Суточные перелеты в такие годы слабо выражены. В годы с высоким уровнем воды происходит увеличение площади мелководий, нижняя часть дельты практически вся оказывается покрытой водой, образуя ландшафт с хорошо развитыми зарослями водно-болотной растительности и плесами открытой воды, где и останавливаются пролетные утки. Суточные перелеты бывают хорошо выражены.

В течение всей осенней миграции в дельте Селенги отмечается от одной до трех волн пролета. В годы с высоким уровнем воды (1976, 1983—1987 гг.) миграции проходят двумя волнами, со средним уровнем (1978, 1979, 1982 гг.) также бывает две волны, а в осени с низким уровнем (1977, 1980, 1981 гг.) чаще было три.

В годы с высоким уровнем стояния вод первая волна образуется обычно массовым пролетом краквы, шилохвости, чирка-свистунка, реже широконоска и свизуны. За 9—18 дней этой волны на остановках регистрируется от 24 до 56 % от общего числа мигрантов за сезон. Среднесуточные температуры в это время колеблются в пределах 7—12 °С. Резких колебаний уровня воды в реке обычно не бывает, идет медленное его нарастание. Вторая волна формируется из краквы, продолжающей пролет, шилохвости, свистунка, красноголового нырка. Основную массу составляют свистунки и нырки. За 8—17 дней на остановках учитывается от 15 до 51 % птиц. Третья волна чаще всего образуется

пролетом свизуны, реже шилохвости, остальные виды представлены незначительным числом особей. За 5—8 дней на остановках отмечается от 7 до 8 % водоплавающих.

В годы со средним уровнем вод первая волна образуется массовым пролетом всех речных уток, и в конце периода повышается доля красноголового нырка. За 9—22 дня пролета останавливается от 6 до 70 % утиных. Вторая волна образуется за счет пролета речных и нырковых уток. За 10—15 дней пролета останавливается от 22 до 92 % птиц. В такие годы отмечается небольшое оживление пролета с 12 по 17 октября (0,3—6 % птиц).

В годы с низким уровнем воды первая волна обычно образуется массовым пролетом краквы, шилохвости, реже в значительных количествах летят свизуны, свистунки и широконоска. За 4—17 дней останавливается от 9 до 65 %. Во вторую волну, образованную речными и нырковыми утками, за 5—10 дней останавливается от 8 до 59 % особей. В третью волну за 6—10 дней регистрировалось 17—26 % птиц.

В целом можно сказать, что в различные годы в дельте останавливалось в августе 3,0—25,2 % птиц, а сентябре — 57,2—96,7 % и в октябре — 10,8—27,7 %.

Гоголь и изредка большой крохаль держатся на мелководье авандельты вплоть до ледостава южной части Байкала, после чего переходят на исток Ангары, где и зимуют (4—12 тыс. особей).

Пролет уток совершается осенью в вечерне-ночное время. Начинается движение их обычно после 16 часов и продолжается до полных сумерек и да-

же в темноте. В сентябре отлет протекает с 17 до 21 ч, а в октябре с 17.30 ч. Высота пролета обычно 100—300 м над землей, у гусей — до 1000 м. Пролет завершается в третьей декаде октября — начале ноября.

Численность птиц на остановках осенью (1976—1987 гг.) колеблется от 44 до 232 тыс. особей на 200 га открытой воды за весь период пролета. В пересчете на всю территорию дельты за весь осенний пролет здесь останавливается в различные годы от 1 до 6,2 млн особей.

Дельта Селенги является основным местом осенней охоты на водоплавающую дичь Байкала. Здесь охотятся в основном жители Улан-Удэ и крупных населенных пунктов Кабанского района Бурятии. Приезжают сюда, особенно на открытие охоты, и охотники из Иркутска, Ангарска. Охота открывается обычно в последних числах августа или в первых числах сентября. Размер добычи непостоянен. В первые 5—7 дней после открытия охоты он довольно высок и составляет 3,5—4 уток на один человеко-день. В это время значительная часть трофеев представлена местными птицами, на что указывает практически одинаковое соотношение видов добытых в этот период и гнездящихся здесь уток. Преобладают речные утки — краква, шилохвость, широконоска, чирок-свистунок, в последние годы к ним добавился красноголовый нырок. Вторая половина сентября характеризуется началом пролета массы нырковых уток, главным образом хохлатой чернети и гоголя. Их доля в отстрелах значительно возрастает, единично появляется лутук. Тем не менее основу трофеев продолжают составлять реч-

В последние годы численность пролетающих весной кликунов значительно сократилась.

Фото Ю. Лаврова

ные утки. Уровень добычи в этот период несколько снижается до 3—3,2 утки на человеко-день. С начала октября интенсивность миграции затухает, хотя и отмечаются более или менее заметные колебания численности за счет продолжающегося массового пролета хохлатой чернети, гоголя, свиязи и шилохвосты. Количество уток, добытых одним охотником за день, падает до 1,9—2,5. При этом в конце первой декады октября уровень добычи остается довольно стабильным вследствие изменения способа охоты. Если в сентябре главную роль играет отстрел во время кормовых перелетов на зорях, то в октябре подавляющее большинство охотников добывает птиц днем с чучелами, что обеспечивает успешность охоты. Основу трофеев в это время составляют охотно подсаживающиеся к чучелам хохлатая чернеть, свиязь, шилохвость, гоголь.

Всего в дельте Селенги добывают 19 видов пластинчатоклювых. Основную часть трофеев составляют кряквы, шилохвость, широконоска, свиязь, чирок-свистунок, красноголовый нырок, хохлатая чернеть и гоголь. Обычны в отстрелах серая утка, чирок-трескунок, касатка, луток. Отстрел клокуна, черной кряквы и крохалей носит случайный характер и присутствие их в добыче единично. Кроме того, значительную роль играет лысуха, доля которой в трофеях первой пятидневки сезона колеблется от 3 до 23 %. Осенью добывают преимущественно молодых уток (91,5 %) при сравнительно равном соотношении полов у сеголеток (48,8 % самцов); среди взрослых птиц преобладают самки.

Общий объем добычи по годам за последнее время изменялся незначи-

Весенний пролет в дельте Селенги открывают огары.

Фото И. Мухина

тельно: 1986 г.— 33 тыс., 1987 г.— 35 тыс., 1988 г.— 34 тыс., 1989 г.— 39 тыс. водоплавающих птиц. Средний за сезон охоты уровень добычи колеблется от 2,9 до 3,1 утки на человеко-день. Кроме того, примерно третья часть подстреленных птиц теряется охотниками или уходит ранеными с последующей гибелью. Количество таких потерянных трофеев составляет в разные годы от 11 до 16 тыс. Таким образом, в результате осенней охоты в дельте Селенги ежегодно изымается 44—54 тыс. уток.

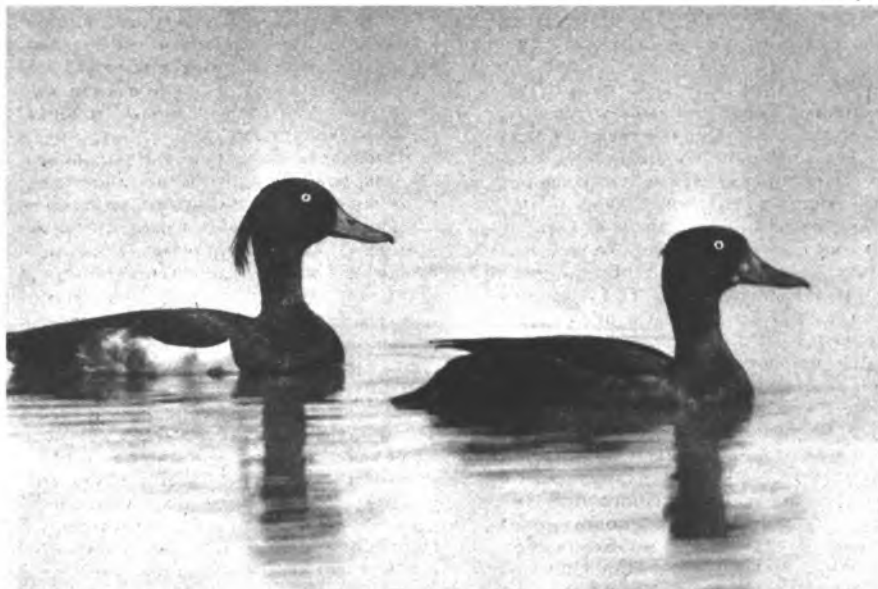
За 27-летний период наших исследований в дельте произошел ряд существенных изменений в состоянии пролетающих популяций водоплавающих птиц и их эксплуатации. По сравнению с началом шестидесятых годов резко упала численность гуменников. В настоящее время за весь период весен-

него пролета встречается несколько десятков птиц. Также значительно сократилась и численность пролетающих весной кликунов: если в 1964 г. мы насчитывали до 130 лебедей на 10 км маршрута, то в последнее время отмечаются редкие стайки до 10 особей. Сухонос практически исчез из дельты. Отмечено катастрофическое падение численности пролетающих клокунов как весной, так и осенью (эта птица превратилась из обычной в очень редкую). Заметно сократилось число добываемой дичи. В шестидесятых годах, по предварительным подсчетам, добывалось до 80 тыс. уток и 500—550 гусей, а в настоящее время — 33—39 тыс. уток.

Ради истины следует отметить и ряд реализованных мероприятий по охране и изучению водоплавающих птиц. Построена и активно действует Селенгинская орнитологическая станция НИИ биологии Иркутского университета. Дельта Селенги включена в список водно-болотных угодий национального значения. Организованный в дельте заказник переведен в статус филиала Байкальского заповедника. Но нам предстоит еще осуществить дополнительные мероприятия по сохранению и использованию пролетных птиц дельты. В частности: организовать на базе филиала самостоятельный Селенгинский орнитологический заповедник в разработанных нами границах; закрыть весеннюю охоту на водоплавающих дельты; определить сроки открытия осенней охоты в зависимости от успешности размножения уток в каждый конкретный сезон. В годы с высокой гибелью гнезд от затопления (более 50 %) охоту следует открывать в первую субботу сентября, а в продуктивные годы (гибель менее 50 %) — в последнюю субботу августа. Сократить число дней охоты в неделю до пяти, сняв при этом нормирование отстрела (как известно, существующие нормы практически не соблюдаются) и создав в среду и четверг «дни покоя».

Хохлатая чернеть — одна из поздно прилетающих уток.

Фото С. Гурбо

РАЗДЕЛКА И КОНСЕРВИРОВАНИЕ ДИЧИ

К. МАЛЫШЕВ

Лось

Лось является наиболее продуктивным животным из всех копытных. Отстреленный лось должен быть немедленно и возможно лучше обескровлен перерезанием кровеносных сосудов у сердца. После снятия шкуры и удаления внутренних тушу лося разрубает вдоль по средней линии позвоночника на две половины, а каждую половину разрубает поперек между последним и предпоследним ребрами на переднюю и заднюю часть. Окровавленное мясо в местах пулевых ранений вырезают. В зависимости от договора с заготовительной организацией тушу делят на четыре или шесть частей. При разделке и транспортировке мясо следует предохранять от загрязнения. Обычно его завертывают в шкуру.

Может применяться и иная последовательность разделки туши. У отстрелянного и обескровленного зверя удаляют внутренности и в таком виде его транспортируют до жилья. Если при отстреле повреждена брюшная полость с нарушением целостности преджелудков и кишечника, то мясо следует зачистить от их содержимого. Шкуру можно снять позднее, особенно в зимнее время, но в этих случаях туша должна быть освобождена от внутренностей.

В большинстве районов заготовительные организации получают лосиное мясо в свежем или замороженном виде. При необходимости засола он должен производиться в соответствии с указаниями заготовительных организаций. Подобным же образом заготавливают мясо кабана, косули и оленя.

В некоторых случаях, например для экспорта, для предохранения от загрязнения при перевозках, туши копытных диких животных, в том числе кабанов, оставляют в шкуре после извлечения внутренних органов, отделения голов и нижних частей конечностей; отделенные органы и туши подвергают ветеринарно-санитарному осмотру на месте или на охотничьей базе.

Сохранение мяса лося. В морозный период мясо дают остыть 3—4 часа и затем замораживают, развешивая отрубы туши на открытом воздухе на несколько часов. В теплый или переходный период времени (слабые морозы, оттепель) мясо во избежание порчи засаливают. При отсутствии посуды (кадки, бочки) мясо засаливают сухим способом, дающим несколько худшее качество продукции — высокую соленость, жесткость. Мясо разрубает топором на плоские куски весом примерно по 2 кг. С внутренней стороны

куски надрубают поперек костей и натирают со всех сторон чистой солью среднего помола из расчета: на натирание каждых 10 кг мяса 700—1000 г соли, к которой можно добавить 20 г пищевой селитры (натриевой или калиевой). Натертые солью куски мяса хранят 3—5 дней в чистом прохладном месте на деревянном щите, затем подвешивают в прохладном месте (подвале, погребе).

В кадках и бочках готовят более качественную солонину смешанным методом посола. Для этого куски мяса весом примерно по 2 кг натирают той же посолочной смесью из расчета: на 10 кг мяса 700 г посолочной смеси. По желанию на 1 кг посолочной смеси добавляют от 30 до 100 г очищенного и растертого с солью чеснока. Дно чистой непротекающей кадки или бочки посыпают посолочной смесью слоем около 1 см, затем туда плотно укладывают куски мяса, слегка посыпая каждый ряд, покрывают редкой тканью (марлей) и помещают в затемненное и прохладное место на 2 недели.

На 15-й день готовят рассол из расчета: в 100 л остуженной кипяченой воды растворяют 500 г соли и 50 г пищевой селитры. Полученным холодным рассолом заливают все куски мяса. До заливки рассолом на поверхность мяса накладывают чистый деревянный кружок с небольшим грузом (камень). Сверху посуду завязывают чистой тканью, бязью, марлей и тому подобным. Залитое рассолом мясо сохраняют по возможности при температуре не выше 5—10 °С.

Чтобы получить копченый продукт, поступают следующим образом. По истечении 3—4-недельного срока посола куски мяса вынимают из посуды и промывают в холодной воде 2—3 часа, сменяя воду 2—3 раза. Затем на каждый кусок накидывают петлю из прочного шпагата или бечевки и подвешивают для обсушивания на 1—2 суток.

Куски коптят 12—24 часа в подвешенном виде в русской печи, в печи «шведке» или на открытом воздухе — в бочке без обоев дном. Редкий коптильный дым должен свободно омывать развешенный продукт. Густой дым делает продукт черным и дает осадок копоти.

Для копчения применяют дрова и опилки ольховых, дубовых, березовых пород, кроме хвойных (сосны, ели).

Дрова в виде маленьких поленьев укладывают на дно печи и, закрыв поддувало, засыпают опилками, разжигают, не допуская большого пламени. При этом добиваются достаточного количества дыма, при необходимости увлажняя дрова водой. При копчении поддерживается температура пример-

но 20—40 °С в течение трех суток.

Затем продукт вынимают и для лучшего сохранения припудривают порошковым перцем. Для предохранения от насекомых и их личинок, жучка-кожееда каждый кусок помещают в отдельный мешочек из марли, туго завязывают и хранят в сухом прохладном месте в подвешенном состоянии.

Копченые куски употребляют в пищу в сыром или сваренном на малом огне виде.

Использование голов. Замороженную голову оттаивают. Если нет намерения использовать голову с рогами целиком на чучело, то отрезают уши и с помощью слесарной пилы-ножовки или топором отделяют рога. Затем голову и уши, вместе или в отдельности, хорошо опаливают с помощью паяльной лампы, примуса или на костре, тщательно очищая нагар ножом. Очитив полностью нагар и вымыв теплой водой голову, из нее выделяют наиболее ценные части — язык, губы. Язык вынимают, разрезав подчелюстное пространство по краю кости нижней челюсти, затем очищают от обрывков ткани, ошпаривают 3—5 мин в горячей воде и снимают эпидермис (кожицу), после чего варят 3—4 часа в подсоленной воде до готовности. Язык можно сохранить без варки, засолив его смешанным способом, как и мясо, или закоптить.

Верхние и нижние губы лося считают одним из самых вкусных продуктов. Губы отрубают топором поперек морды, отступив от ноздрей по направлению к глазам на 5—6 см или же срезают ножом. Опаленные и вымытые губы варят, как и язык.

Затем голову разрубает вдоль, вынимают мозг; остальные части головы разрубает на куски примерно по 0,5—1 кг, мозг употребляют в жареном виде, а из частей головы готовят студень (холодец).

Использование ног лося. Кожа на ногах покрыта гладким плотно прилегающим волосом, ее иногда снимают для подбивания нижней поверхности лыж (камуса). Лыжи, подбитые таким образом, хорошо скользят («по волосу»), и на них легче взбираться на гору, чем на неподбитых лыжах, а в оттепель к подбитым лыжам не прилипает снег.

В обычных же условиях шерсть на ногах опаливают так же, как и на голове. При этом копыта на ногах хорошо нагревают в печи или костре и сбивают роговые чехлы ударом обуха топора. Хорошо очистив ножом от обгоревшей шерсти и вымыв, ноги перерубают топором поперек на куски по 8—10 см длиной и используют для варки студня.

И. ШВЕДОВ

КРАТКИЙ ОЧЕРК ПРОМЫСЛОВОЙ ОХОТЫ В ИРКУТСКОМ ОКРУГЕ

Промысловая охота в Иркутском округе исключительно состоит: из добывания различными способами диких коз, стрельбы глухарей на токах и в местах подтаежных добычи белок и крупного зверя, как то: изюбра, сохатого и кабана; но последние охоты исключительно местные, главные же и распространенные по всему округу, это первые, то есть охота на коз и стрельба глухарей на токах.

Главным образом добываются козы ямами. Способ этот здесь весьма распространен, производится даже не охотниками и резко отзывается на убыли этих животных. Делается это таким родом: на хребтах, около чащи, где вообще держатся больше козы, мужики с осени вырывают квадратные ямы, аршина в три глубины и в просвет от 1 1/2 до двух аршин, придавая им такую форму, чтобы отверстия были несколько уже середины, для того, чтобы попавшая добыча не могла выскочить из ямы. Изготовивши иногда несколько десятков таких ловушек, владельцы их ожидают зими; тогда они настораживают ямы, то есть покрывают отверстие тоненькими драночками, положенными краями посредине ямы на тоненькую жердочку, забрасывают слегка снегом и ставят приманку в виде осиновых веток, клочка сена и тому подобного; затем, каждую неделю в продолжение всей зимы ездят осматривать ямы, и если находят в яме попавшую козу еще живой, то нахлестывают ей петлю на шею и, подтащив к отверстию, прикалывают ножом. В тех местах, где находится большое число ям, козы сильно переводятся и осенняя охота загонами делается там невысшимой.

Другой способ добычи коз, самый любимый здешними промышленниками, есть охота «по насту», способ, возмутительнее которого ничего нель-

зя себе представить. Состоит он из крайне немудрого ухищрения: весной, когда начнется легкое притавивание снега, открытые места покрываются ледяной корою, которая по утрам бывает так крепка, что легко сдерживает собаку; коза же проваливается, режет об наст ноги и совершенно лишается возможности пробегать большие пространства. Этим случаем и пользуются крестьяне, выезжают верхами ранним утром в лес, берут собак и разыскивают козы следы; как только напали на них, вскоре находят и козу, выгоняют ее на падь, и бедное животное делается совершенно безоружным; собаки, даже и не зверовые, а просто дворняжки, выбегают из лесу, легко несутся, как по паркету, по твердому насту и хватают козу за что попало, а тут, не торопясь, подъезжают и их владельцы, слезают с лошадей и добывают козу палками или прикалывают ножом. Вся удача охоты состоит в том, чтобы выгнать козу на чистое место. Эта кровавая бойня, бывающая исключительно в те весны, когда снег глубок и не дружно тает, представляет для коз совершеннейшую чуму: тут они гибнут в великом множестве, или, вернее сказать, «истребляются дотла»; например, не дальше как весной 1875 г. стоял здесь повсеместно крепкий наст и сколько же было загублено бедных животных! Крестьяне одной известной мне деревни добыли по насту более 150 коз; другие с хвастовством рассказывали, что они давили коз по двадцати в одно доброе настовое утро; затем всюду, где только были козы, слышались подобные, ужасные результаты. Нет возможности не удивляться, до какой степени бессовестности доходит человеческая натура, когда примется в расчет, что во время охоты по насту все перепадавшие козы суягны, шкуры почти нигде не годны, а мясо усеяно снаружи свищами.

Кроме наста и ям у промышленников еще есть охота, которая хотя и не

имеет того губительного истребляющего свойства, но по принципу своему тоже до крайности возмутительна. Это охота «на пик», где главную роль играет умение подражать голосу молодого козленка, что достигается вполне промышленниками приспособленными для этой цели берестяными пищиками*. В конце мая, когда козы объежятся, промышленник отправляется по лесным тропинкам и, часто останавливаясь, прикает на манер козленка; если коза близко, она тотчас настораживает уши и безбоязненно бросается к месту писка, набегает на охотника в несколько шагов и зачастую станет, как вкопанная; тут, конечно, раздается выстрел и история кончается — коза падает мертвою, а осиротевшие козлята, если они не самого раннего выводка, пропадают с голоду или делают добычей хищного зверя. Нередко, впрочем, и сами промышленники находят козлят, берут их и приносят домой на потеху ребятам или, если можно, продают на базаре. Молодые козлята, взятые во двор, скоро делаются ручными, охотно пьют молоко, а потом едят хлеб, сено, и вообще все, чем питаются домашние животные, вырастают иногда большими и живут по несколько лет; вообще же молодые очень хлипки и чаще околевают, не прожив в неволе недели. Течка у взрослых коз в неволе бывает тогда же, как и в диком состоянии; но приплода мне не случалось видеть, а также и слышать о том.

Затем есть еще несколько способов добычи коз промышленниками, но все эти способы — настоящие ружейные охоты, где требуется относительное искусство стрельбы, труд и различные охотничьи сноровки. Таковы: стрельба коз на озилах, ходом, в гонбиче, зимние объездом и охота облавою.

На озилах стреляют коз промышленники ранней весной, когда снег сошел,

* Пищики для коз представляют вырезанные из тонкой бересты, пополам сложенные фигурки в виде цветочного листка; пищик кладут на язык и, прижав к небу, дуют и производят этим звук, совершенно схожий с пиком козленка.

Передавая о способе добычи коз по насту, я отчасти ошибся, сказав, что добыча эта производится исключительно при помощи собак, которые, выгоняя коз на падь, останавливают их, и промышленники добывают их палками или прикалывают ножами. Нет. Случается иногда, что промышленники и не берут с собою собак, а просто, найдя свежий козий след, едут верхами по его направлению и выгоняют козу на падь; та, пробежав падью, изрежет себе ноги, изнурится от потери крови и в большинстве случаев тотчас же где-нибудь вблизи остановится; промышленники слезают с лошадей и застреливают козу из винтовки.

Недавно, разговаривая с одним из подобных артистов, я услышал возмутительное известие, что он один весной 1875 г. застрелил по насту 45 коз, другие же промышленники той же деревни охотились еще удачнее. Спрашивается, до какой же цифры доходит итог всех истребленных ныне весной коз! Недаром и осенняя охота загонами нынче так скудна, что решительно не стоит и охотиться.

но зелень еще не появилась — и осенью, когда зазеленеют молодые всходы. Охота производится следующим порядком: перед вечернею зарею промышленник выбирает такую озимь, на которой видны следы бродивших коз, делает из сосенок маленькую засидку и садится караулить. Козы в сумерках выходят на озимь, сначала настораживают уши при виде выдающейся на равнине засидки, но потом приглядываются и зачастую подходят на самое близкое расстояние; иногда же, выйдя вдалеке от нее и вовсе ее не замечая; промышленник с адским терпением выжидает добычу и превращается в совершенную статую; винтовка с взведенным курком и поставленная на сошки приготовлена заранее; приблизились козы в меру, он стреляет — и этим выстрелом, в большинстве случаев, и заканчивает охоту; — сидит он, конечно, до поздней ночи; но уж редко, когда чего выждет. Нет ничего на свете скучнее этого безжизненного высиживания на ози́ми и редко у кого из нашей братии охотников, не промышленников, найдется такой большой запас терпения: крестьянин сидит, так уж он сидит до самой ночи, не переменив позы; кусают мошки, комары лезут в глаза — он не шелохнется, сидит, как вкопанный, будто это его и не касается. Этим, конечно, и достигается удача охоты, потому что козы не сразу выходят на озимь, а всегда предвзвительно осматривая пашню издали, следовательно, одно неосторожное движение — и козы испугаются и уйдут назад.

В конце августа коз стреляют «в гонбище», то есть в пору их течки; но это, собственно, не есть специальная охота, а как вообще «охота ходом». Промышленник ходит за козами во всякую пору года, кроме зимы, и ходит всегда тихонько, нога за ногу, в легкой обуви или просто-напросто босиком, часто останавливается и внимательно прислушивается к каждому шороху; этим он и достигает того, что выследит козу издали и стреляет ее стоячую. Промышленник пользуется всеми обстоятельствами: поднимается сильный ветер, буря, выюга, он идет в лес, потому что коза забивается в чащу и близко к себе подпускает; во время мошки коза бродит по хребтам и, не зная, куда деваться от назойливых насекомых, трясет головой и также плохо слышит приближение охотника; в гонбище козел ищет по следу козы и сам набредает на охотника.

Зимняя охота «объездом» ведется таким образом: снарядивши легкие простые сани, едет промышленник в лес, где есть ржаник, осиновые поросли, глухие чащи, словом, где держатся в эту пору козы; заметив свежий след, он начинает делать обширный круговой объезд и наблюдает, нет ли где выхода этого следа; когда убедится в противном, он убавляет круги; увидав медленно движущиеся сани, коза сначала остерегается

и бежит прочь, но мало-помалу приглядываясь, она делается смелее и доверчиво подпускает едущего промышленника на винтовочный выстрел. Охота эта бывает подчас весьма успешна, но требует великой настойчивости и терпения. Промышленник объезжает иногда одну и ту же козу не только целый день, но откладывает до следующего, и только тогда достигает цели, то есть добывается, что коза перестает его бояться и допускает к себе на выстрел.

Охотятся также крестьяне весною и осенью облавою; но что это за облава, глядеть срам! Ни стройности, ни порядка, ни возбуждающей энергии жизни, — чистая канитель, способная нагнать скуку и отвратить от охоты самого страстного охотника! Соберутся человек пять-шесть бородачей, приедут на место загона — и пошла трагедия, где и как становиться; толкуют битых два часа и насили-насили вырешат; тогда становятся все по хребту, сажень в пятидесяти друг от друга и ждут начала гона чуть не целые сутки. Загонщики пешком, в таком же числе, как и охотники, оставшись от них за несколько хребтов, принимают за свое дело, и как же они гонят: вскрикнув еле слышным голосом и идут молча несколько десятков сажень; который-нибудь кашлянет, сломит сучок, стукнет кулаком об дерево, и таким образом направляются они шаг за шагом к месту ожидающих их охотников. Если козы в загоне есть, то они выходят на охотников шагом и зачастую сами собою останавливаются (для этой цели и заведен у крестьян обычай гнать гон как можно тише); большинство же не доходит до охотников и при таком взятом громадном расстоянии разбегаются в стороны или уходят в

противоположные горы. Мне один раз довелось случайно быть на подобной охоте, и я решительно чуть не умер со скуки — и какую нашел неизмеримую разницу, когда поставил в параллель свою облавную охоту, где все загонщики — разудалые ухари, гонят верха́ми, с криком, гайканьем, хлопаньем бичей, шумом трещоток, так что стон стоит по лесу от веселого, дружного гона! Загоны небольшие, не успеешь стать, — уж и гонят, места по номерам, дисциплина, порядок, — словом, все как по маслу, живо, весело, неумолимо, да и самая охота в тысячу раз удачнее. Узнавши этот порядок крестьянской охоты, нетрудно понять, почему они всегда так скверно, монотонно гонят, когда по необходимости бываю приглашены в нашу облавную охоту гонцами, почему так упорно не хотят понять, чего от них требуют, настаивают делать безмерно громадные загоны и вечно заставляют испытать самую досадную, обидную неудачу.

Перечислив все способы здешней промысловой охоты на коз, не могу с сожалением не сказать, что убыль этих животных замечается повсеместно и уж тех удачных охот, какие бывали прежде, давным-давно нет и в помине, да и сами крестьяне жалуются на недостаток коз. Что же будет, если еще год-другой навестят нас такие губительные весны, какая была в 1875 году и охота по нату не будет совершенно запрещена? Прости тогда, облавная охота, не будет больше резона и помышлять о ней.

После охоты на коз самая распространенная здесь — стрельба глухарей на токах; крестьяне любят эту охоту и преследуют мошников с великой настойчивостью. Местных особенностей в

этой охоте нет никаких: все без исключения такие же, как и в России.

Этим немногочисленным перечнем и ограничивается вся охота здешних промышленников, конечно, не включая стрельбы случайно подвернувшихся тетеревов, крупных уток, лебедей и гусей на Ангаре; но это уже не охота: нарочно за этой птицей никто не ходит, а мелкую птицу вроде чирка, рябчика и тому подобное, если и встретят, редко удостоят выстрела. В прежние времена много добывали лесной птицы «слопцами» (особый род ловушки в виде двух настороженных бревнышек, которые дают птицу); ныне же, по недостатку дичи, этот способ почти совершенно вывелся*.

Промысловая охота в местах подтаежных имеет свой, совершенно отличный характер.

По низовью реки Китоя существует весьма оригинальный промысел на коз, при весенних и осенних переходах из одной тайги в другую. Происходит это ежегодно, иногда в больших, иногда в меньших размерах и, как предполагают охотники, в силу следующих условий: правая сторона Китоя представляет цепи бесконечных гор, с которых снег весною сходит весьма позд-

но, почему козы перебираются на левую сторону, как более изобилующую калтусными, низменными местами, в которых снег сходит скорее и ранее появляется зелень; зимою же левая сторона покрывается очень глубокими снегами, добыча подснежного корма делается гораздо затруднительнее, чем на вершинах гор, и козы осенью вновь переходят на правую сторону. Переходят козы иногда большими табунами, чаще же поодиночке, и продолжается это несколько дней, всегда в одну и ту же пору. Караулят коз охотники в известных пунктах, спрятавшись за колоду или упавшее на берегу дерево.

Глубже в тайгу, по низовью того же Китоя, Тойсука и других горных рек, по отрогам Саянских гор водится много изюбров (*Cervus Maral*, благородный олень). Драгоценную добычу для охотников составляет изюбр своими рогами, но только в известный период, когда они еще не затвердели, а, покрывшись пушком, представляются как бы размягченными и на закругленных концах отростков несколько просвечивают кровью. Полное развитие подобных рогов бывает в последних числах июня, тогда за них и берут самую высокую цену; впрочем, сообразно степени развития они и ценятся; продают их исключительно китайцам, которые извлекают из них какое-то (будто бы возбуждающее) лекарство и платят от 30 до 150 рублей за пару. В мае месяце, когда снег сойдет и начнет на солнцепеках пробиваться зелень, промышленники (все-

го более местные буряты) караулят изюбров на подобных «зеленях» и бьют их из своих кремневых винтовок; поздним же летом стреляют «на солонцах»*. С первых дней сентября начинается течка изюбров, а вместе с нею и одна из самых интересных охот на этого зверя, именно охота на «трубу». Изюбр на вечерней заре и вплоть до утренней ищет самок и выкликает их своим звучным, как бы выходящим через звонкую серебряную трубу, далеко раздающимся по горам ревом; промышленники чрезвычайно верно подражают этому реву через нарочно приспособленные для этого деревянные трубы и подманивают иногда изюбров на очень близкое расстояние; продолжается эта охота с лишком две недели. Сам я изюбров в диком состоянии не видал (видел только ручного молодого изюбрёнка), но слышал, что это одно из самых красивых, грациозных животных, в особенности когда самец выходит на трубу во время рева; глаза сверкают огнем, выражая смелость и отвагу, поступь гордая, слегка откинута назад голова красуется роскошными ветвистыми рогами, каждое движение в высшей степени грациозно. За Байкалом, по реке Чикой, изюбры составляют у крестьян предмет особого промысла: там их ловят ямами и держат во дворах, в загородках целыми табунами; во время периода дорожных рогов рога спиливаются и продаются ими, как и от изюбров в диком состоянии.

Сохатых, то есть лосей, стреляют промышленники ходом на солонцах, а всего более на озерах, куда те приходят кормиться листьями вахты (*Nuphar luteum***).

За кабанями охотятся исключительно по первозимью: пустят в лес собак и дожидаются, пока они подадут голос; как скоро собаки залаяли, охотники спешат к тому месту, находят кабана, остановленного собаками, подбегают и стреляют на близком расстоянии. Удача этой охоты, конечно, находится в прямой зависимости от достоинства собак. Зверовая сибирская собака имеет вид простой дворняжки, в большинстве случаев с остро-конечными стоячими ушами.

Встречаются в таких местностях и медведи, но весьма редко; промышленники стреляют и их. Если же находят берлогу, то бьют медведя не иначе как «с заломом», то есть, найдя наружное отверстие берлоги, перекрещивают его двумя стягами и тогда вырывают с противоположной стороны дыру и выпугивают зверя; тот, конечно, сейчас же бросается к первому отверстию и употребляет старание отворотить стяги, которые уси-

* Конечно, все это касается исключительно округа Иркутского, а не других округов Иркутской губернии.

* Солонцы в некоторых местностях делаются искусственно.

** Некоторые здесь вахтою называют также *Menyanthes trifoliata*.

ленно придерживаются охотниками; другие охотники в это время и стреляют его в упор.

Ценного зверя, как, например, соболя, куницы и тому подобное, по нисовью Китая почти нет, и промышленники довольствуются белкой, за которой специально и охотятся каждую осень и весну.

Все вышеизложенное относится к местностям низовья Китая и других горных рек, примерно на расстоянии верст в полтора от Иркутска, где все-таки коренных промышленников нет, а охотятся между делом люди, занимающиеся доставкой в город сена, хлебопашеством и другими хозяйственными занятиями; дальше же по направлению к верховьям Китая, за Тункою, представляются местности в полном смысле дикие, зверя там гибель и кроме сохатых, изюбров, кабанов и медведей водятся олени, кабарга и хотя нечасто, но встречаются и горные бараны, есть также и ценные звери. Вот там можно встретить настоящих промышленников, живущих охотою, в лице кочующих бурят, тунгусов и особого племени сойотов — и почерпнуть очень много различных, в высшей степени интересных сведений.

Передавая, что мне известно о промысловой охоте Иркутского округа, скажу несколько слов и о условиях, в каких находится здесь охотник непромышленник.

Трудно себе представить, какую глушь, какое раздолье представляют здешние местности по виду и как мертво, как пусто все это видимое раздолье! Войдите в лес, перед вами раскинутся на необозримое пространство мелкие чащи и целые горы крупного строевого леса; глубокие отпадки с журчащими в них ручьями, сплошь поросшие кустарниками, стелются внизу и рисуются в воображении чем-то неприступным, диким; а вот выступает сплошной стеною тянущийся на несколько верст ельник, в середине которого с шумом бежит узенькая горная речка, берега которой покрыты мхом и устланы сплошным ковром брусничника; ангарские утесы сияют адала и представляются какими-то фантастическими замками; зыбкие калтусы залегают между гор и тянутся на беспредельное пространство; всюду, куда не кинете взор — дичь, глушь, беспредельная красота девственной природы! Но вот вошли вы в лабиринт всех этих чудес природы, возбуждаемые, конечно, полною надеждою встретить множество редкой пернатой дичи, и что же? — измерили пятнадцать, двадцать верст и не встретили ни единой пичужки; разве где прошмыгнет в кустах кукушка, пролетит ворона и переместится с дерева на дерево дятел — пустота, безмолвие, словно прошла язва и выморыла все лесное население. В здешней охоте вообще царствует возмутительное однообразие: если вы пошли за рябчиками, то уж будьте уверены, кро-

ме рябчиков ничего и не встретите; стреляете на бейоте бекасов, то и не думайте принести в ягдташ какую другую птицу. Одно здесь хорошо, всего есть понемножку и охотник почти круглый год найдет на что поохотиться: в апреле месяце стреляете рябчиков на пик, и если попадете в ельник, в котором до вас никто не бывал, убьете смело в день штук 15 и больше; в начале мая потянут вальдшнепы и тянут до конца июня; особенной тяги нет, но тянут почти повсеместно; в начале июля, если кто любит, может охотиться за молодыми утками; числа с 8-го июля начинается стрельба бекасов и на эту птицу здесь охота недурная: хороший охотник с доброй собакой легко снимет с болота пар десять—пятнадцать и больше в утреннее и вечернее поле; одно плохо: болотная охота здесь очень кратковременна — с половины августа, как только скосят траву, вся птица с чистых болот исчезает и забивается в крепи, кусты, словом, места для охоты совершенно недоступные; с конца августа вновь можно охотиться за рябчиками, и начинается самая веселая сибирская охота за козами облавою, и продолжается эта охота всю осень, а с грехом пополам и зиму; в снежную зиму существует здесь еще весьма оригинальная и веселая охота на теревей из ямок.

Охотников в Иркутске много, но вполне дельных до крайности мало, зато «хвастунов», или, как говорят сибиряки, «хлопуш», целые легионы; послушаешь подобного барина, так ужас разбирает: бил он медведей, лосей, фазанов, словом, всякую четвероногую и пернатую тварь, живущую в России, — выигрывал призы в стрельбищах, а приехал сюда, — стреляет, как школьник, и ни об одной охоте решительно не имеет никакого понятия. Есть немало и «саженников», у которых ружья бьют за версту, а дичь ценится не по качеству, а по величине ее. Встречаются также «охотники-фаты», которые убивают за лето десять—двадцать долгоносиков, с презрением отзываясь о всех прочих охотах.

Печальный факт повсеместного уменьшения дичи замечается и в здешней местности. Убыль заметна резкая, и постепенно год от году увеличивается; но в чем искать положительную причину этой убыли, какие найти средства к пресечению этого горя, — решить трудно и еще труднее вывести такое заключение, которое могло бы всесторонне относиться не к одной исключительно, а ко всей вообще местной и оседлой дичи. Возьмем для примера окрестности Александровского завода, находящегося в 70 верстах от Иркутска, как местности более мне знакомой.

Сколько мне известно, существует повсеместное общее правило: в случаях видимого уменьшения дичи приписывают это несвоевременной стрельбе

дичи — и запрещение весенней охоты служит лучшим средством к уничтожению этого зла. Руководствуясь этим правилом, значит можно вывести заключение, — относительно прилетной птицы, что стрельба дичи вредна «только» весенняя, как губящая самок, которые вывели бы детей и увеличили к лету пернатое население; стрельба же в показанное время, то есть с Петрова дня, «нисколько не влияет на убыль дичи»; значит, число улетающей из данной местности на зиму птицы не имеет никакого отношения к числу вновь прилетающей в ту же местность и запрещение весенней стрельбы служит как бы средством к улучшению охоты летней.

Насколько все это верно, судить не берусь; но скажу, что в здешней местности встречается что-то противоречащее этому авторитетному выводу: за болотной дичью, как, например, за бекасами, кроме нас с братом, на расстоянии верст 50, никто никогда не охотился; мы же строго держались правила раньше июля месяца не посещать болота. Между тем дичи год от году становилось меньше, и в настоящее время нет уже и сотой доли прежнего приволя. Посторонних причин нет: болота не осушались и не изменяли своего характера, следовательно, как ни толкуй, а причина, влияющая на убыль дичи, была одна: самая наша «летняя» охота; улетало в обратный путь птицы мало, а значит, и на следующую весну прилетало ее меньше. На уток весною здесь также почти не охотятся; но в тех местах, где стреляют их летом много, убыль замечается резкая. Оседлая пернатая дичь, конечно, находится в других условиях, но и про нее можно сказать то же самое: весною, например, теревей здесь вовсе не стреляют, рябчиков хотя и бьют, но больше одних самцов, между тем убыль заметна очевидная. Впрочем, тут еще можно оговориться и, между прочим, прибавить, что, по всей вероятности, много влияет на убыль этих птиц вырубка лесов, а главное — постоянные весенние пожары. Говоря про пернатую дичь, ничего подобного нельзя сказать про коз, — тут причина убыли очевидная: вырубает леса — козы удаляются в места более глухие; вылавливают зимою коз ямами — на следующую осень остаются только козы, вновь забредшие из тайги; придет весна с гибельным настом — козы начисто уничтожаются. Приняв во внимание эти два последние факта, нельзя не сказать, что сердце каждого мало-мальски понимающего дело охотника обливается кровью при мысли, что основательное запрещение наста и ям есть только самое искреннее, самое горячее желание их, а настоящая суть, то есть «исполнение», красуется лишь в виде радужного облачка, Бог весть когда имеющей осуществиться надежды. А между тем козы гибнут да гибнут, а вместе с ними гибнет и наша самая веселая охота.

ПУШНОЙ ПРОМЫСЕЛ НА ПЛАТО ПУТОРАНА

Редкий промысловый охотник-соборник равнодушно пройдет мимо дуплистого пня или колоды. Всякий знает, насколько велик интерес кунных к подобным местам. Можно распилить колоду на чурки и использовать на промысле. (Система «бобик», рис. 3.) Использование ее предусматривает наличие бензопилы и снегохода или моторной лодки.

В избыточно увлажненном месте валят сухое, перестойное дерево с рыхлой сердцевинной и прочными наружными стенками. Такие деревья легко обнаружить при простукивании. Дерево распиливают на чурки длиной 40—45 см, из одного дерева получается 10—15 «бобилов». Рыхлая сердцевина легко прорезается острой цепью бензопилы насквозь (вдоль). Затем делают крестообразный надрез, надрезанную часть скалывают по годичным слоям, к полученному барабану скобкой из гвоздя крепят капкан на коротком поводке.

Готовые «бобики» развозят по путику и подвешивают на капроновые веревки к выбранным деревьям. Для более устойчивого положения следует слегка подтесать место соприкосновения «бобика» со стволом дерева. С увеличением высоты снега «бобик» поднимают по стволу на очередной гвоздь. При необходимости «бобик» без особого труда устанавливают на разборные козлы на лед рек и озер.

Система «бобик» позволяет прикармливать зверьков до открытия охоты, работая по принципу «амбарчика». Во время промысла также возможна маскировка капкана «под салфетку» или другим способом. За день при наличии бензопилы с острой цепью можно изготовить 15—18 «бобилов».

Использование вышеописанных систем лишь повышает степень сохранности попавших в них зверьков, но не предусматривает изъятия таких зверей, как росомеха, приспособившаяся обчищать капканы. А от нее просто необходимо избавиться, иначе будет испорчен весь сезон. Иногда росомеха сама теряет осторожность и попадает в капкан при попытке сбросить его с жердочки или закрыть ему дужки. В этом случае имеются факты добычи росомех в капканы УАЗ № 1 за два пальца и даже в капканы «Тайга» № 2 за три пальца при на-

личии оцепы, способного поднять 10—12 кг. Но это редкость. Для регулярного изъятия таких зверей необходимо на каждом промысловом путику (10—15 км) оснащение двух — четырех специализированных точек.

В этой связи небезынтесен опыт А. В. Копытова. Одним из результатов деятельности рыбозаводов, совхозов и геологоразведывательных экспедиций является достаточное количество железных двухсотлитровых бочек из-под горючего, разбросанных по берегам озер. Прорубая в них отверстие небольшого размера или вскрывая как консервную банку, охотник преобразует бочку либо в «амбарчик» для прикармливания соболей и горностаев, либо в специализированную точку на росомеху. Бочку ставят на козлы к дереву и оснащают капканом УАЗ № 2 с оцепом. Одну пружину с капкана предварительно снимают. Помимо накрохи, разбросанной в бочке, охотник применяет кусок приманки, спрятанный в пустую консервную банку, крепко привязанную к одной из стенок бочки. Зверь, аккуратно собрав накроху и раздражив аппетит, теряет бдительность. Способ настороживания оцепы аналогичен используемому на жерди.

В своей практике я пользуюсь другим вариантом. В полупродувных местах (обычно это вершины мысов, выдающиеся в озеро, скалистые участки берегов) я ставлю низовые оцепы с капканом УАЗ № 2—3 на снежный холмик под салфетку или снежную крышу (рис. 4).

Капкан имеет укороченную до четырех звеньев заводскую цепь и надежный самодельный вертлюг. Последнее от капкана звено одним краем прочно привязывают металлической проволокой к концу оцепы, а вторым, которым связано со следующим звеном, надевают на вбитый в дерево гвоздь и настораживают оцеп. Оставшиеся три звена позволяют правильно сориентировать взведенный капкан на снежном холмике. В качестве настораживающего элемента применяют гвоздь (90 мм), вбитый так, чтобы свободная до шляпки часть была около 10 мм. Для повышения чувствительности можно откусить шляпку гвоздя, но при этом ослабляется устойчивость настороженной системы против ветровых колебаний. К тому же настороженный оцеп находится почти в вертикальном положении, поэтому для срабатывания системы требуется незначи-

тельное усилие, чтобы сдернуть звено цепи через шляпку гвоздя. Эта система нормально действует даже при попадании соболя, не говоря уже о песце и росомехе. Конструкция крышки позволяет без труда перемещать оцеп вверх-вниз по стволу дерева в зависимости от уровня снегового покрова. Интересно, что при такой схеме прививки несущих жердей крыши к дереву достаточно всего лишь двух гвоздей, по одному на жердь. При этом концы жердочек не расщепляются, что немаловажно при значительной нагрузке на крышу в период снегопадов.

Наилучшие результаты добычи росомех дает способ «на растая», применяемый только в хорошо продуваемых местах. В этом случае к дереву помимо низового оцепы крепят на более длинных цепях еще два капкана тех же номеров. Все капканы расставляют веером на полную вытяжку цепей. В качестве приманки используют зайца, привязанного к стволу дерева. Капканы маскируют. Зверь, даже попав за палец в один из капканов, неизбежно попадет хотя бы еще в один. И если это окажется капкан, оснащенный оцепом, росомеха будет растянута и быстро погибнет. Большим недостатком этого способа является возможность ограниченного его применения в силу редкости хорошо продуваемых мест.

Иногда дает положительный результат использование петли с грузом (рис. 5). Способ хорошо известен охотникам, добывающим кунцу. Это солидное сооружение, сделанное из целого дерева диаметром 25—30 см. Насторожка изготавливается из прочной жердочки, в которой просверливается два взаимно перпендикулярных отверстия. Нижняя половина насторожки примерно вдвое короче верхней. Настороживающий механизм грубый. Это может быть гвоздь (150 мм) с откусанной шляпкой, вбитый одним концом в груз, а другим входящий в отверстие насторожки. Может быть грубый зацеп «зуб на зуб» или какой-то другой вариант из подручного материала. Крепят насторожку к сбежку теми же гвоздями. Два из них забивают в торец сбежки и концы их загибают в кольцо. При помощи третьего гвоздя насторожку подвешивают. Для груза используют комлевую часть сваленного дерева. Петли делают из мягкой металлической проволоки (3—4 мм). Их движение по сбежку ограничивается скобками из гвоздей. Груз поднимают на высоту 1,2—1,5 м. Основным недостаток тот же — ограниченное применение в зависимости от продуваемости места.

В некоторых случаях возможно применение рамочных капканов № 5—7 (рис. 6). При этом симки не требуются. Приманку привязывают непосредственно к насторожке капкана. Можно для этих целей использовать дуплистые пни. Приманку привязывают к насторожке капкана через загнутый в задней стенке дупла гвоздь. В дупле и возле него рассыпают накроху.

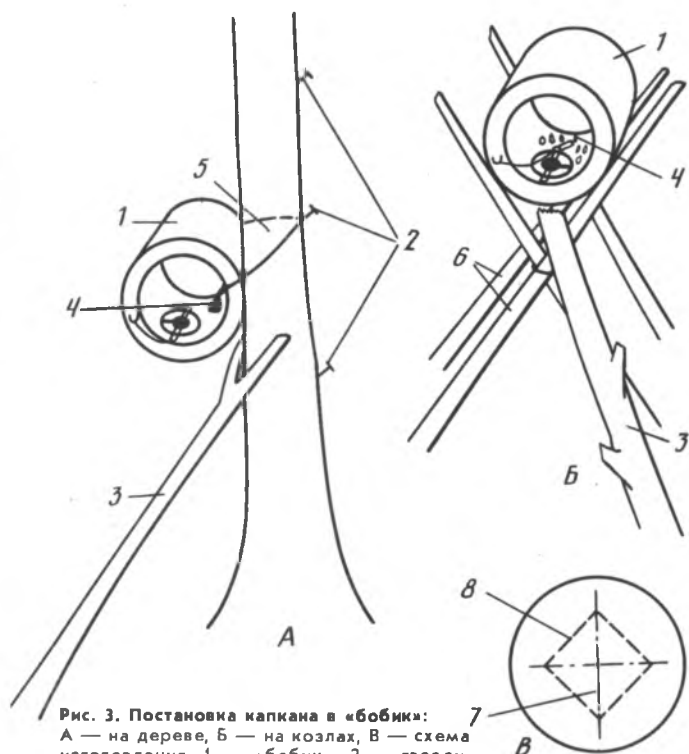

Рис. 3. Постановка капкана в «бобик»: А — на дереве, Б — на козлах, В — схема изготовления, 1 — «бобик», 2 — гвозди, определяющие уровень подвешивания «бобика», 3 — сбежек, 4 — приманка, 5 — веревка, 6 — козлы, 7 — линия сквозного пропила, 8 — линия скола

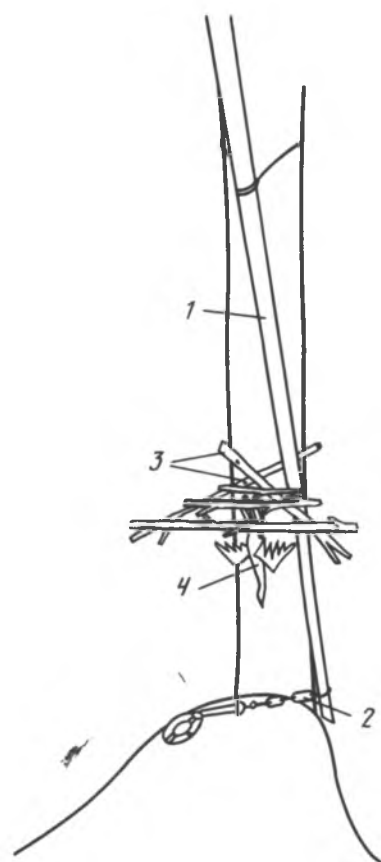

Рис. 4. Низовой очеп на снежном холмике: 1 — очеп, 2 — звено цепи, надетое на настораживающий гвоздь, 3 — способ крепления крыши на двух гвоздях, 4 — приманка

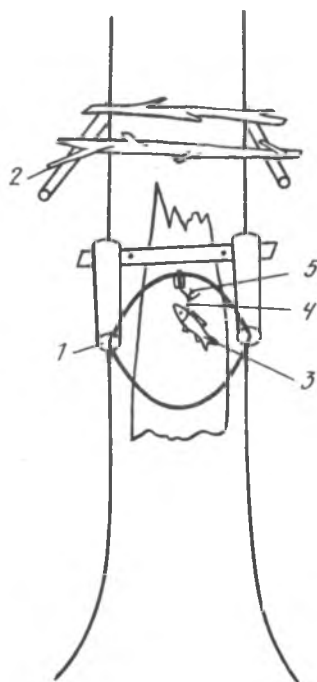

Рис. 6. Постановка рамочного капкана на росомашу: 1 — капкан № 5—7, 2 — крыша, 3 — приманка, 4 — симка, 5 — гвоздь в задней стенке дупла

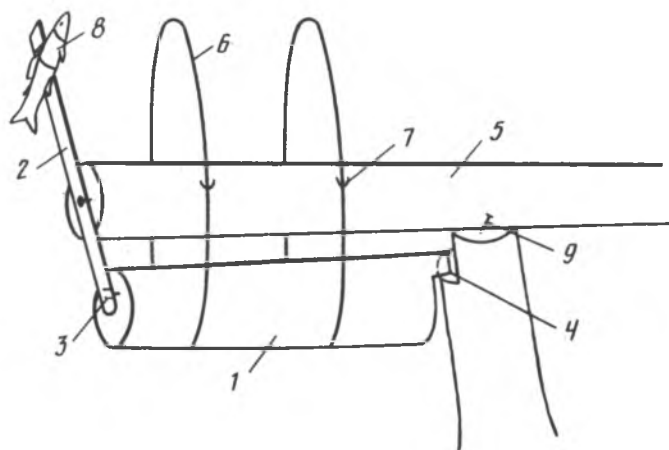

Рис. 5. Петля с грузом на росомашу: 1 — груз, 2 — насторожка, 3 — зацеп «гвоздь в отверстие», 4 — зацеп «зуб на зуб», 5 — сбежек, 6 — петля из проволоки, 7 — ограничивающие скобки, 8 — приманка, 9 — гвоздь — ограничитель сбежка

КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ЛАЙКИ

Л. ГИБЕТ,
кандидат биологических наук

«До сих пор не ясно, когда и откуда появилась на севере небольшая ярко-рыжая собака со стоячими ушами. Ничего неизвестно и о том, какой она была в далеком прошлом», — написал в своей статье о финской лайке Юхо Перттола*. Однако история свидетельствует о том, что огромные лесные территории Восточной Европы уже с каменного века были заселены людьми. Их поселения располагались в центре европейской части современной России, по берегам озер и крупных рек. В период неолита эта территория составляла Волго-Окскую культурную область, населенную племенами протофинно-угров. Известный специалист в области изучения истории Восточной Европы П. Н. Третьяков отмечает, что около середины II тысячелетия до нашей эры Волжская система была главным путем расселения этих племен вплоть до берегов Балтики. То есть заселение побережий Балтики шло из Восточной Европы. И в более позднее время эта территория, вплоть до Уральских гор, заселялась финно-угорскими племенами, основой жизни которых были охота и рыбная ловля. Безусловно, все это время охотников

* «Охота и охотничье хозяйство» № 12, 1976 г.

сопровождали северные собаки, очень напоминавшие современных лаек.

С IX столетия нашей эры здесь начинают активно расселяться славяне. Славянские племена потеснили жившее на Оке многочисленное мордовское население (финно-угорской группы). В XII веке возникли крупные русские раннефеодальные княжества. Вместе с приходом славян активно продвигалось земледелие. От Балтийского моря до Тверского Поволжья раскинулись владения Новгородского княжества, практически все Волго-Окское междуречье и бассейн Сухоны были заняты могучим Владимиро-Суздальским княжеством. В это время часть племен, обитавших здесь, была оттеснена к северу и северо-западу, к Балтийскому морю, а часть, обитавших южнее, — на территорию современной Венгрии. Имеются доказательства, что венгры пришли с Урала и имеют общее происхождение с хантами. Несомненно и то, что мигрирующие финно-угорские племена сопровождали и их собаки. Поэтому родиною собак финно-угорских племен, где бы они ни обитали, можно считать центральную часть Восточной Европы, вплоть до Предуралья.

В то время и теперь по обеим

сторонам Волги от финно-угорских племен сохранились территории, занятые мордвой и марийцами. Подтверждением тому, что эти племена владели рыжими лайкоидными собаками, служит сообщение Ю. Петрова, который еще в 1959 и 1960 гг. в отдаленных марийских деревнях находил небольших лаек, в том числе и рыжих, очень похожих на современную карело-финскую лайку. Эти лайки были очень однотипными и породными, хотя специально их не разводили и было типичное беспривязное содержание. Отличались они небольшим ростом, квадратной сложкой и ярко выраженной охотничьей страстью и встречались только в марийских деревнях.

Севернее еще в 1975 г. в Удорском районе Коми АССР (п. Кослан, д. Глотова) также была обнаружена популяция только рыжих лаек, которые отличались от карело-финских в основном более крупными размерами. Но в большинстве своем огаги рыжих лаек были поглощены более многочисленными собаками других пород. И только на северо-западе, на территории, заселенной карелами и финнами, вплоть до XX века сохранились абориген-

ные рыжие лайки. К этому времени они обитали как дворовые собаки в основном в сельской местности в центральных и северных частях современной Карелии и Финляндии.

Условия существования собак в местностях со скудным животным миром мелких и среднего размера млекопитающих, населяющих бедные северные песчано-каменистые боры, и способ содержания аборигенных собак местным населением привели к стабилизации определенного типа. Собаки содержались без привязи и должны были сами добывать себе пищу круглый год. Местное население не кормило своих собак, и поэтому они отличались сравнительно небольшими размерами, малым аппетитом и удивительно рациональным обменом веществ. Зимой собаки питались остатками от охоты, рыбной ловли, падалью домашних животных и прочими отбросами, летом часть времени пропадали в охотничьих угодьях и добывали себе пищу сами в лесах и по берегам многочисленных озер и рек. Таким образом создавалась аборигенная небольшая, сухая, лайкоидного типа собака, преимущественно рыжего и серо-рыжего («шакальего») окраса с ярко выраженным охотничьим инстинктом.

Первым серьезным трудом о северных собаках был альбом лаек, выпущенный в 1895 г. и составленный князем А. А. Ширинским-Шихматовым. На основе своего изучения северных собак во время поездок в Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую, Костромскую и Вятскую губернии А. А. Ширинский-Шихматов, описавший десятки собак и сделавший сотни их измерений, впервые составил карту распространения разновидностей северных собак (лаек). На этой карте он четко очерчивает границы распространения финно-карельской лайки (как он ее обозначил), включающие территории Карелии, Финляндии, северо-запада современной Ленинградской области и крайнего северо-запада Архангельской области.

После этой публикации северными остроухими собаками заинтересовались многие любители, которые до этого не обращали на лаек внимания, считая, что с ними охотиться неинтересно и называли их «мужицкими» собаками, предпочитая охотиться с борзыми, гончими и привозимыми из-за рубежа легавыми собаками.

Началось изучение северных остроухих собак. Их стали привозить издалека, разводить, образовывали небольшие питомники. А. А. Ширинский-Шихматов, первая заводчица лаек М. Дмитриева-Сулима, Г. Поплавский и некоторые другие предсказывали этим собакам большое будущее (как мы сейчас видим, это предсказание сбылось). Но все остроухие северные собаки — лайки, привозившиеся из самых разных отдаленных мест, на выставках оценивались на одном рин-

ге. Здесь вместе ходили и небольшие рыжие, и серо-рыжие собаки, и крупные серые, и черные с белым. Разнообразие размеров, форм и окрасов лаек было велико, и оценки им давались в основном сообразуясь со вкусами того или иного эксперта. Кто-то предпочитал представителей крупных серых, кому-то нравились черные и редко кому — небольшие рыжие.

В 20-х годах нашего столетия обратили особое внимание на небольших лаечек, обладавших специфическими чертами экстерьера и охотничьих качеств, эксперты Ленинграда. Комиссия под руководством проф. Н. А. Смирнова, в которую входили кинологи А. П. Бармасов, Е. К. Леонтьева, А. Г. Тугаринов, Е. А. Прозоров и некоторые другие, установила особенности экстерьера разных типов лаек. При этом была выделена группа собак, обладавшая чертами, близкими к уже известной к тому времени финской лайке. Начались опытные вязки внутри этой выделенной предполагаемой породы. В результате этих вязок подтвердилась константность в передаче своего типа потомству и сектор, занимавшийся этим разведением, принял для нее временный стандарт и уравнивал ее в правах с другими группами лаек.

С 1932 г. судейство лаек на вы-

ставках в Ленинграде начало проводиться по выделенным группам определенного типа. Такая же работа по становлению рыжей аборигенной лайки проводилась и в Карелии в системе Карзаготпушнины, бывшей инициатором проведения многочисленных выставок охотничьих собак в г. Петрозаводске.

Эта группа небольших рыжих лаек в Ленинграде в дальнейшем дала ряд превосходных полевых рабочих собак, доказавших свои достоинства на испытаниях в 1931 г. Наиболее типичными были Орлик владельца И. И. Талампойки — полевой победитель с дипломом I степени по белке, на выставке имевшей малую серебряную медаль; МАРС Н. П. Кажанова — полевой победитель с дипломом II степени по белке, на выставке имевший большую серебряную медаль. Марс оказался выдающейся собакой, он дал большое типичное потомство, а на первых полевых состязаниях по белке в 1937 г. занял первое место, получив диплом II степени при 78 баллах. Второе место на этих же состязаниях заняла карело-финская лайка Нора И. И. Киселева, получившая диплом II степени при 74 баллах. Нора И. И. Киселева была победительницей и раньше, на самых первых полевых испытаниях лаек по белке, проводившихся 30 декабря 1928 г. Судили пер-

Портрет карело-финской лайки — Айны Н. Л. Абабкова.

Фото Н. Абабкова

вые полевые испытания А. П. Бармасов, П. Ф. Пупышев и В. В. Шлок. Испытывали четыре лайки, и лучшей из них оказалась Нора И. И. Киселева.

Прославились своим потомством, обладавшим высокими полевыми качествами, Альфа Н. А. Федотовой-Альбинской, сама имевшая диплом II степени и на выставке большую серебряную медаль. Хорошее породное потомство было получено от кобелей — Орта Б. В. Молокова и Ральфа Ф. Н. Дубровина; интересной по экстерьеру и очень типичной была Хессу Ю. А. Ливеровского и целый ряд других карело-финских лаек.

Первые стандарты на лаек были разработаны председателем сектора лаек — экспертом А. П. Бармасовым и зоотехником Н. К. Верещагиным под руководством проф. Н. А. Смирнова, который был ответственным редактором. Опубликованы они в 1936 г. в Трудах Арктического института. Позднее на основе этого стандарта на карело-финскую лайку в 1939 г. был официально принят временный.

Годы Отечественной войны (1941—1945) нанесли значительный ущерб лайкам. Сохранили своих лаек во время блокады Ленинграда Е. К. Леонтьева, В. А. Прозоров, А. Г. Тугаринов и некоторые другие. Но потери были велики, кроме того, почти весь ареал распространения аборигенных карело-финских лаек был оккупирован. Разведением собак в это время, конечно же, никто не занимался, а наиболее типичные экземпляры из Карелии вывозились в Финляндию. После окончания войны разведение лаек пришлось начинать с самого начала. И если другие породы лаек довольно скоро могли быть привезены с востока, то карело-финских лаек приходилось собирать по крохам на месте. Привезти их было некуда — только уцелевшие экземпляры из Ленинградской области и из Карелии. Уже это очень замедлило процесс восстановления породы, но все же энтузиасты принялись ее воссоздавать и основным из них был эксперт всесоюзной категории А. П. Бармасов.

Никакого обмена собаками в то время не происходило — использовались только местные собаки, часто малоинтересного экстерьера и почти все не имевшие документов о происхождении. То есть создание родословных карело-финских лаек вторично началось после войны. И опять проявилась константность породы, тем более что отбраковку потомства в породе карело-финских лаек делать легко уже в младшем щенячьем возрасте — любой окрас, за исключением рыжего, ставит собаку вне породы. Но удивительно то, что такую отбраковку практически делать не приходилось. Уже позже подметили, что у карело-финских лаек очень сильно породная приверженность друг к другу: из группы собак сука всегда выбирает сходного с ней по росту рыжего кобеля.

Подобное поведение сук приходилось наблюдать неоднократно и в дальнейшем. Может быть, именно поэтому так долго сохранялась эта порода на сравнительно небольшой территории практически в чистоте.

Что же происходило с другим отродьем рыжей остроухой лайки на территории Финляндии? История финской птичьей лайки, которую в настоящее время во всем мире именуют как «финский шпиц», потому что она в большинстве стран потеряла свою охотничью специализацию и разводится как домашняя собака, началась с конца XIX века. Хотя первые сведения о «темно-красных» собаках сообщил в 1675 г. в своих путевых записях о северных странах французский путешественник-исследователь Пьер де ла Мартиньер. В XVIII веке эти собаки вместе со своими владельцами появились в Швеции.

На территории Финляндии эта собака обитала в отдаленных сельских регионах, где скрещивалась с другими собаками и ей была уготовлена судьба в конечном счете раствориться в массе дворовых псов. Однако в 1880 г. два охотника из Хельсинки оказались на охоте в северных лесах, увидели местных небольших рыжих лаечек. Как пишет автор статьи о финском шпице Б. Ф. Исакоф, охотники «оценили их многочисленные достоинства и вернулись домой с отличными представителями, решив спасти породу». Один из этих охотников — Хуго Роос стал разводить этих собак и занимался этим больше тридцати лет. За это время он стал экспертом, специалистом по данной породе. Второй охотник — Хуго Зандберг сам лично не разводил финских птичьих лаек, но в 1890 г. возглавил компанию по спасению этих собак.

В 1891 г. в Хельсинки состоялась первая выставка собак, где Х. Зандберг был почетным судьей и пять финских птичьих лаек были удостоены почетных лент.

С развитием выставок собак стало необходимо выработать стандарты. Х. Зандберг впервые разработал стандарт на финскую птичью лайку, в основу которого были положены особенности известных собак. В 1892 г. было составлено описание внешних признаков финской лайки и этот стандарт был признан финским кинологическим клубом.

Вначале образцом для породных лаек служила лисица. Кинологи восхищались лайками красного цвета с общим удлиненным форматом, поэтому лайки того времени во многом были похожи на лисицу.

В 1897 г. этот стандарт был пересмотрен и значительно изменен — формат лайки стал приближаться к квадратному. Предком нынешнего типа финских лаек с квадратной сложкой был кобель Халли, которого финские кинологи нашли в общине Хюрунсалми.

Выставки собак в Финляндии стали проводиться регулярно по всей стране. На выставках в основном на севере, в районах городов Каяни и Рованиэми, финские кинологи нашли наиболее желательных по типу собак, которые стали родоначальниками современной породы финских лаек.

В первые годы заводское разведение финских лаек было малоуспешным. Лишь в 1912 г. произошел решительный перелом, когда в Соткамо (у города Каяни) кинологи нашли кобеля по кличке Няйти с отличными охотничьими качествами.

К концу 20-х годов стандарт финской лайки утвердился, что позволило кинологам вести целенаправленную работу по консолидации породы. Особое внимание при этом уделялось закреплению яркого и ровного окраса шерстного покрова. Но успех в этом деле пришел не сразу, так как хорошие результаты были достигнуты лишь в 50-х годах.

До 20-х годов XX века финские лайки разводились в основном в Финляндии. Они активно использовались охотниками при охоте на боровую дичь. Юхо Перттола пишет, что с середины XIX века охотничий промысел в Финляндии перестал быть основной существования, охотой стали заниматься лишь в свободное время и популярной осталась лишь любительская охота. Лесные районы Финляндии не слишком обширны и охотники-любители больше не интересуются промысловой охотой. Учитывая все это, кинологи и охотники уже в течение длительного времени стремились развивать охотничьи свойства финской лайки таким образом, чтобы вместо белки, являющейся самым обычным пушным зверьком, эта лайка прежде всего интересовалась и работала по птице. В результате целенаправленной работы и соответствующей тренировки теперь имеются финские лайки, которые не облаивают белку. Полевые испытания, на которых выявляются и оцениваются рабочие качества финских лаек, проводятся по всей Финляндии в сентябре, октябре и ноябре. Собак испытывают в работе по глухарю, тетереву, рябчику, при этом недостатками и пороками работы считается наряду с некоторыми другими также преследование зайца или лося и облаивание белки.

Красота собаки, рациональные размеры, когда ее нельзя назвать маленькой собачкой, но и некрупной, удивительный характер с ее преданностью хозяину и привязанностью к дому привлекали внимание известных своим умением создавать культурные породы домашних животных англичан. И в 1927 г. первые финские лайки были привезены в Англию. Эти собаки очень устраивали английских владельцев отдельных коттеджей своей исключительной чистоплотностью и тем, что они могли находиться как в доме, так и на улице благодаря своей

Один из первых рингов карело-финских лаек в Москве в середине 60-х годов.

Фото Л. Гибет

прекрасной «шубе». В Англии с ними не было охоты и они содержались и разводились только как домашние собаки. Постепенно порода завоевывала авторитет, появилось много владельцев, и в 1935 г. порода под названием финский шпиц была зарегистрирована в английском клубе любителей собак. Затем эта порода начала распространяться по всему миру.

Проведя экскурс в историю, я попыталась доказать, что карело-финская и финская лайки — это исходно одна порода, образовавшаяся на единой территории в центральной части России (свидетельством этому мнению служат остаточные очаги вплоть до середины XX века рыжих лаек в Марийской и Коми республиках) и с племенами карелов и финнов откочевавшая на северо-запад.

На территории современных Карелии и Финляндии, на севере современной Ленинградской области, а также на северо-западе Архангельской она совершенствовалась в аборигенную небольшую рыжую лайку и занимала при этом единую территорию. На образование этой лайки действовал в основном естественный отбор под влиянием природных факторов, а также условий содержания финно-

уграми. И только в самом конце XIX столетия на эту собаку сознательно обратил внимание человек. В это время в Финляндии начали заниматься ее разведением специально и дали ей название финская птичья лайка, сейчас же ее называют финский шпиц.

В нашей стране разводить карело-финских лаек начали несколько позднее — в начале XX века, но совершенно самостоятельно и называли ее сначала русско-финская, а очень скоро — карело-финская лайка, что, несомненно, более привлекательно. Мне непонятно, почему же у некоторых возникает мнение, что нашу карело-финскую лайку надо переименовать в «финский шпиц». Почему при этом хотят умалить и уничтожить работу русских кинологов по воссозданию этой породы в нашей стране? Ведь материал для породы первоначально взят с территории Ленинградской области, а позднее добавлен из Карелии. И лишь в настоящее время стали подливать крови финских лаек из Финляндии. У этих людей не возникает сомнений в том, что это одна порода, они просто хотят перечеркнуть заслуги кинологов и охотников в становлении заводской породы карело-финской лайки.

Финская лайка (а теперь финский шпиц) — это национальная порода России. При становлении каждой из них предъявлялись некоторые специфические требования: в Финляндии в основном экстерьерные, в России — охотничьи. Но в целом это единая порода, которая должна проходить экспертизу на одном ринге и свободно использоваться при разведении. Как-то обидно такую охотничью породу именовать «финский шпиц». Я на месте финнов никогда бы не согласилась на это. И конечно, гораздо правильнее назвать ее карело-финская лайка, так как именно это название подчеркивает ее изначальное происхождение.

В настоящее время в России карело-финских лаек успешно разводят в Карелии, Ленинградской области, Череповце, Северо-Двинске, Перми, Архангельской, Свердловской областях, несколько меньше — в Тверской, Ярославской, Кировской, Нижегородской областях, но наибольшее поголовье с высокими экстерьерными и охотничьими качествами сосредоточено в Москве и области, где при Московском обществе охотников и рыболовов впервые создана самостоятельная секция любителей карело-финских лаек.

ОХОТНИЧЬЕ РУЖЬЕ «СЕВЕР»

Н. БОРУМБЕЙ

Охотничье комбинированное ружье с вертикальным расположением стволов модели «Север» калибра 5,6/20 разработано государственным предприятием «Ижевский механический завод» в 1992 г. для увеличения ассортимента современного оружия, позволяющего наиболее полно удовлетворить потребности любительской и промысловой охоты. Ружье больше всего подходит для промысловой охоты на мелкого зверя и птицу в различных районах страны. Его длина равна 1050 мм, ширина — 55 мм, высота — 200 мм.

Комбинированное ружье «Север» разработано на базе охотничьего ружья модели ИЖ-27 и предназначено для стрельбы при температуре воздуха от минус 50 до плюс 50 °С.

Ружье неплохо сбалансировано. Центр тяжести его находится в 95 мм перед «лбом» колодки.

Стволы ружья отъемные, имеют прямоугольную мушку, постоянный целик и посадочное место в виде ласточкиного хвоста для установки оптического прицела. Длина стволов 600 мм.

Нижний ствол 20-го калибра имеет патронник под гильзу длиной 70 мм, верхний ствол изготовлен под патроны кольцевого воспламенения калибра 5,6 мм. Канал нижнего ствола имеет дульное сужение, равное 0,5 мм. Гарантированная кучность стрельбы 50 % из гладкого ствола, а при стрельбе из нарезного ствола патронами «Юниор» поперечник рассеивания пули не более 35 мм на дальность 25 м. Вес стволов 1,15 кг.

Общий вид ружья «Север»

Охотничье ружье «Север» в раскрытом состоянии

Стволы ружья соединены с помощью муфты и межствольной планки. Запирание в коробке осуществляется за-

порной планкой. Открывание ружья производят с помощью рычага, расположенного сверху коробки. При откры-

КОНСУЛЬТАЦИИ ОРУЖИЕВЕДА М. М. БЛЮМА

Охотник К. П. Карашин из Твери спрашивает: «Кто скрывался под псевдонимом «Гражданский Инженер», написавший книгу «Современное дробовое охотничье оружие», Москва, 1912 г.!

Уже не одно поколение охотников волновал этот вопрос и вот А. Домогатский в статье «Тайна псевдонима» (альманах «Охотничьи просторы» № 46, 1989 г.) решил разобраться с этим. После проведенных исследований можно с достаточной уверенностью сказать, что им был Антон Витальевич Тарнопольский. Он основал товарищество «Охотничий Вестник» и был его председателем и фактическим владельцем. В состав этого акционерного предприятия входили известные в Москве магазины оружия и охотничьих принадлежностей на Боль-

шой Лубянке и Театральной площади, а также издающийся ежемесячный, а затем двухнедельный и еженедельный журнал «Охотничий Вестник» (выходивший с 1901 по 1918 г.), который пользовался у охотников огромной по тем временам популярностью. В 1905 г. об этом журнале писали, что он считается самым распространенным охотничьим журналом, так как обладает такими положительными качествами, как «аккуратным выпуском номеров, свежестью сведений по технике оружия, приличной внешностью, разнообразным содержанием, живым обменом вопросов и ответов и малой подписной ценой».

Помимо этого, в журнале постоянно публиковались реклама и положительные отзывы на ружья, продававшиеся в магазинах товарищества.

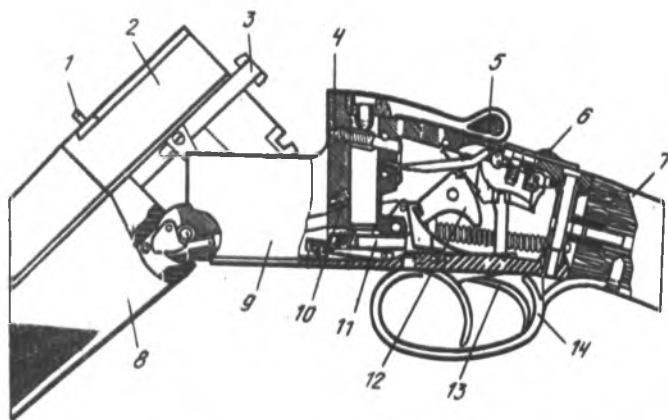
Под псевдонимом «Гражданский Инженер» в начале XX века вышли в свет книги «Искусство стрельбы из нарезного оружия», «Искусство стрельбы из дробового ружья», «Пристрелка дробового ружья и винтовок» и «Современное дробовое охотничье оружие». Все эти книги неоднократно переиздавались товариществом «Охотничий Вестник». Под фамилией А. В. Тарнопольского вышла только одна книга «Охотничье дробовое ружье», изданная в Москве в 1897 г.

А. В. Тарнопольский был выходцем из дворянской семьи, которой принадлежало имение в Харьковской губернии. В архивном документе товарищества на паях «Охотничий Вестник» от 4 ноября 1909 г. указано, что директором-распорядителем и главным пайщиком товарищества состоит потомственный дворянин Антон Витальевич Тарнопольский, проживающий в г. Сочи Черноморской губернии в собственном доме. Следует

Разобранное комбинированное ружье «Север»

Внутреннее устройство двухствольного ружья «Север»:

1 — цевье, 2 — стволы, 3 — выталкиватель, 4 — верхний боек, 5 — рычаг запора, 6 — предохранитель, 7 — ложа, 8 — цевье, 9 — коробка, 10 — нижний боек, 11 — движок, 12 — курок, 13 — спусковой крючок, 14 — предохранительная скоба

тых стволах рычаг запора удерживается задержкой запорной планки, автоматически освобождающей рычаг при

закрывании стволов.

Съемное цевье закрепляется защелкой рычажного типа. Гильзы из пат-

ронников выдвигаются экстрактором при открывании стволов. Ударно-спусковой механизм расположен в коробке на отдельном основании. Курки возвратные («с отбоем»), выполнены раздельно от бойков. Боевые пружины цилиндрические, витые. Введение и сжатие боевых пружин осуществляется шарниром, взводителями и толкателями при открывании стволов. Передний спусковой крючок служит для производства выстрела из нижнего (гладкого) ствола, задний — для выстрела из верхнего ствола. Усилие спуска не регулируется и равно 1,5—2,5 кг.

Автоматический предохранитель запирает шептала только при взведенных курках. При перемещении кнопки предохранителя в положение «Предохранение» со спущенными курками шептала не запираются. При последующем взведении курков (открывании стволов) флажки предохранителя автоматически запирают шептала. Предохранитель исключает возможность выстрела при закрытых стволах.

Предохранитель также обеспечивает возможность безударного спуска курков с боевого взвода. В этом случае при открытых стволах следует переместить кнопку предохранителя в переднее положение, нажать на оба спусковых крючка и плавно закрыть стволы.

Ударно-спусковой механизм имеет дополнительное предохранительное устройство (перехватители курков) для предотвращения выстрела при случайном срыве курков с боевых взводов без нажатия на спусковые крючки.

Приклад и цевье выполнены из ореховой древесины. Вес ружья не более 3 кг без оптического прицела. Живучесть — 12,5 тыс. выстрелов.

отметить, что в начале деятельности фирмы А. Тарнопольского его магазины были также и в Харькове.

В конце декабря 1915 г. А. В. Тарнопольский продал все свои пая и окончательно вышел из дела, о чем сообщил в третьем номере журнал «Охотничий Вестник» за 1916 г.

Гражданский Инженер также вел технический отдел в журнале «Охотничье Оружие».

Охотник Н. Я. Пештин из Тульской области спрашивает: «Существовал ли в жизни прототип русского мастера Левши из сказа Н. С. Лескова (1881 г.) о тульском Левше и стальной блоха».

Судя по имеющимся сведениям, некоторые биографические данные из жизни Алексея Михайловича Сурнина (1767—1811 гг.) и оружейника Леонтьева послужили созданию обобщенного образа Левши. Их обоих в 1785 г.

направил учиться в Англию (Лондон и Бирмингем) Светлейший Князь Григорий Александрович Потемкин. Леонтьев остался в Англии, а А. М. Сурнин в 1792 г. вернулся в Россию.

В основу легенды легло также известное умение тульских мастеров в изготовлении «всяких курioзных вещей» — миниатюрных металлических изделий. В своих воспоминаниях (1810 г.) князь И. И. Долгорукий сообщает, что один оружейник предлагал ему купить пару маленьких пистолетов весом в 13 г, а позднее на Тульской выставке в 1837 г. оружейник Медведев показал два пистолета с полным прибором весом около 8,5 г. Все это говорит о «посрамительном для аглицкой нации» искусстве туляков.

Сведений о деятельности Леонтьева в Англии до нас не дошло, а А. М. Сурнин в 1794 г. по повелению Императрицы Екатерины II определяется «мастером оружейного дела и

надзирателем всего до дела оружия касающегося» с назначением ему в обучение десяти учеников. Перейдя на современный язык, А. М. Сурнин стал руководителем всем заводским производством, что сделало его ближайшим помощником командира завода. Талантливый механик, освоивший достижения английской техники при помощи известного оружейника и конструктора Г. Нока, организовал в Туле производство взаимозаменяемых деталей ружейного замка, изготовление специализированного инструмента, выплавку специальных сталей. Принял участие в разработке опытных образцов новых ружей и принятого к использованию в армии ружья образца 1793 г. Он же создал многозарядные пистолеты и карабин собственной конструкции. В 1798 г. разработал технологический процесс всех деталей ружья, который позволил установить их взаимозаменяемость.

ОХОТНИЧЬЕ КОМБИНИРОВАННОЕ РУЖЬЕ ТОЗ-91-20 / 5,6

Охотничье комбинированное ружье ТОЗ-91-20/5, 6 разработано и изготовлено Тульским оружейным заво-

дом, являясь одной из моделей разрабатываемого на нем унифицированного спортивно-охотничьего комплек-

са на базе ружья ТОЗ-91.

Двухствольное ружье ТОЗ-91-20/5, 6 с вертикальным расположением стволов предназначено для промысловой и любительской охоты во всех климатических зонах, кроме районов с влажным тропическим климатом. Ружье снабжено оптическим прицелом 4×24.

Стволы съемные, каналы стволов и патронников хромированы. Верхний ствол предназначен под ружейные патроны 20-го калибра (диаметр канала ствола, судя по клейму, 15,7 мм), нижний ствол — под патроны кольцевого воспламенения калибра 5,6 мм. Канал верхнего ствола имеет стандартное дульное сужение 0,5 мм. Соединение стволов с коробкой и их запирающие механизмы осуществляются при помощи двух цапф, запирающей рамки и шарнира. Цевье отъемное, удерживается на стволах при помощи защелки.

Разборка ружья производится традиционно. Вначале отсоединяется цевье после отвода вниз рычага защелки, затем рычаг отпирания подается вправо, после чего их отсоединяют от колодки (коробки) ружья. Сборка производится в обратной последовательности.

Для облегчения веса ружья стволы под цевьем не соединены между собой.

Гильзы (их длина 70 мм) из патронников выдвигаются выталкивателем. Ударно-спусковой механизм расположен в коробке на отдельном основании. Взведение курков и извлечение стреляных гильз происходят в процессе открывания ружья. Ружье снабжено автоматическим предохранителем от случайного выстрела, запи-

ВОПРОСЫ — ОТВЕТЫ

Вопрос. Как правильно хранить дымный порох?

Ответ. Хранить дымный порох необходимо в совершенно сухом месте и в герметически закупоренном сосуде, чтобы он не смог отсыреть. Это может быть стеклянная банка или бутылка с хорошо притертой стеклянной или резиновой пробкой. Если будете использовать металлическую банку, то следует стык между ней и крышкой обмотать хлорвиниловой изоляционной лентой. Если у стеклянной посуды пробка может пропускать влагу, то ее следует залить расплавленным парафином или воском. Запрещается держать порох вблизи нагревательных приборов, рядом с бездымным порохом, капсюлями, в также в месте, доступном для детей и посторонних лиц.

Вопрос. В какой период изготавлились ружья со стволами из дамасской

стали и какие были ствольные сорта дамаска?

Ответ. Самым дорогим дамасском считался «букетный», или «розовый», дамаск. Он делался из шести полос, каждая из которых изготавливалась из пачки нагретых железных и стальных прутьев, связанных в шахматном порядке. Эта пачка проковывалась в тонкую полосу, а полосы, в свою очередь, перекручивались в разные стороны вокруг продольной оси полос и сваривались в ленты. Из прогретых лент сваривали ствольные трубки. Чем больше было взято полос для изготовления ленты и чем в большее число витков были скручены полосы, тем мельче и красивее получался рисунок дамаска. Самым дешевым был однополосный дамаск, но чаще стволы изготавливались из двух-, трех- и четырехполосного дамаска. Дамаско-

вые стволы стали изготавливать в XVII в., а перестали делать ружья с такими стволами в начале XX в. Во Франции в конце прошлого века и в начале нынешнего были известны, например, такие мастера ствольного дамаска, как Леопольд Бернард и Евгений Бернард.

Вопрос. Как определить, можно ли смазывать ружье маслом, марка которого неизвестна?

Ответ. Если у вас оказалось масло неизвестного названия или назначения, а вам необходимо вычистить ружье и смазать его, то следует определить, имеются ли в нем (масле) кислотные или щелочные примеси. Для этого заполните латунную гильзу вашего ружья до блеска, а затем смажьте эту поверхность испытуемым маслом. Если через несколько дней поверхность гильзы потемнеет или позеленеет, то таким маслом смазывать ружье нельзя, так как для смазки ружья следует применять только нейтральные масла, то есть те, которые не окисляют металл. А в случае потемнения это происходит.

рающим спусковые крючки. Муфта имеет пазы для крепления кронштейна с оптическим прицелом. Прицельная планка вентилируемая, снабжена двумя откидными щелками, предназначенными для стрельбы из нарезного ствола на дистанции 50 и 100 м. Приклад с прямой формой шейки и с отводом вправо соединен с коробкой тяжким винтом. Ружье может изготавливаться в рядовом (с орнаментом и без него), штучном и сувенирном исполнениях.

Этот вариант ружья будет изготавливаться также и с другими сочетаниями стволов: верхний ствол 28-го ка-

либра, а нижний — под малокалиберный патрон кольцевого воспламенения; нижний ствол под патроны калибра 7,62 мм центрального боя, а верхний ствол гладкий, под патроны 20-го или 28-го калибров.

В дальнейшем Тульский оружейный завод планирует разработку и изготовление ружей ТОЗ-91 различных модификаций.

Охотничье ружье ТОЗ-91-20-1 с односпусковым селективным механизмом, отключаемым эжектором и автоматическим предохранителем. Калибр обоих стволов двадцатый, а исполнение может быть как под обычные патроны с длиной гильзы 70 мм, так и под патро-

ны магнум с длиной гильзы 76 мм.

Охотничье ружье ТОЗ-91-20 под обычные патроны или «магнум» с двумя стволами 20-го калибра. Ударно-спусковой механизм с двумя спусковыми крючками, автоматический предохранитель и обычный выталкиватель гильз.

Охотничье ружье ТОЗ-91-28 с двумя спусковыми крючками, обычным выталкивателем патронов или гильз из патронников стволов и автоматическим предохранителем. Калибр обоих стволов может быть либо 28-й, либо 32-й.

Охотничье ружье ТОЗ-91-12-1 с односпусковым селективным механизмом, отключающимся эжектором и автоматическим предохранителем. Это же ружье под индексом ТОЗ-91-12 будет выпускаться с двумя спусковыми крючками, автоматическим предохранителем и обычным выталкивателем гильз или патронов. Оба эти ружья будут выпускаться 12-го калибра под обычные патроны или патроны типа «магнум».

Кроме охотничьих ружей на этой же базе будут выпускаться спортивные ружья 12-го калибра для стрельбы на траншейном стенде (ТОЗ-91Т) и круглом (ТОЗ-91К). Эти ружья будут иметь односпусковой быстрострельный механизм, отключаемый эжектор, неавтоматический предохранитель и вентилируемую прицельную планку с быстрострельными цветными мушками.

Детали всех вышеперечисленных ружей значительно унифицированы между собой, что позволяет упростить их производство. Именно так в настоящее время поступают за рубежом.

Н. БОБМУРЕЙ

Вопрос. Как очистить от нагара после выстрела металлическую гильзу?

Ответ. Прежде чем начать счищать нагар в гильзе, ее необходимо подержать некоторое время для размягчения нагара в разведенной водой уксусной эссенции или квасной гуще (4:1). Затем гильзу промывают щетинным ершиком или тряпкой, намотанной на какой-либо стержень. После этого гильзу промывают горячей водой и сушат.

Вопрос. Каковы положительные качества дымного пороха?

Ответ. Дымный порох хорош тем, что он не теряет своих качеств при многолетнем хранении, если не подвергался воздействию влаги. Легко воспламеняется даже от слабого капсюля. Малочувствителен к качеству пыжей и прокладок, а также к изменению плотности заряжения и колебаниям температуры (мороз, жара), что приводит к его успешному использованию и в зимней тайге, и в летнюю жару на юге нашей страны. Кроме того, газы, образующиеся при выстреле, мало воздействуют на метал-

лическую поверхность канала ствола, разрушая ее в значительно меньшей степени, чем продукты сгорания бездымных порохов.

Вопрос.

Охотник И. Е. Костромин из Вологодской области спрашивает: «Можно ли использовать дымный (черный) порох после того, как он отсырел или подмок, предварительно просушив его, и как отличить такой порох по внешнему виду от пороха, который не намокал?»

Ответ.

После того как дымный порох отсырел, его нельзя использовать для снаряжения патронов даже после просушивания, так как зерна дымного пороха от влаги разрушаются и теряют способность воспламеняться из-за выщелачивания селитры (дымный порох обычно состоит на 75 % из селитры, 15 % угля и 10 % серы, которая поддерживает горение в закрытом патроне без доступа кислорода). В связи с этим следует внимательно следить за тем, чтобы сна-

ряженные дымным порохом патроны на охоте не подвергались воздействию влаги.

Неотсыревший дымный порох хорошего качества имеет отполированные зерна однообразного черного или слегка коричневатого цвета с блестящей поверхностью. При осторожном раздавливании одного зерна оно раскалывается на части, а не превращается полностью в порошок. Во время рассматривания зерна в десятикратную лупу не должен просматриваться белый налет выкристаллизовавшихся зерен селитры или желтоватых крошек серы и других посторонних включений или примесей. Кроме того, в порохе должны отсутствовать слежавшиеся комки и пороховая пыль. Если порох подвергался воздействию влаги, то видны слипшиеся комки дымного пороха (хоть и сухие), поверхность зерен матовая, тусклая. При хранении в нормальных условиях дымный порох не имеет срока годности и его можно использовать хоть через 100 лет после изготовления.

Ответы подготовил **М. БЛЮМ**

ВО ЛЬДЫ — ЗА ГУСЯМИ

Рисунок Б. Игнатьева

А. КОНДАУРОВ,
охотник-промысловик
Тюменская обл.

Предотъездная лихорадка, опасения, что вот-вот что-то помешает, сонный северный поселок — все осталось позади, за этим отлогим песчаным мысом.

Лодка, прижимаясь к берегу, лавировала среди плавающих кусков льда. Впереди, насколько хватало глаз, лишь узкая, теряющаяся во льдах полоска темной воды; по правую сторону — вздыбленные, покореженные ветром и солнцем глыбы ноздреватого льда, слева — отлогий буровато-коричневый, без единой былинки и деревца, оттаявший берег.

Шрх-шрх-х-х! — бились куски льда о фанерные борты. Мы невольно вздрагивали, опасаясь за прочность лодки, сработанной Альбертом по собственному проекту. Но он был невозмутим. Сидя на корме, охотник цепко держал румпель мотора и скупо улыбался, когда Вадим или я после каждого удара оборачивались к нему. От его выдавшего вида брезентового плаща, надетого поверх кухлянки и покрывавшегося от брызг тонкой коркой льда, грубых и сильных черт обветренного лица веяло легендами о смелых поморах. Скоро мы успокоились, полностью доверившись своему проводнику.

На нас наплывала какая-то громада, перегородившая и без того узкий проход.

— Гляди дорогу! — перекрывая шум мотора, крикнул Альберт, и я привстал с сиденья, всматриваясь вперед и предостерегающе подняв руку. В этом месте проход был настолько узок, что суденышко еле-еле протискивалось между зазубренными кромками льда.

Мало-помалу громадина вырисовывалась четче: это был железный остов океанской самоходки, надломленной посредине так, словно она села на подводную скалу. И тут я вспомнил рассказ Альберта о том, как однажды ранней весной он охотился на гусей: разбитое судно служило ему скрадком. Осторожные птицы, привыкнув за много лет к неподвижной самоходке, налетали близко, и охотник всегда возвращался с богатой добычей. Я поражаюсь смекалке и ловкости Альберта.

Самоходка осталась позади, и вновь мы оказались наедине с узкой кромкой прибрежной воды и кусками плавающего льда. И хотя за кормой шумно бурлил двадцатисильный мотор, ухо улавливало напряженную тишь, разливавшуюся и по безжизненному берегу и по мертвенно-бледному льду.

Но вот небо просветлело, и взгроможденные глыбы льда вспыхнули желто-зеленым свечением, а в складках глыб затаились фиолетовые тени, и вся ледяная пустыня заискрилась, полыхая то зеленой, то розовой оттеню. И где-то вдали, надо льдом, возникли не то серебристо-седые айсберги, не то кучевые облака, и отчетливо проступила и навалилась крутизна далекого и невидимого доселе островного берега. Видение несколько минут дрожало в бездонной синеве воздуха и вдруг стало медленно таять снизу, словно размываемая водой.

Впервые отчаявшийся на такое путешествие, беспрестанно остригавший на берегу Вадим сейчас притих, пораженный необычайной картиной.

Появились утки. Они сидели на льдинах, купались в студеной воде, проносились табунами над головой.

Вадим, забыв о ружье, вскрикивал оторопело, трясущимися пальцами по минутно протирал очки; и я не смог сдержаться — то и дело хватался за даустволку, но Альберт отрицательно качал головой, снисходительно посмеивался и не сбавлял скорости.

Альберт торопил нас. Ловко орудя

ножовкой, он выпиливал квадратные глыбы снега и, подхватывая их голыми руками, передавал мне, а я дальше — Вадиму. Это был последний скрадок, но мы не пытались соорудить его сами: Альберт переделал бы по-своему.

«Все, братцы! По местам!» — по-деловому скомандовал, наконец, он. Приподняв полу кухлянки, осторожно извлек из карманов брюк свернутую в рулончик пленку-манок. Подмигнул нам, посерьезнев, добавил: «Будет дело. Пошли». Мы спешно заняли свои места.

В серых сумерках полярной ночи где-то там, в стороне залива, куда ушел Альберт, уже слышалось волнующее гоготание гусей и пронзительные крики краснотелой гагары.

И враз стало светать.

Только сейчас я оценил мастерство Альберта: хотя скрадок Вадима находился в сотне шагов от меня, у противоположного отлога долины, а укрытие нашего приятеля дальше, к заливу, я не видел их. Ровное снежное поле казалось нетронутым и слабо отсвечивало под серым, светлеющим весенним небом.

Гуси появились внезапно. Тихо гогоча, косяк тяжелых птиц тянул со стороны залива прямо на нас. И вдруг гулко и азартно «заговорил» пятизарядный автомат Альберта. Две птицы с шумом упали на плотный снег. Расстроившийся косяк налетел на меня. Почти не целясь, я ударил навскидку из обоих стволов, что-то на миг остановилось в просиневшем воздухе, и густь упал рядом, у скрадка.

Забыв о наказе Альберта, я выпрыгнул из своего укрытия, ликуя, схватил в охапку теплую птицу. Она казалась мне невероятно огромной, тяжелой, сказочной. Такой добычи я еще никогда не держал в руках, и от волнения меня бросало в жар. Вернувшись в скрадок, я положил гуся рядом с собой и время от времени любовался им.

Между тем потревоженные гуси повернули к заливу. И опять весело лязгнул автомат. Альберт стрелял без промаха, четко, экономно.

Затем все стихло. С воды потянул холодный ветерок. Поеживаясь, я перебирал пальцами перо остывшей птицы и напряженно, до боли в глазах, всматривался в притихшее серое небо, нависшее над заливом, а когда устал, то пытался отыскать скрадок Альберта. Однако, сложенный из серебристых

плит, он сливался с проблесками раннего света.

Мы долго терпеливо ждали, но что-то случилось в природе. Вымерло все живое, и первобытный покой окутал долину. Только было слышно, как стучит в висках кровь и с залива доносится приглушенный плеск освободившейся воды.

Вдруг пронзительный, вибрирующий крик гуся пригвоздил меня к месту. Я не сразу понял, что это манок Альберта, и поразился звуку так, что мне стало жарко.

— Га-а-у-у-га-га! Га-га!..

Не хотелось верить, что такие звуки мог издавать человек: столько в них было дикой страсти! Позывам было тесно, и они уходили отголосками по долине.

— Га-га! — далеко где-то откликнулся гусь.

Я увидел его, точкой маячившего на фоне сизого горизонта, там, где вот-вот должно было взойти солнце.

— Га-а-у-у-га! — призывно стонало в воздухе. Нет, Альберт звал его не как обычным манком. В его позывах было что-то пронзительно-страстное и дикое.

— Га! Га! — радостно откликалась птица.

Уже можно было разглядеть ее. Гусь летел казалось медленно, беспокойно поворачивал голову, отыскивая невидимую подругу.

Все. Он был в пределах выстрела и пролетел от меня так близко, что я видел поджатые красные лапки и слышал мощное «дыханье» крыльев — словно ветром обдало.

Я не успел или не смог шевельнуть и пальцем, промолчал и Вадим.

Затем я увидел, как вскинулся вороненый ствол автомата Альберта. Гусь недоуменно застыл в воздухе, потом резко, смятый крупной дробью, пошел вниз, глухо ударился оземь.

Альберт поднялся из своего укрытия, его неестественно длинная тень легла на ослепительно белый снег. Вышли и мы, поняв, что охота закончилась.

— Альберт! — крикнул Вадим. — Скажи, о чем ты с ним говорил?

Альберт не ответил. Он деловито тащил за собой мешок, наполненный битой дичью, а гусь лежал на снегу серой горбатой кочкой, и в воздухе крутилось, падая, легкое перышко. Наши охотничьи скрадки вдруг четко проявились на снегу и узкими бойницами напомнили доты.

Кервуд Д. Гриззли. Казан. Повести.— М.: Стройиздат, 1993.— 100 000 экз. 288 с., ил.

Автор этой книги — Джеймс Оливер Кервуд (1878—1927) — страстный охотник, натуралист и путешественник. Подолгу бродил он в глухих и малоисследованных местах Северной Канады, хорошо знал и любил этот суровый край. Природе Канады и жизни ее четвероногих обитателей посвящены лучшие произведения Кервуда.

Кервуд Д. Казан. Сын Казана. Молниеносный. Романы.— М.: Слава, 1992.— 300 000 экз. 352 с., ил.

Романы захватывают красочным и точным описанием природы, характеров и повадок зверей, их борьбы за существование, взаимоотношений с человеком.

У истоков отечественной териологии.— М.: Наука, 1993.— 370 экз. 412 с.

1-я первая монография по истории отечественной териологии. Освещается развитие териологических знаний со времен Киевской Руси до конца XVIII века. Основное внимание обращено на териологические работы первых отечественных натуралистов-путешественников: Д. Г. Мессершмидта, участников Второй Камчатской экспедиции (С. Г. Гмелина, С. П. Крашенинникова, Г. В. Стеллера), Академической экспедиции 1768—1774 гг. (П. С. Палласа, И. И. Лепехина, С. Г. Гмелина, И. А. Гильденштедта). Даны биографические очерки этих исследователей и приведены переводы на русский язык некоторых из их териологических сочинений. Книга может служить антологией отечественной териологии XVIII века.

Оглобин К. С., Гавриков Ф. К. С ружьем и удачой.— М.: Воениздат, 1992.— 65 000 экз. 286 с., ил.

В книге приведены сведения об охотничьих хозяйствах и домах рыбакова Всеармейского охотничьего общества (ВОО), о его истории и сегодняшнем дне. Рассказано об охотничьих зверях и птицах, о биотехнических мероприятиях в угодьях. Читатель узнает о том, как добыть и сохранить трофей, подготовиться к охотничьим экспедициям и рыбной ловле, как соблюдать этические нормы, правила безопасности, оказывать первую медпомощь, бороться с насекомыми, ориентироваться на незнакомой местности. Не обойдены вниманием охота с ловчими птицами, сбор и обработка грибов. Специальная глава посвящена рецептам походной и домашней кухни. Есть цветные и черно-белые иллюстрации, толковый словарь.

Справочник можно приобрести наложенным платежом, посылка по адресу: 117513, Москва, 513, а/я 20. По этому же адресу примут заказ на брошюры, выпущенные журналом «Охотник»: «Выделка шкурок дома», «Ружье, которое бьет хорошо и служит долго (советы оружейника)», «Грибы и ягоды: заготовка и хранение».

СИННЯЯ БОРОДА

Валерий ЯНКОВСКИЙ

На становом корейском хребте Хван Серен еще сверкали на солнце непроходимые снежные сугробы, а в долинах все зеленело и цвело: лесная черешня, абрикос, дикая груша, поля голубицы; легкий весенний ветер окутывал голову окружающими запахами весны.

Мы с братом Арсением забрались в эти заоблачные края впервые, сами еще «зеленые» охотники: мне двадцать, а ему едва семнадцать лет. Недавно старый друг отца, приморский кореец Алексей Петрович Шин, с компаньонами добыл здесь темные, словно бархатом покрытые, ранние панты изюбра — большую ценность. И хотя, отправляя с нарочным к нам в Новину эти панты, он приглашал в горы Намсана меня одного, брат загорелся и отправился у отца тоже. Сейчас Шин и главный знаменитый следопыт этого района Хван-посу отдыхают у него дома, а мы, младший брат Хвана — Икени и «бородатый Ким», забрались в восточный угол Намсанского плоскогорья и остановились в большой фанзе жакиточного крестьянина. Его хуторок расположился на краю плато, возле глубокого каньона, на дне которого шумел еле проходимый мутный поток от таящего в горах снега. Намсанское высокогорное плато — особый мир, связанный с побережьем Японского моря труднопроходимыми, даже не тележными, а выючными тропами. Многие здешние старики признавались, что ни разу в жизни не видели этого моря...

С нами три корейские лайки. Мы каждое утро уходим к снегам станового хребта, ищем и гоняем изюбров, но пантати больше не попадают. Первого молодого бычка «шишкача» добыл самый юный участник, Арсений. Он очень горд. Потому что не избалованные роскошным мясом хуторяне три дня варят осердие и жарят на ароматном кунжутном масле с чесноком и красным перцем сочные бифштексы. Но особенно потому, что у хозяина красавица-дочь, а которую мы

все влюблены. Хотя она делает вид, что нас вовсе не замечает. То гордо несет на голове корчагу с ключевой водой, то кормит кур во дворе, то сидит за прялкой.

Весенний день долог, мы спускаемся с гор засветло и наперебой подглядываем за красавицей во все глаза. По очереди принимаем к щели или выбитому сучку в деревянной двери, разделяющей нашу гостевую и соседнюю рабочую комнату, где наша принцесса усердно тклет льняные бежевые холсты на своей деревянной машине.

Икени — скромный парень, к тому же его мучает зубная боль, утешая которую он часто глотает коричневые шарики опия. Но Ким горит не меньше, чем мы с братом. На охоте, в лесу у костра, он фантазирует — как можно привлечь к себе внимание хозяйской дочки. Чтобы ее заинтересовать, нужно прикинуться дурачком, припадочным: уласть перед ней во дворе, хохотать диким голосом, сделать страшную рожу! Он падает, катается по земле, мы все смеемся, подтруниваем друг над другом, но успеха не добивается никто. Недотрога по-прежнему неприступна. Арсений фантазирует: «Представляешь, она наконец в меня влюбляется, мы начинаем тайно встречаться. Я спускаюсь вечером с гор, а она ждет меня на тропе... Винтовка летит в сторону...»

Однажды я столкнулся с ней во дворе с глазу на глаз. Она остановилась и смело, с вызовом глянула на меня в упор: «Почему вы все постоянно подглядываете за мной в дверную щель?» Я опешил, но все же нашелся, вымолвил: «Потому, что вы очень красивая!» Я видел, что она польщена (матовость смуглых щек покрыл легкий румянец, дрогнули роскошные брови), но не выразила смущения. Гордо откинула голову и проплыла мимо. Вот и все. Вскоре мы узнали от отца, что дочь уже помолвлена с каким-то счастливецом из долины и осенью состоится свадьба. Видимо, это и делало ее такой надменной и неприступной.

Однако сомневаюсь, чтобы по домо-строевским канонам тех лет она хотя бы раз видела своего нареченного.

А нам было пора уходить дальше. Арсений отправился домой, а я, Икени и Ким преодолели подтаявшие сугробы становика и бродяжничали в тайге целый месяц. За этот месяц я не слышал ни одного русского слова, а добрые компаньоны стали для меня настоящими лесными братьями. В глухом распадке построили крепкий балаган, надежно защищавший в непогоду. Охотились и осматривали старые зверовые ямы на изюбрей, петли на кабаргу. За все время не встретили ни одного человека. Только однажды в дальнем походе неожиданно вышли на кромку обширного, вырубленного среди тайги поля, усыпанного красными и белыми цветами, классически замаскированной плантации опийного мака.

Хозяевам такой плантации грозила неминуемая тюрьма. Я не раз видел вереницы таких незадачливых макосеев, конвоируемые японской полицией. Но беснслсно высокие заработки толкали людей на риск снова и снова... На краю раскорчеванного поля мы нашли избушку, зимовье с теплым каном, застеленным сплетенной из лыка циновкой, с полками, на которых стояла посуда. В топке кана заметили еще тлеющие угли. По количеству ложек и палочек для еды мои компаньоны определили состав хозяев: пять человек. Но, очевидно, заслышав нас заранее, все сбежали в лес и, вероятно, следили сейчас за нами из какого-то укрытия. И мы не стали их тревожить, обойдя поле, ушли дальше. Чем закончилось это предприятие? Унесли эти невидимки после снятия урожая в тяжелых котомках коричневые кубики наркотика в соседнюю Маньчжурию или отправились на годы носить синие арестантские рубы в японскую тюрьму?.. Наш всезнайка, хлебнувший суровой жизни, бородатый Ким предсказывал последний вариант.

Кстати, почему «бородатый»? Каза-

лось бы, мало ли бородатых мужиков. Все дело в том, что такая борода среди корейцев — большая редкость. Посмотрите на классические корейские гравюры: что старые ямба — вельможи, что простые крестьяне — у всех жиденькие «дождичком» усы, такие же редкие, клинышком, бородки. А наш Ким (жаль, забыл его имя) отличался совершенно удивительной, скорее индусской, пакистанской или афганской черной курчавой бородой, закрывавшей лицо почти до глаз. Похоже, его мама или бабушка ненароком встречались с чужеземцами... Да и характер у этой Синей бороды был какой-то дикий, ничего от дальневосточной азиатской степенности и флегматичности. Взять хотя бы предложенный им метод покорения красавицы...

В общем, мы расстались большими друзьями. С Икени я больше не

встречался. Со старшим братом Хванпосу охотились вместе не раз. От него я узнал, что бедный Икени пристрастился к опиуму и быстро сгорел. О Киме не слышал несколько лет. И почти забыл о нем.

Рев изюбрей — неопишное по красоте время в тайге. Если российские охотники многократно воспевают весеннюю «песню» глухаря или токование тетеревов, то осенний рев быков изюбрей — это уже не песня, а настоящий концерт! Когда горы, кажется, гудят от страстного призыва громадных самцов, украшенных пятишестиконечными рогами. Гремит один, ему издали отвечает второй, третий; они идут на сближение, на смертный бой за право обладания дамой сердца. И сердце охотника, внимающее этому древнему концерту, тоже, как в песне, летит и поет!..

Федор Павлович Соломахин, уссурйский казак, в прошлом семеновский белый офицер, стал в Маньчжурии профессиональным охотником. Ловил живьем тиграт, бил за сезон по несколько пар пантов, но невыносимыми стали столкновения с хунхузами, от ру-

ки которых полегло немало русских охотников-эмигрантов. В начале 30-х он перебрался к нам в Корею.

Сейчас он сообщил, что ждет нас с отцом в далекой деревушке Нонсадон, откуда предлагает сходить на рев. Друг отца, харбинец Михаил Александрович Гинце с женой и маленькими сыновьями проводил на своей даче в Корею конец лета и осень, просил отца взять его с собой. Собрались. Я взял компанию на стареньком фазтоне шевроле в самое сердце корейских гор, и мы не могли оторвать глаз от неопишмой красоты сентябрьских гор. Их можно сравнить с распущенным хвостом павлина, спектром радуги: это золото, медь, фиолетовый, алый, оранжевый цвета, которыми великий фантазер-художник раскрасил осенние сопки... В большом старинном селе Енса автомобильная трасса кончилась. Там переночевали, взяли двухколесную арбу с быком и еще целый день шагали к пограничной деревушке, преодолев в огромной долбленой пироге правый приток реки Туманган. Бык ее переплыл.

На следующий день, уже вместе с Федором Павловичем, тронулись в путь с вьючной лошадкой — дальше уже нет и тележных дорог. Тропа вела на запад, извиваясь среди стройного лиственничного леса и обширных полей, усыпанных сизыми ягодами голубицы. Тропа, насчитывающая века. Такой она была, без сомнения, и в конце прошлого столетия, когда по ней шли русские экспедиции Аннерта, Гарина-Михайловского и будущего ака-

демика Королева, мимо потухшего вулкана Пяктусан, в Маньчжурию. Пяктусан — водораздел между реками Туманган и Ялу. Первая течет в Японское, вторая — в Желтое море.

Наша группа миновала сторожащие выход на огромное Пяктусанское плоскогорье две плоских, как подушки, горы, когда впереди над лесом показалось облачко дыма. Костер! Кто там может быть: охотники, хунхузы? Тут могли оказаться и те и другие. Решили подойти незаметно, выяснить, с кем предстоит иметь дело. Командовал, конечно, отец.

Юрий Михайлович решил, что неопытному гостю рисковать не следует, Гинце должен остаться с поводырем-корейцем и конем на тропе, а мы трое подкрасться к костру. Прячась за деревьями, мы осторожно продвигались в сторону сизого облачка. Ближе, ближе. Впереди на небольшом холме замаячили признаки табора, какие-то вещи, котомки и... прислоненные к толстому стволу лиственницы ружья! Два коротких полуавтомата «Ремингтон» и две гладкостволки системы «Мурата».

— Берем! — отец, как кошка, в три прыжка подскочил к ружьям и буквально сгреб их в охапку. — Смотрите кругом в оба, могут напасть!

Мы с Соломахиным уже рядом, я вижу в ключе за холмом группу людей в защитной одежде с засученными рукавами. Они разделяют тушу зверя. Отец командует: «Руки вверх!» Трое в растерянности поднимают руки, а один, как был с ножом в руке, бросается к нам. Он взлетает на холм резво, как кабан, и мчит, опустив голову, выставив вперед мощный кованый нож, целясь мне в живот. У меня винтовка в руках, на взводе, но что делать? Застрелить этого дерзкого человека, может быть, и бандита, а может и нет? Однако еще секунда-другая и он пропороет меня этим длинным серо-голубым лезвием! Момент из тех, что запоминается на всю жизнь.

В это последнее мгновение он поднял голову и глянул мне в глаза. Я увидел необыкновенную черную бороду, а он вдруг выпустил из рук нож: «Валери-сан!» Я опустил на мох свой лизенфилд. Мы обнялись и долго тискали друг друга, хлопая по спине и по плечам. Разумеется, сразу наступил общий мир.

Мы разбили палатку рядом с их биваком, они угостили нас изюбятиной, и вечер прошел у общего костра за «трубкой мира». Оказалось, эта группа корейских охотников тоже прибыла на рев; утром они добыли молодого изюбра, притащили к табору, разделили.

Сидя на валежине у костра, мы с Кимом вспоминали Намсан, наш поход в тайгу, тайное поле макосеев и, конечно, необыкновенную корейскую красавицу, чужую невесту. Утром все вместе прошли по тропе дальше на запад и

разошлись: они куда-то к подножию Пяктусана, мы — к берегу пограничной реки Туманган. Нашли широкий плес с неглубоким бродом, переправились на маньчжурский берег, забрались в округлые, поросшие вековым смешанным лесом уютные сопки левого бережья. Расставаясь, договорились собраться через неделю на месте первой встречи.

В эту осень изюбры ревели неохотно, бывает такое. Лишь однажды, когда я сидел на зависшем стволе старого клена, прислушиваясь к берестяной трубе Соломахина, неслышно приблизившийся бык внезапно взревел так, что я едва не свалился с дерева. Но разгладить в зарослях не сумел, а он, учуяв человека, хрипло зарывал: «боу-боу-боу!» и с треском умчался в чащу.

Утром я осторожно пробирался сквозь дубовое редколесье, когда впереди с лежки вскочил крупный секач. Пробегал и остановился в пол-оборота, прислушиваясь. Пуля попала ему под правую лопатку, уложив на месте. Кабан оказался очень жирным. Пока я с ним возился, услышал выстрелы в соседнем распадке. Оказалось, Соломахин взял небольшого черного медведя. Отец — пару козлов.

Назад на корейский берег выбирались ниже по течению, где брода не нашли. Пришлось строить «живой» мост. Нашли торчащий из воды посередине течения плоский камень, обрушили пару длинных лиственниц с обоих берегов, натянули параллельно веревку. Лошадку загнали в воду, заставили переплыть, а сами, балансируя над быстрым течением, кое-как перетаскали на корейский берег весь груз. Но тут вдруг выяснилось, что Гинце не может преодолеть это препятствие. Раненый в юные годы на улице Харбина хунхузской пулей, он потерял чувство равновесия. Что делать? Ему, конечно, было очень не по себе, неловко, конфузно. Сопровождая, я слышал сквозь шум воды, как он, стараясь скрыть смущение и растерянность, тихонько напевал себе под нос какой-то веселый мотивчик... Но, разумеется, никто не позволил себе какой-то насмешки, такое могло случиться с каждым.

В условленном месте мы повстречали друзей-охотников. Все радовались, только шустрый маленький владелец одного из ремингтонов улыбался опухшим разбитым ртом. Говорить членораздельно не мог. Ким рассказал, что тот на заре ранил молодого секача и пошел выслеживать по крови один, разумеется, тщательно глядя под ноги. А кабан, как обычно, устроил засаду, внезапно вскочил с лежки, сбил с ног и ударом клыков вышиб все передние зубы. И скрылся.

Сделали ему перевязку, все вместе дошли до Нонсадона, где и расстались. То была моя последняя встреча с Синей бородой.

Рисунок Б. Игнатьева

Литературное наследие

ГРИГОРИЙ ФЕДОСЕЕВ

Распласталась тайга по заснеженным холмам, выстала пади, ушла сплошной чернотой за хребты. Всюду величественная тишина зимнего леса. Изредка стукнет дятел: ударит клювом в сушину, смолкнет, ударит еще, по сильнее, и как зачистит... Долго не стихает в лесу этот дребезжащий звук. Он так обычен, что, кажется не нарушает общего покоя.

В вечернем сумраке багровел закат. Воздух был резок. Все замерло в безмятежной истоме угасающего дня. И такая благодать, такой покой, будто в природе на века наступило примирение. Ни хищников, ни бурь, ни смерти.

Тишину разорвал шум крыльев вспугнутой стаи синиц. И еще не успел смолкнуть шорох их крыльев, как послышался хруст снега под чьими-то легкими шагами. Затем ближе, точно от удара, вздрогнула березка, раздвинулся стланик, и в образовавшемся просвете появился Улукиткан.

Выбравшись из чащи, он, не задерживаясь, на ходу стряхнул с ушанки снег, протер лосевой рукавицей глаза, глянул на меркнувшее у плоского горизонта солнце. Не торопясь, вывел из чащи три пары оленей, впряженных в нарты, нагруженные охотничьим скрабом. Спустился к речке Арга и на пологом берегу остановился. В холодном безмолвии спала река. За нею простерлась на запад бесконечная равнина, угрюмая и в снежной близине своей однообразная, как синь океана. Слева за тальниковым частоколом звенел увал полану, увалом прижатую к реке. Именно сюда, к ней, он и пробирался.

Более трех десятков лет назад тут однажды была его стоянка. Однако и сейчас все ему на полянке знакомо: и приземистые ели, столпившиеся у невысокого берега, и озерко под рекою, в оправе из пожелтевшей осоки, теперь замерзшее, и старые пни от срубленных им еще тогда деревьев. Проходя мимо, Улукиткан толкнул ногою один из пней, и тот развалился. «Пни и те сгнили, а я еще топчу землю», — подумал старик.

Он подвел упряжки к ельнику. Отпустил оленей. Достал палмью — большой нож с длинной рукояткой, заменяющий топор, и ушел в чащу.

За тусклым горизонтом потухал закат. Из боковых ложбин, из чащи наплывал холодный сумрак. Одна за другой в небе загорались звезды.

Старик не торопился с устройством ночлега. Для одинокого путника зимняя ночь кажется бесконечно долгой,

Отрывок из повести «Последний костер»

УЛУКИТКАН

Рисунки Б. Игнатьева

чего только не передумашь, где только не побывашь, мысленно дожидаясь рассвета! «Как-нибудь прокоротаю ее, а завтра придет Василь, будет веселей, и языку найдется работа», — размышлял он.

Улукиткан опознал место, где когда-то стоял его чум. Выстлал это место лиственничными ветками, установил печь, натянул палатку, принес воды. Раньше он все это делал легко и быстро, а теперь не тот взмах пальмы, шаг стал мельче, да и в руках не осталось прежней силы.

Перед тем как забраться в палатку, старик оглядел звездную синеву неба над стоянкой. Ухом припал к тишине. С юга через марь набегал легкий ветерок. В нем расслышал он, как далеко отсюда глухо гудел огромный, непостижимый для разума лес. «К непогоде...»

А в палатке теплынь. Мигает свеча. Пахнет отогретой лиственничной подстилкой. Чудесный запах! Куда нежнее и ароматнее запаха еловой или сосновой хвои. Вообще Улукиткан предпочитает его любому запаху.

Звенки давно уже живут оседло, сменив дырявый берестяной чум с негаснущим очагом в нем на четырехстенную уютную избу с печью. Только такие старики, как Улукиткан, не могут, не видят смысла ломать установленный прадедами уклад жизни, связанной звериными тропами, полной поединков со стужей и непогодой. Вся его жизнь — большой аргиш. Одна-две ночевки на одном месте, и дальше, к новому небу, к другому ручейку, туда, где лес в тихую погоду, кажется, поет колыбельную. Улукиткан убежден, что на свете нет ничего уютнее полотняного жилья с лиственничным запахом, нет ничего вкуснее пшеничной лепешки, испеченной на жарких бере-

зовых углях, и здоровее сна у костра, он не знает приятнее музыки, чем голоса живой природы.

Улукиткан сбросил с худеньких плеч дошку, подложил в печку дров, присел к теплу. «Хорошо!» — подумал он, доставая из потки посуду, суфлорку с сахаром, масло, отварное мясо. Скорее бы закипел чайник...

Улукиткан слышит, как шелестит снег, падающий на крышу палатки, как за озерком стонет, качаясь, старая лиственница, как за Аргой кричит голодная птица. Расстегнул вход в палатку и, высунув седую голову, взгляделся, вслушался в беспросветную темень. Где-то внизу тихо шумели старые сосны. «К утру снег перестанет, переноса будет, а это всегда охотникам фарт, может, и мне повезет», — порадовался старик.

После чаепития он занялся подготовкой к охоте: отложил несколько беличьих патронов к бердане и три для крупного зверя. Его пёс Пакет — мастер берлоги искать, авось и нынче поднимет зверя, тогда он, Улукиткан, старому дружку своему Уйбану не сохатиную шкуру привезет, а медвежью. Теплая будет ему подстилка под бок, да и укрыться ею куда с добром. Улукиткан достал из потки трубку, сам не курил, но на всякий случай, для встречи с кем-нибудь возьмет и трубку. Посмотрел, не продырявились ли меховые чехлы для лыж, без них не скрадешь в тихом лесу зверя.

Сон не приходил к Улукиткану. И перед ним вставал вострашенный день: лес, встревоженный выстрелами, след зверя, призывный лай Пакета. Всякий раз, когда он находился в тайге, им овладевало это загадочное чувство. Он никогда не пытался осмыслить, понять его, просто слепо доверялся и отдавался ему. То было чувство

привязанности к тайге, ко всему, что связывало с ней, — и это было для звенки чем-то таким, что дороже всякой добычи, сытого табора, что он не променял бы на сотню черных соболей. И он радовался сейчас, что это чувство дожило с ним до глубокой старости, приносит ему и теперь величайшее наслаждение. Именно эта привязанность и привела его теперь на Аргу.

Думал он и о другом. Безымянный голец, с которого он вывел в «жилуху» астрономов — Ивана Ивановича и Алю, оказался последней покоренной вершиной в его жизни, как и то стадо снежных баранов, которое он видел тогда, уходя с голца. Не пришлось ему больше бывать в горах, скрадывать круторогих. И тогда же, у стойбища, куда он привел астрономов, навсегда оборвалась долгая тропа проводника, догорели костры последних шумных привалов. Не сопровождал он больше ни одной экспедиции, годы отняли у него право быть впереди идущим. Будто кто-то пальмой пересек жизнь звенки, разделив ее на прошлое и сегодняшнюю старость.

Он заснул и во сне увидел далекую чайдахскую тайгу — глухой безлюдный край, где много лет назад он, будучи проводником, ослеп. Потерял солнце, тропу, приметы, но не бросил спутника, вывел его из большой беды, спас и себя. То был небывало голодный путь, нечеловеческие испытания. И все это он снова переживал в снах, которые часто переходили в кошмары. Улукиткан сбивался с направления, тонул вместе со спутниками в зыбунах или на порогах, бессмысленно блуждал по чащам и болотам. А просыпался с тяжелой головой.

Утро еще таилось за тусклыми горизонтами, когда Улукиткан застегнул за собою вход в палатку, привалил край полотна поленом. Долго стоял, поглядывая на все стороны, раздумывая, куда ему податься, где вернее искать свою удачу? Можно бы за реку, в ельники, места там подходящие для белки, однако кочкватые мари, не везде пройдешь. Неплохо бы податься и в ложки, там-то наверняка есть зверь, но ходить по крутым отрогам у старика уже не было сил. «Совсем не остается мне и дела и места в тайге», — с горечью думал охотник.

Улукиткан еще раз окинул хозяйским взглядом становище и, подчиняясь какому-то внутреннему охотничьему приказу, уверенно отправился в глубь лиственничной тайги, навстречу разгорающемуся дню.

Лес еще был полон ночного оцепенения. Деревья стояли, опущенные сне-

гом, с высоко поднятыми вершинами, сквозь которые чуть сочился голубоватый свет утра.

Старик неторопливо месил лыжами податливую перенову, любуясь сказочным, неповторимым снежным царством, — на пнях белые папахи, на берегах висие кружева инея, коряги превратились в снежные хоромы, под стланиковыми навесами — таинственные пещеры. Старик бережно обходит хрупкие творения ночного снегопада.

Опытные глаза охотника ничего не пропустили. На свежем снежном покрове читают они предостережения следы лесных обитателей. Вот мышь, крошечное беспокойное существо, выскочила из норки поглядеть на заснеженный мир и, пробега к соседке, настроила малюсенькими лапками стежку. А это дикий олень, опускаясь в береговой ельник на кормежку, взбил сильными копытами белизну переновы, по пути развалил своей огромной тушей легкие снежные надстройки. Вот следы горностая, в поисках пищи этот хищник шнырял по темным закоулкам стланика, взбирался на валежины, чтобы осматреться, принюхаться, и бежал дальше голодный, злой.

Из распадка, к которому подошел Улукиткан, донесся еле уловимый звук. Старик остановился, напряг слух и глаза. «А где же Пакет? Почему не подает голоса, оглох, что ли?» — подумал старик и зашагал к густой лиственничной чаще, откуда донесся непонятный звук...

Охотник подошел к береговому обрыву. Дальше, за Аргой, лежала бугристая равнина, сглаженная к горизонту белизной снегов. На ней кое-где были видны узкие полосы ельников, будто черные незажившие шрамы земли. «Там наверняка белка живет, ее места», — подумал Улукиткан и уже хотел было спуститься на реку, как слева послышался треск сучка под чьей-то ногой.

«Зверь», — заключил Улукиткан и круто повернул лыжи в направлении этого звука, потянул свой след к чуть видневшейся сквозь морозную мглу пади.

Шел он осторожно, но крался по кустарникам, низко пригибаясь, то укрывался за толстыми стволами лиственниц. Совсем близко послышался тот же треск. Охотник огляделся по сторонам — никого не видно. Вокруг глубокая морозная тишь.

Улукиткан взобрался на мысок и, прижавшись к дереву, огляделся. Впереди резкой темной полосой начинался сосновый бор. Правее его, по падам и заснеженным холмам простиралась старая гарь. Улукиткан внимательно всматривался в гарь, в подлесок, но ничего не мог различить. «Лет десять назад — враз бы увидел, а теперь лешевы глаза хоть выколи!»

И вдруг слева, совсем близко, послышался скрип снега под чьими-то тяжелыми шагами. Улукиткан глянул туда и сильнее прижался к сосне: «Сохатый!» Вот он весь повернулся к охотнику,

прислушался, навести уш. Что-то, видимо, встревожило его.

Улукиткан, пожалуй, еще не видел в жизни такого огромного зверя. Весь облитый солнечным светом, он казался прямо-таки великаном. Темной масти, а спина совсем черная. На голове корона широченных рожниц. Могучая грудь. «Однако, жирен!» — дивился старик, примериваясь глазом к зверю, от которого его отделяли слева по уvalu редкий ольховник, а справа падь, заваленная стволами упавшего леса. Место неудобное для скрадывания, земля завалена сухими сучьями, малейшая неосторожность — и прощай добыча! У сохатого отличный слух и хорошее чутье, но зрение неважное. Он житель леса, а в лесу видимость короткая, и у сохатого выработалась как бы близорукость в отличие от обитателей открытых мест, степей и гор, где зрение имеет первостепенное значение. В двух сотнях шагов вряд ли сохатый отличит человека от пня, зато его шаги он услышит за версту. И все же Улукиткан решил подобраться к зверю по гари.

Пятясь задом, он спустился с мыска, скатился к реке. Достал из котомки длинные чехлы, сшитые из собачьих шкур шерстью наружу, натянул их на свои широкие лыжи. Зимой в тихую погоду только в них и скрадываешь зверя — собачья шерсть глушит под лыжами шорох снега.

Воздух недвижимо висел над разогретым лесом — это для скрада не очень-то хорошо. Старик сбросил с плеч поняжку — лишняя тяжесть ни к чему. Затянул потуже ремень на животе и подоткнул под него полы дошки, чтобы ногам было свободнее шагать. Еще раз оглядел гарь, усевшую мертвыми деревьями. И бесшумно двинулся вперед.

Вот и выскорь — замеченная с мыска старая лиственница, падая, подняла своими могучими корнями большой пласт земли, точно щит, поставленный на ребро. Надо добраться до него — и можно стрелять. Слышно, как лениво шагает зверь по снегу, как с треском ломает тальник и смачно жует молодые побеги.

Улукиткан занес ногу, чтобы перешагнуть через валежину, но пошатнулся и наступил лыжей на сухой сучок. Треск сломанного сучка в тишине показался взрывом. Улукиткан, ухватившись за сушину, замер. Но зверь, почему-то даже не пошевелив головой, продолжал кормиться. «Эко, спокойный какой!» — удивился Улукиткан и осторожно перенес через валежину другую ногу.

Он подкрался к выскори. Перевел дух. Глянул в щель между корнями. Сохатый был от него шагах в пятидесяти и весь на виду. Улукиткан развязал кожаную сумочку, висевшую сбоку, достал из нее патрон с большой пулей и перезарядил бердану. Не торопясь просунул в щель ствол...

Зверь, видимо, что-то почуял, вскинул рогатую голову, поставил торчмя

уши и замер. Но было уже поздно. От выстрела дрогнула тайга. Сохатый круто развернулся, спотыкаясь, бросился вверх по пади, но, не одолев крутизны, повернул назад, вниз. В слепом беге, насканивая на сухостой, грудью руша снежные наметы, с треском подминая под себя молодые деревья, он уходил к Арге. И там, у реки, внезапно оборвался его бег.

Старик постоял, еще не уверенный в удаче, еще не зная, насколько тяжело задела пуля сохатого. Он разрядил бердану, продул ствол. До его слуха долетел гортанный крик какой-то птицы, должно быть, первой увидевшей свалившегося сохатого. Вот и горностаи прошмыгнули мимо старика в ту же сторону. Этот запах крови чует далеко. Над рекой появилась стая кукуш. «Ни, чего в тайге от них, негодниц, не скроешь, исподволь за всем следят, все видят и тотчас передают друг другу», — подумал старик и, не задерживаясь, пошел на крик птиц.

«Знал бы Басиль, что я добыл сохатого, наверно, не пожалел бы оленей, поторопился. Он любит отварную жирную грудинку, хорошо нынче угощу его!» — Старик совсем забыл о неудаче с «казакком» (сободем), вновь поверил в себя.

По пути поднял брошенную котомку. Снял с лыж чехлы, приторочил чехлы к поняжке. Все так же не торопясь, направился к убитому зверю. «Должно же было мне сегодня повезти... Пожалуй, еще поживу своей добычей, не нужно мне занимать на жизнь у кого-нибудь. Еще будут радости»... И внезапно до тошноты, резко ощутил он голод. Вспомнил, что с утра ничего не ел, лишь выпил кружку чаю у дупляной сосны.

След раненого зверя с гари свернул право, к видневшейся в сосняке полянке. Тут Улукиткан увидел лежку, залитую кровью. Но самого зверя не оказалось. Старик внимательно осматрел лежку. Зверь лежал на левом, кропоточащем боку, головой к своему следу. Эвенк припомнил, что в момент выстрела сохатый стоял к нему правым боком — значит, пуля прошла навывлет. Не должен бы далеко уйти...

Улукиткан направился к Арге, куда раненый зверь потянул свой след. И вскоре он увидел за рекою, на заснеженной мари, живую черную копу, медленно движущуюся на юг, к темно-зеленому ельнику у горизонта. Это был его сохатый. По тому, как он медленно уходил от опасности, эвенк заключил, что ранен зверь смертельно. Он заторопился — ишь как солнце-то уже низко!

Шел и думал о сохатом: «Зачем, на свою беду, ты так неосторожно ломал тальник, оставляя такие после себя следы, ведь они свели мою судьбу с твоєю. Теперь мы идем одной тропой, будто связанные длинным ремнем. И возле нас близко смерть. Кого-то из двоих она скоро схватит за горло. Ты можешь рассчитывать только на себя. И я тоже. У тебя рана,

а у меня старость. Тебе надо уйти, а мне догнать тебя. Нам обоим одинаково трудно...»

Старик вдруг почувствовал тяжесть и боль в своих усталых ногах. Остановился в нерешительности. «Хорошо, если до темноты догоню, возле убитого зверя ночевать легко, приятно, а если добычу упрячет от меня ночь? Однако лучше вернуться на табор, а завтра утром выйти в погоню со свежими силами, куда зверь не уйдет от

волка, шарахнулся в сторону, пробежал немного, остановился, опустил рога к земле, охваченный предчувствием новой опасности, готовый обороняться.

«Ишь, как скоро учуял, проклятый хищник! Но нет, не дам тебе поживиться», — подумал Улукиткан о волке и решительно повернул лыжи за Аргу. Мясо зверя, пораненного волком, считалось непригодным в пищу, такой таежный закон. Не дать волку опакосить добычу — это было теперь для

Улукиткан снял лыжи, поставил их торчком в снег, чтобы на обратном пути было легче их найти. На мари на них далеко не уйдешь. Не выпуская из виду сохатого, он зашагал быстрее. Кочки, иногда высотой до пояса, очень затрудняли путь. Но мысли о волке заставляли Улукиткана торопиться. И хотя он понимал, что не в его годы состязаться с быстроногим и злобным хищником, все же решил не отступаться от своей добычи.

своего следа». Улукиткан готов был уже повернуть лыжи, но снова задумался: «Сын Басиль, наверно, уже пришел на табор. Не скажет ли он с усмешкой: стар ты, отец, не охотиться тебе больше, если бросаешь в тайге раненого зверя?..» Старик колебался. Склонившись грудью на посох, он смотрел, как уходила от него добыча. И чувствовал, что у него сегодня уже нет сил гнаться за нею.

Издалека с заречной стороны до него донесся вой — то растеклась по равнине голодная волчья песня. Улукиткан увидел, как сохатый, слышав

старика главным.

Перебежав по льду реку, Улукиткан выбрался на марь. Последние лучи закатного солнца косо пересекали снежную белизну. На ней черным пятном маячил сохатый, он с трудом вышагивал по кочкам все в том же направлении — к ельнику. Иногда останавливался, поворачивал голову в сторону, откуда донесся вой, и надолго застывал на месте в тревожном ожидании. Страх перед хищником, видимо, на какое-то время оттеснил опасность, которую он чуял позади, — шедшего по его следу человека.

Сохатый стал чаще останавливаться. Видимо, его покидали силы. Может быть, так и догнал бы его старик, но послышался снова вой голодного волка, и лесной великан вскочил, охваченный страхом, он спешил скрыться в лесу, но ноги у него уже подламывались, рана болела и кровоточила, и только врожденная чудовищная выносливость толкала сохатого вперед.

Проклятые кочки вконец измотали и силы старика. Когда раненый зверь останавливался, останавливался и старик. Опираясь жилистыми руками на посох, он отдыхал. Казалось, между

ним и сохатым установилось какое-то равновесие в движении и во времени. Но зверь шел все медленнее, и это обнадеживало охотника. Он рассчитал, что до темноты ему удастся приблизиться к сохатому на выстрел и тогда кончатся страдания и зверя и его собственные.

Волк был где-то совсем близко. Улукиткан, напрягая последние силы, подбирался к раненому сохатому, ползком, хватаясь руками за кочки. Сохатый, почуяв его приближение, повернулся к охотнику, сделал два огромных прыжка в его сторону и замер, пораженный близостью человека. Но не победил. Вечный страх перед ним уступил чему-то другому, более сильному.

Улукиткан поднялся с земли. И вот зверь и охотник стояли открыто друг против друга. Оба обессиленные, но полные решимости. Старiku надо было пройти еще шагов тридцать, чтобы стрелять наверняка. Но его ноги не в состоянии были сдвинуться с места. А соблазн был слишком велик — гора мяса, огромная шкура. И он встал, опираясь на бердану. Сохатый фыркнул, переместил все четыре ноги на шаг вперед, но удержался, не упал и медленно двинулся навстречу звенку. Вооруженная тяжелыми рогами, с выброшенными вперед острыми надбровными бивнями, голова зверя была низко опущена. Улукиткан знал, как опасен раненый сохатый.

Не мешкая, он перезарядил бердану единственным оказавшимся при нем большим зарядом. В это время на том месте, где стоял раненый зверь, поднялся огромный столб снежной пыли, сквозь которую замелькали взмахи рогов вздыбленного зверя, послышался храп и стон, ударами сильных ног сохатый рушил мерзлые кочки, разбрасывая далеко от себя мерзлую черную землю.

Звенк невольно вскинул бердану. Справа от головы сохатого он увидел серую тень волка. Это был матерый бирик — одиночка. Голод заставил его в одиночку напасть и начать схватку с сохатым, возможно, волк понял, что его могучий противник ранен. Затаившись прыжком он хотел схватить сохатого за горло, но промахнулся и лишь на какой-нибудь волосок увернулся от смертельного удара передних копыт сохатого. Волк быстро оправился, еще больше рассвирепел. Он-то знает, как брать такую крупную добычу, только бы вцепиться сохатому в горло, тогда достаточно одного сильного рыка — и жертва захлебнется собственной кровью. Но горло оказалось под охраной острых рогов и сильных ног, способных одним ударом пересечь пополам любого хищника.

Волк вдруг переменял тактику, решил взять зверя сзади. В лесу был сохатый прижатся задом к выскори или толстой лесине и ничего бы ему не сделала даже стая волков, а тут, на открытой мари, он был беззащитен. Он

разгадал маневр хищника, мгновенно повернулся к волку.

Улукиткан видел, что сохатый, отбиваясь от разъяренного волка, пятится задом к нему, все ближе и ближе. «Еще немного — и пальну». Старик приподнял ствол берданы вверх, прижал ложку к щеке и внезапно понял: зверь, доверчиво отступая в его сторону, как бы ищет у него защиты. И он опустил ружье... В это время сохатый приподнялся на задних ногах и в следующее мгновение обрушился всей своей огромной тушей на волка. Тот отскочил, но, ударившись о кончик, упал и тут же был насажен на острые рога лесного великана. Сохатый поднял волка высоко, как бы показывая невидимым врагам, на что он еще способен, и тут же сам со стоном рухнул на землю.

Волку стоило огромных усилий сойти с рогов. Он снова накинусь было на сохатого, но силы его иссякли. Хищник стал кататься, хватая зубастой пастью снег, и пополз прочь, оставляя на мари кровавый след.

Улукиткан встал, направился к сохатому, шел не таясь, держа наготове бердану. Хотел подойти поближе и наверняка покончить с сохатым: «Неправда, что счастье откатилось от меня. Это ли не фарт!»

Сохатый увидел приближающегося человека, с трудом приподнялся перед, потом зад. Встал. Еле удерживаясь на ломких ногах, шагнул навстречу охотнику. В его движениях, позе, в том, как он держал гордо приподнятую голову, не было страха. Большие круглые глаза, в которых пылал закат, смотрели на звенку печально, беззлобно. В них было столько мольбы, столько жажды жизни! Старик не выдержал, опустились руки. Он хотел отвернуться, чтобы не видеть этих грустных, совсем человеческих, осмысленных глаз, но не мог. И стрелять не мог. Взгляд зверя перевернул всю душу Улукиткана...

Себя не узнал — отступился от добычи. Возвращался к Арге своим следом. Нес в голове тяжелый, необычный для охотника груз — жалость. «Это она заставила уйти от сохатого. Видать, не промышлять мне больше зверя».

Спустившись к реке, звенк прибавил шагу. Лыжи легко скользили по гладкому льду. До этого он вроде не замечал старости, старался не касаться, отгораживался от нее, не признавал ее, видел у других, не у себя. И вот она пришла к нему как бы неожиданно, без примет, не предсказанная сном, в первый, долгожданный день охоты. Пришла окончательно, властная, неуступчивая. «Стар я, что и говорить, добыча бежит от меня, как птица от пожара».

Он почувствовал ноющую боль в спине. Ноги дрожали, подламывались. Немая слабость растекалась по всему телу. Удары сердца тяжело отдавались в голове. Только бы не свалиться, добраться до табора. Пустая котомка вдруг стала тяжестью.

На холодных плечах скупой земли догорал кровавый закат. В этот короткий час, между светом и тьмою, когда в сумерках снежная белизна сливается с тьмою, смолкает робкий щебет синиц, исчезает ветерок и воздух становится необыкновенно чутким, как в летнем зное паутина.

Табор пустовал. Басиль еще не приехал. Улукиткан ждал его позднее. «Как бы кстати сейчас была печенка и отварное жирное мясо!»

Старик не стал устраивать ночлег, ушел искать оленей. Да разве их сразу найдешь! «Глупая порода, на месте не кормятся, от ягеля бегут, чего ищут — не знают», — досадовал старик. Одного ездового только и нашел, привел к табору.

Но на этом не закончился день. Надо было принести и наколоть дров, натаять воды, сварить ужин. Много дел, пока обретишь сон.

Поздно прибежал Пакет. Принес длинный язык да отяжелевший хвост. Ему было не до еды! Примостившись между корней старой лиственницы, собака долго зализывала натруженные подошвы лап.

Из мутной бездны горизонта шла беспокойная ночь. Тьма накрыла табор. За Аргою, где потухло солнце, небо слилось с землею. Загудел ветер. Он шел с Охотского моря, скрывал стужей поверженные горы, реки и заросленную снегом тайгу. Старика казалось, ветер разбудил шаманов и пошел куролесить по зейским просторам с бубнами да со свистом. Закружились над стоянкой хрупкие пушинки снега, они падали на землю, но порывы ветра подхватывали их и в дикой пляске гнали дальше в крошечную тьму.

Снизу донесся крик ночной птицы, короткий и печальный.

Ослепленный мраком, старик долго стоял, тревожно прислушиваясь к лесному шуму, ждал, не донесется ли с Арги знакомый перезвон бубенцов на шеях оленя Василия.

Продрогший, вернулся в палатку. В печке весело гудело пламя.

Старик страшно устал. Устал, может быть, больше от неудач, чем от долгой ходьбы по тайге и хлопот на таборе. В его ли годы такая нагрузка! Нож валился из рук, веки смыкались, хоть подпорки ставь! «А дожидаться Басиля надо. Сын придет, надо выйти помочь ему разгрузить нарты».

Улукиткан разбросал по притоптанному снегу еловый лапник для сына, заботливо ощупал его — не будет ли жестко спать. Кое-как, на четвереньках добрался до своего места и прилег не раздеваясь. «Басиль придет — поужинаем вместе, и тогда заберусь в спальный мешок».

Мысли сменяли одна другую. Каким долгим был его путь на земле! Вспомнились тропы. Они на всю жизнь врезались в память. Все прошлое переплетено ими. То он видел их торными, то в болотах топкими, зыбкими, еле приметными глазами, то взбирающи-

мися по камню на крутизну. Тропы никогда не останавливались на месте, они шли, бежали — и тащили его за собою. Никто не знает, в каких далеких краях эти таежные тропы начинаются и где кончаются. И кто знает, что хранят в своей молчаливой памяти эти черные борозды, секущие лесное пространство вдоль и поперек? Кому поведают они тайны брошенных на их пути огнищ, захоронений, каменных курганов?

В палатке аромат разнеженной теплом хвои. Улукиткан нет-нет да и при-

слушается к гудящим порывам ветра. Жалеет, что с вечера не наколот еловых плах, правнуку лыжи обещал сделать, вот и вытесал бы их теперь, дожидаясь Василия: «Эко, не догадался!»

Одиночество никогда не было Улукиткану тягостным. В одиноких скитаниях по тайге и горам он прожил большую часть своих дней. А теперь его жизнь совсем сузилась, и он живет наедине со своими думами. Все чаще мыслью он обращается к прошлому. Он просеивает это прошлое через жи-

тейскую мудрость, судит себя самого...

В печке весело потрескивали ливеньничные дрова. Спать Улукиткану совсем не хотелось. Верно, что к старости сон сменяют думы. На этот раз вспомнился ему давнишний случай. Улукиткан хранил его в своей памяти со всеми подробностями, но никогда не пытался переосмыслить ход давно, ушедших событий. Эти воспоминания увели старого звенка далеко от Арги, от его последнего табора, в далекое прошлое, в другие времена.

Улукиткан увидел себя молодым...

ТРОПЫ ГРИГОРИЯ ФЕДОСЕЕВА

Почти тридцать лет своей жизни землепроходец и писатель Григорий Анисимович Федосеев (1899—1968) посвятил исследованиям труднодоступных районов Сибири и Дальнего Востока. В нелегких походах он вместе со своими товарищами и помощниками закрывал последние белые пятна на географической карте нашей страны.

Тот, кто близко знаком с экспедиционной жизнью, годами ночевал в палатке и варил похлебку на костре, по достоинству оценит мужество Григория Федосеева, участвовавшего в полевых изысканиях даже в зрелом возрасте.

Пути господни неисповедимы, и один из них привел Григория Анисимовича, много походившего по земным тропам, в литературу. Сам он об этом сказал так: «Труд исследователя всегда был тяжелым испытанием. Но я не подозревал, что написать книгу куда труднее...»

Его первые рассказы под названием «Таежные тропы» вышли в 1950 году и представляли собой литературную обработку бесхитростных дневниковых записей. В таком же ключе написаны и две последующие книги Г. А. Федосеева — «В тисках Джугдыра» и «Мы идем по Восточному Саяну».

С годами литературное мастерство писателя окрепло, новые повести «Смерть меня подождет», «Пашка из Медвежьего Лога», «Тропую испытаний», «Злой дух Ямбуя» уже выгодно отличаются от ранних произведений.

В 60-е годы книги Григория Федосеева завоевывают большую популярность, их издают за границей, даже в Англии и во Франции. Очевидно, европейцам было очень занятно лишний раз поразиться громадности России и убедиться в беспечности и безалаберности русских, к середине двадцатого века так и не сподобившихся облазить и обмерить все свои богатые кладовые и владения.

Секрет же успеха книг Федосеева на Родине кроется как в возросшем интересе к Сибири, подогреваемом официальной пропагандой (Братск! Усть-Илим! Даешь миллионы киловатт!!!), так и в самом материале.

Говоря о творчестве Федосеева, нельзя не упомянуть об одной отметине времени. В те годы так называемая «таежная» тема была настолько модной, что песни о геологах звучали по радио с утра до вечера, о «покорителях» Сибири слались оды и саги, были задействованы лучшие творческие силы. Тема пошла на убыль и иссякла лишь после БАМовского апофеоза, когда у нового руководства, видимо, попросту кончились деньги и на БАМ, и на его воспевание.

Многие еще помнят жизнерадостные, полные пионерского оптимизма произведения тех лет. У романтических таежных костров согрелось и прокримилось целое поколение писателей, поэтов, художников, музыкантов и кинематографистов. Когда же костры стали гаснуть, «певцы» дружными и стройными рядами отступили и укрылись в теплых столичных квартирах, оставив своих кумиров замерзать в балках и бараках.

Где, на каких полках пылятся сейчас пухлые романы и поэмы с обязательными энергичными вожаками и весело ра-

портующей молодежью? Впрочем, есть и утешение: конъюнктурщина не прошла, не просочилась к следующему поколению читателей. А вот книги Григория Федосеева не забыты и два года назад заботливо изданы в трех томах. Купить их невозможно, в библиотеках они не залеживаются. И ведь не импортные детективы, не скандальные романы, а поди ж ты...

Герои Федосеева не участвуют в соцсоревновании, не проводят комсомольские собрания и слеты, им некогда этим заниматься, ибо они делают нужную и трудную работу. Ни одному из них не приходит в голову намалявать краской на девственных каменных берегах сибирских рек бесшабашно самонадеянный, двусмысленный аршинный лозунг, вроде «Ну, Енисей, погоди!»

Приключения горстки геодезистов, предводительствуемой проводником-звенком Улукитканом, автором не выдуманы, хотя читателю может показаться, что встречающиеся на пути землепроходцев трудности явно преувеличены. Это не так. Магаданский старожил Варлам Шаламов, проведший в сталинских лагерях почти два десятилетия, в своих «Колымских рассказах» пишет о том, как однажды его отрядили на геодезические работы. Претерпевший все мыслимые и немыслимые круги человеческих страданий, Варлам Шаламов свидетельствует, что работа колымских землемеров была подчас такой же тяжелой, как и труд узников ГУЛАГа.

Мужская дружба, взаимовыручка, смелость и настойчивость — все эти непреходящие человеческие ценности помогли Григорию Федосееву и его товарищам преодолеть трудности многолетних таежных скитаний.

Для любителей охотничьей литературы повести Федосеева — настоящий клад. Вряд ли у нас найдется еще один писатель (может быть, только Пришвин), посвятивший столько страниц охоте. Это и немудрено, потому что в походах он и его спутники никогда не расставались с ружьем, а в самом авторе «зверобой уживался с терпеливым натуралистом, много наблюдавшим за жизнью зверей и птиц».

В постижении огромного мира природы и человечности неоценимую помощь писателю оказал старик Улукиткан, проведенные вместе с ним годы Григорий Федосеев называл «академией».

Старый звенк до глубокой старости жил своим трудом и ни для кого не хотел быть обузой. Он и умер-то не от болезней, а погиб в тайге, отправившись на охоту. Место гибели Улукиткана теперь скрыто толщей Зейского водохранилища. О его трагической смерти Григорий Федосеев трогательно рассказал в повести «Последний костер», ставшей последней и для самого писателя.

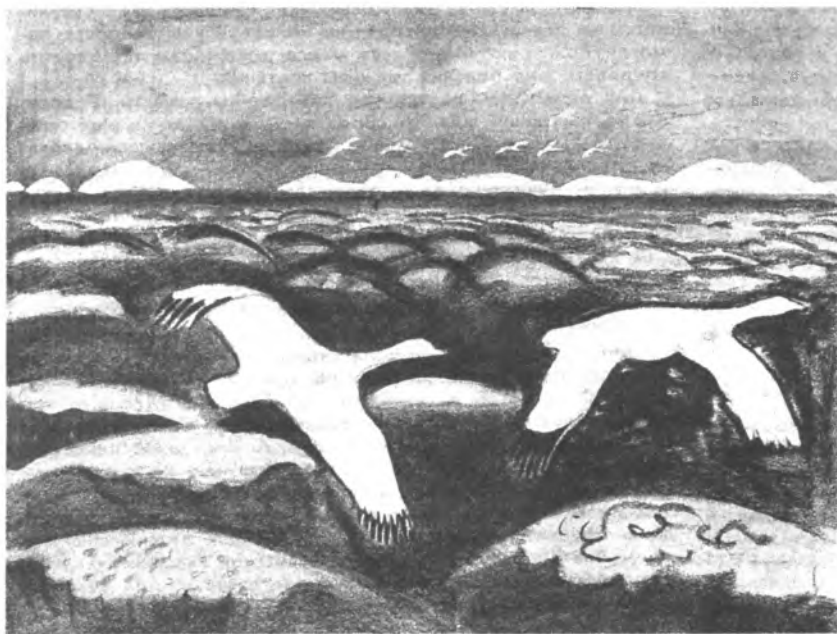
В мире и согласии с природой Улукиткан прожил более девяноста лет, но его чистый, оставшийся детски-наивным разум так и не постиг, для чего Советской власти понадобилось все, непременно «все богатства взять из-под земли?» А что же останется потомкам?

М. БУЛГАКОВ

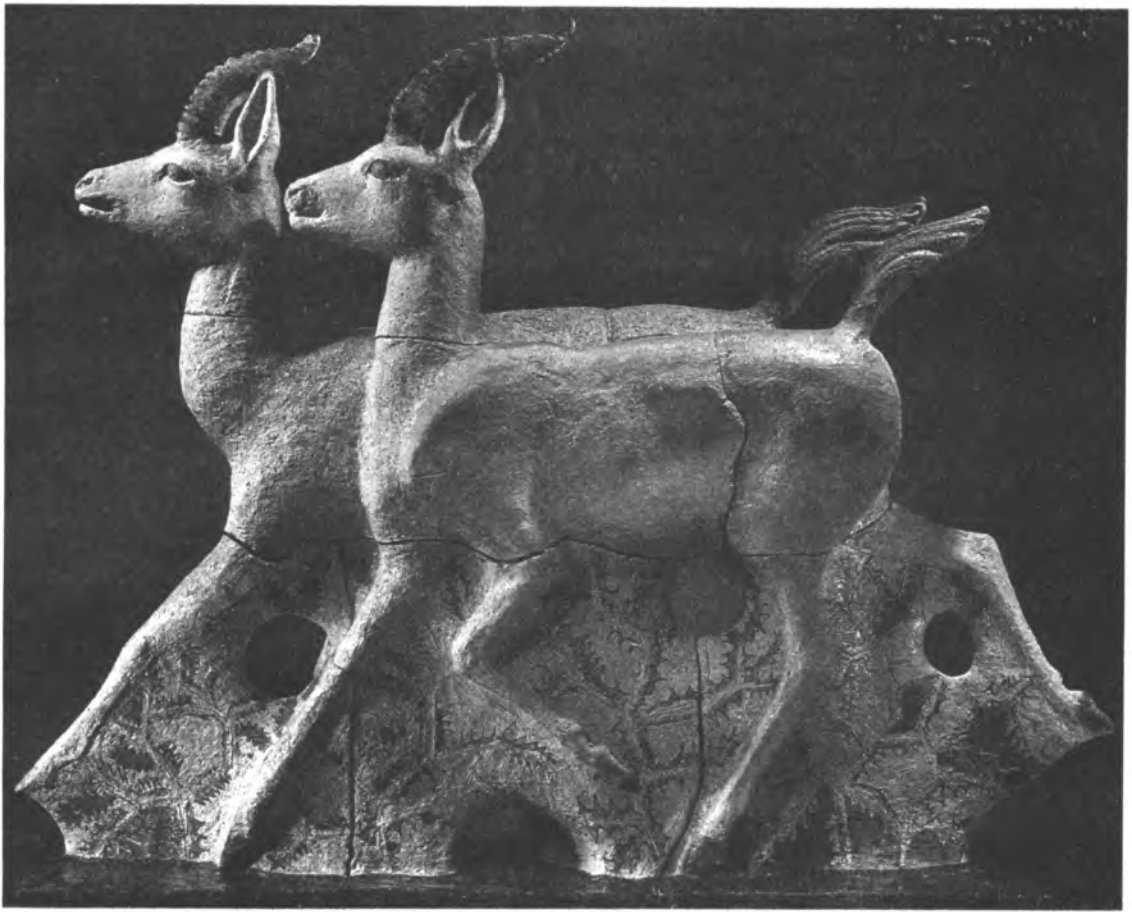

В. ЕСАУЛОВ

ДОРОГИ ХУДОЖНИКА

Конечно, Александру Белашеву повезло. Далеко не каждый художник в юности имел возможность ездить в дальние командировки, общаться с высокими профессионалами живописи и скульптуры. А к их кругу он принадлежал с рождения. Но правда и в том, что далеко не все дети «МОСХвских генералов» стали настоящими художниками. Он стал. Благодаря своему упорству и энергии, своему таланту. Когда его сверстники, коллеги по искусству, боролись за престижные заказы, он просто ездил: в Карелию, Туву, на Чукотку и в Якутию. Он своими глазами видел новорожденных котиков и лежбище моржей, белых полярных гусей и камчатских медведей, накапливал самый ценный для художника капитал — живые впечатления и наброски. Потом, год от года, Александр наращивал опыт и уверенно шел к вершине мастерства. За плечами огромная работа в палеонтологическом музее, скульптуры и мозаики во многих городах страны. Идет он этим путем и сейчас, несмотря на то, что не стало ни заказов, ни заказчиков.

Ему присуще особое видение. Рассматривая его рисунки, я поразился сходству новорожденных морских котиков с птицами. Большие глаза и большие лапы, приложенные к щуплому телу, усиливали впечатление. Я сказал об этом автору, а он, помолчав, негромко возразил: «Они похожи на ангелов...» И такое романтическое видение очень характерно для этого совсем не сентиментального и сильного человека.

Александр Белашев — один из лучших представителей нашей анималистической школы. Она по-своему уникальна. Во всем мире анималисты ориентируются на богатых заказчиков — любителей природы. А для них, что бы они сами ни говорили, идеалом изображения является цветная фотография. Художников они оценивают соответственно. Анимализм на Западе — сугубо натуралистический. У нас было иначе. Системе этот жанр был глубоко безразличен. Поэтому он и не знал тех жестких рамок, которые калечили другие жанры. Там, где ему позволяли жить, просачивалась струйка подлинного искусства. В новой жизни, чтобы выжить, нужно искать новые подходы, новых заказчиков.

Пожелаем же успехов в этом нашим замечательным художникам, и в их числе Александру Михайловичу Белашеву.

Камчатский медведь «позирует» А. Белашеву

Фото И. Мухина

БОБР В ШВЕЦИИ

А. САВЕЛЬЕВ,
научный сотрудник отдела биотехник
ВНИИОЗ

Союз охотников Швеции хорошо известен своей издательской деятельностью (одних только охотничьих журналов в этой стране выходит 5—6 наименований!). В настоящее время охотничье издательство «Ягарна» выпускает серию научно-популярных брошюр. Каждая книжка из этой познавательной серии посвящена какому-нибудь виду животного. Уже появились брошюры о косуле, кабане, лисице, зайце-беляке, тетереве и канадской казарке; готовятся к встрече с читате-

лями книжки о барсuke и выдре, глухаре и белой куропатке, вороне и других видах животных. (Данная публикация представляет советским охотникам прекрасно изданную брошюру Г. Хартмана и Б. Георена «Познакомьтесь с бобром», 1987, 56S, по материалам которой, в основном, и написана эта статья.)

Начинается брошюра с популярного описания морфологии бобра и тех признаков, по которым каждый охотник может установить присутствие зверя в

угодьях. Обитающие на территории Швеции европейские бобры не отличаются особенно крупными размерами. В конце весны вес тела сеголетков (новорожденных) составляет около полукилограмма, годовики к этому времени весят 5—10 кг, двухгодовики — 10—17 кг, а взрослые — 13—21, максимум 30 кг. Для охотников интересно знать, что, запырнув при опасности, бобры могут находиться под водой до 15 минут. У этих полуводных животных очень густой мех; подсчитано, что на каждом квадратном сантиметре спины растет до 12 тыс. волосков, а на брюхе — еще больше, 23 тыс. волосков. Такая шкура обладает исключительными теплоизолирующими свойствами (даже после 20-часового нахождения туши при минусовой температуре, как показали замеры, температура внутри ее оказалась +15°!). Кратко упоминается о прианальных железах (струе и жировиках), с помощью секрета которых бобры метят территорию.

Однако бобр знаменит не только мехом и струей, он ведь известен и как прекрасный строитель. Некоторые хатки этих грызунов имеют размеры 5×3×1,5 м, а плотины бывают до 150 м длиной. Понятно, что такие сооружения, встречавшиеся в глухих лесах, например, средневековым скандинавам, просто поражали воображение. Отсюда и появлялись в научных трактатах и на гравюрах XVII века описания того, как бобры, сцепившись друг с другом зубами, совместными усилиями трелюют целые деревья. Известно, что при валке деревьев бобры работают, как правило, в одиночку; после 5—10 минут работы грызун устраивает короткие перерывы, а затем вновь начинает трудиться. Деревце толщиной 12 см он может свалить менее чем за 30 минут, а чтобы перегрызть ствол диаметром 25 см, ему требуется около 4 часов интенсивной работы.

Г. Хартман, написавший первую, общепублицистическую часть брошюры, подробно излагает историю бобра в Швеции. Ранее этот зверь был широко распространен и многочисленен не только в скандинавских странах, но и на большей части Европы. Однако бобровые шкурки ценились высоко и торговля (обмен) ими была важной статьей дохода в былые времена; кроме того, большим спросом у лекарей и парфюмеров пользовалась бобровая струя. Хищническое истребление привело к тому, что к середине XIX века этих зверей не стало на большей части территории страны. Считается, что последний шведский бобр был убит в 1871 г., а спустя 2 года, в 1873 г., этот вид был объявлен... охраняемым. Спустя полвека в Швеции начались работы по восстановлению бобров. 6 июля 1922 г. в северо-западной части лен¹ Емтланд было выпущено два пер-

¹ Лен — административно-территориальная единица Швеции.

вых зверя, привезенных из Норвегии. А к 1939 г. было реинтродуцировано уже около 80 норвежских бобров в 19 различных местах Швеции. Последующие наблюдения показали, что реакклиматизация бобров проходит успешно. С тех пор численность зверей неуклонно увеличивается и в настоящее время оценивается в 50 тыс. особей.

Продолжительность беременности европейских бобров 15 недель. Детеныши в выводках изредка бывают 5—6, но обычно их 2. Следует заметить, что в соседней Норвегии, да и в нашей стране, плодовитость бобров несколько выше — для большинства популяций характерны выводки с 3 детенышами. Редкие из шведских бобров достигают возраста 20 лет, хотя в Норвегии известен рекордист, доживший до 26 лет, а в Финляндии даже до 30.

Несмотря на то, что список врагов бобра довольно обширен — волк, медведь, росомаха и ряд других — степень их влияния на поголовье бобров, по оценкам скандинавов, невелика, так как численность одних хищников незначительна, других — жестко регулируется. К тому же хорошей защитой для бобров являются их жилища и вода. Наиболее предпочитаемая пища — ветки, кора дуба и луб осины, хотя в ряде районов Швеции обычным кормом является береза. Зимние запасы кормов в отдельных поселениях достигают объема 80 куб. м.

При интенсивном росте численности (только за последние 10 лет поголовье бобров в стране увеличилось на 25 процентов) закономерно возникает вопрос о негативных сторонах жизнедеятельности грызуна. В результате запруживания ручьев и мелиоративных каналов, а также валки деревьев и роющей деятельности бобрами причиняется порой существенный ущерб землевладельцам и государственным организациям. Конечно, наиболее серьезные проблемы возникают при затоплении лесных угодий. В таких случаях для нейтрализации вредоносной деятельности предпринимается ряд эффективных мер: отпугивание и (живо)отлов зверей, а также разрушение плотин. Причем уничтожение плотин (с применением 0,5—2 кг динамита) разрешается производить не ранее 1 мая и не позднее 31 августа.

Охотничий раздел брошюры написан Б. Геореном. Промысел бобра является для шведов одним из новых видов охоты. Массовая его добыча началась только с 1977 г. в нескольких районах ленов Емтланда и Вестернорланд. С 1986 г. охота была разрешена уже в Вермланде, Эребу и частично в Коппарберге, кроме того, она ведется в Вестернорланде, Вестерботтене и Емтланде. Сезон охоты в первых трех ленах длится 7 месяцев, с 1 октября по 30 апреля, а в трех других, расположенных выше 62° с. ш. (у нас это — севернее Петрозаводска и Сыктывкара), — даже до 15 мая. В Швеции пока не выработано единой

промысловой стратегии; вопрос о том, как добывать — до первого взрослого или всю семью, — как и у нас в стране, дискутируется. Но, судя по всему, более популярным является первый вариант, что объяснимо интересами охотников-землевладельцев — долгосрочных хозяев угодий. В последнее время в стране ежегодно добывается до 5 тыс. бобров. Это составляет около 10 процентов имеющегося поголовья. Специалисты считают, что при благоприятных обстоятельствах промысловую нагрузку можно увеличить до 20—25 процентов.

Прогрессивным в промысле бобра является не только продолжительность охотсезона, но и способы добычи. В отличие от наших охотников, шведы да и финны могут применять не только капканы, сети и другие ловушки, но также и огнестрельное оружие. Для отстрела используют как дробовое, так и нарезное оружие. Дробовики рекомендуются использовать 12, 16 и 20 калибров, а из нарезного оружия — винтовки финского производства Ремингтон 222 (калибр 5,6 мм) и Винчестеры 308 или 30—06 (калибр 7,62 мм).

Наиболее популярной и добычливой является охота на суше. Зверя подкарауливают у хаток, плотин или на кормовых вылазах. Применяется и канадский способ — стрельба с байдарки. При этом кроме стрелка в лодке находится гребец. Следует заметить, что по правилам охоты отстрел бобров разрешен не только в светлое время суток, но и ночью. Мертвый зверь тонет, поэтому стрелять его рекомендуется на суше не ближе 2 метров от воды. Но если приходится стрелять по плывущему бобру, то это следует делать только на мелководье и при этом помнить, что убойное место находится между глазом и ухом, размеры его 4×1 см. Для добора отстрелянного зверя, например, с противоположного берега незамерзшей речушки или даже из воды шведские охотники применяют небольшие гарпуны со шнурами и телескопические багры, подобные рыбацким.

Помимо всего прочего, охота на бобра является в Швеции и одним из видов спортивного отдыха. Так называемые бобровые сафари очень популярны в стране. Этот вид спорта наиболее развит в лене Вестернорланд, особенно в окрестностях г. Рамселе.

В брошюре значительное внимание уделяется приемам разделки и утилизации продуктов охоты. Обдирать зверя рекомендуется не в подвешенном положении или на столе, а на специальном станке. Его конструкция проста: укрепленные на «козлах» две доски (120×35 см) образуют желоб. При этом развал желоба и высота станка регулируются в зависимости от размеров добычи и роста охотника. А чтобы место разделки было чистым, для сбора стекающей жидкости к одному из краев желоба прикрепляют мешок.

Существующая в Швеции лицензион-

ная система позволяет охотникам, купившим разрешение на добычу зверя, использовать все трофеи, в том числе и шкуру, по собственному усмотрению. (Поэтому и отсутствуют ГОСТы на меховое сырье.) Шкуру обычно снимают, как это принято у нас и в ряде других стран, пластом, используя для этого специальные виды ножей. Но следует особо отметить, в Швеции практикуется и другой, так называемый альтернативный, способ, при котором разрез делается не по череву, а по бокам и через лапы. При этом с одного зверя снимают две пластины; короткошерстный, более полношерстный брюшной пласт и длинношерстный, но более богатый в цветовом отношении спинной пласт. Немаловажно и то, что при такой съемке на шкуре нет прорезов от лап. На мой взгляд, снятая альтернативным способом шкурка бобра при дальнейшей переработке может быть использована значительно более рационально, чем снятая традиционно. Снятую шкуру распяливают кругообразно на древесном щите и сушат при хорошей вентиляции 3—4 дня. Далее шкуры поступают в переработку. Швеция даже экспортирует бобровые меха в другие страны.

Мясо бобра охотно употребляли в пищу не только аборигены Северной Америки, но даже средневековые монахи в периоды постов. Пропандируют его кулинарные качества и шведы. После разделки тушки, что желательно сделать не позднее 3—4 часов после добычи зверя, мясо тщательно очищают от грязи (и от жира). Оно хорошо копченое или жареное, но не соленое. Готовить в печи его рекомендуется при +180° в течение часа. Хорошая закуска и хвост бобра, считавшийся у североамериканских индейцев даже деликатесом.

Резцы, смонтированные на круглом медальоне наподобие кабаньих, — красивый трофей. Кожа хвоста очень интересно смотрится на ножках. Приятным напоминанием о сафари может быть частично подгрызанный бобром обрубок дерева, стоящий в углу охотничьей комнаты как цветочная подставка.

Предлагаемый материал позволит читателям познакомиться с уровнем ведения охотничьего хозяйства в Швеции и вызвать не только меркантильно-рационализаторский интерес у бобролов (хотя и это важно). Гораздо более существенным представляется переработка и перестройка организационных и, как следствие этого, технологических моментов промысла бобра, практикующихся в настоящее время в нашей стране. На страницах печати (см., например, «Экономическая газета» № 44 за 1987 г.) охотоведы уже поднимался вопрос о целесообразности введения платных разрешений на добычу пушных зверей, в том числе и бобра, в личных целях. В этом аспекте опыт скандинавов по способам добычи и переработки пушнины может представлять еще больший интерес.

БРАКОНЬЕР ПОНЕВОЛЕ

ЖИЛА-БЫЛА КУРОПАТКА

Я ЛЮБЛЮ ОХОТУ ВСЯКУЮ...

СТРАШНО ЛИ В ТАЙГЕ?

Московские, да и читинские знакомые нередко спрашивают меня: страшно ли в тайге? Я обыкновенно пожимаю плечами. Сказать «нет» — значит выглядеть эдаким ухарем-хвастуном, сказать «да» — будет неправда и унижение настоящих промысловиков. Конечно, тайга не любит самонадеянных, тут уши приходится держать «топориком». Не бояться сегодня нужно не столько зверя, сколько человека. Из-за конкуренции, злобы, баловства или просто так, по привычке рушить все вокруг, вас могут, например, лишиться зимовья.

Пошли мы однажды с сыном-школьником и другом в избушку. Понесла нелегкая в близкие с Читой хребты. И спомался мотоцикл, на котором везли рюкзаки. Пока пытались наладить, время за полночь. Бросили мотоцикл, нагрузили рюкзаки на плечи, пошли.

Друг ушагал чуть вперед. Нанесло дымом из-за поворота. Я еще обрадовался: кто-то ночует в зимовье, значит, не надо топить мерзлую печку, долбить лед для чая; у ночующих, наверное, с вечера натаяна вода. Вдруг слышу испуганный голос друга: «Михаил, зимовье сгорело!» Да, на месте нашего таежного жилья дымились черная яма. И тут на меня навалилась жгучая тоска. Страшно было за здоровье сына, ведь еще ребенок, а тут гибельная ночь на снегу...

Приходится опасаться незнакомого человека из-за оружия. Сбежавший эск или солдат, или варкан какой, чтоб завладеть вашим ружьем и боеприпасами, готов на все. Поэтому одиночно живущий промысловик на ночь запирает двери, прибирает топор, держит под рукой нож и фонарик. Боеприпасы прячет в укромное место.

Ну и, конечно, если возвращаешься с промысла со шкурками, «варежку не разеваяй, поглядывая на тропу не как турист.

А заблудиться или заболеть — тут уж зависит от тебя — не плутай; если хилый — не лезь в тайгу. В общем, как у нас говорят, береженого бес не тронет.

Есть, конечно, и свои особые тайны, о которых не принято распространяться.

М. ВИШНЯКОВ
г. Чита

Уважаемая редакция! Никогда раньше не писал о своих впечатлениях об охоте. И вот решил встать за перо — от того, что болит душа за нашу природу. Охота, как спорт, на мой взгляд, теряет свою популярность. На место старых охотников пришла молодежь — светлая, жадная, готовая взять от природы последнее, что еще осталось.

Охотюсь я с детства, а с 1946 года стал членом Общества охотников и рыболовов. Люблю заячью охоту с гончей (к сожалению, она стала редкостью). Как и многие, уважаю летне-осеннюю на водоплавающую и болотную дичь, осенью — на рябчика. Прикипел душой и к глухариной охоте. Не из-за мяса, конечно. Известно, что оно куда скуднее, чем, скажем, тетерева, вальдшнепа или куропатки. Но именно охота на глухаря особенно сближает человека с природой, учит сноровки, хладнокровию.

С горечью приходится признаваться, что глухаря стало мало. Об одной своей неудачной охоте хотелось бы рассказать.

К трем часам ночи подошли мы к току. В лесу — мертвая тишина. Отсыкали валежину — сели. И вот на болоте затрубили журавли. Захоркал ввысь вальдшнеп. То и дело смотрим на часы. Пора бы и запеть глухарям...

Тихо. «В прежние годы, — говорит Василий, — в этот период громко квочтали глухарки, сердито тэкали и скиркали мошники. Лес гудел от их любовных песен». Светает. Где-то рядом булькает тетеревиная песня, словно плещется вода на перекатах в быстрой речке. А глухаря так и не запели.

Можно по-разному объяснить наше невезение. И погода не та, и ветерок промозглый. Об истинной же причине услышал только утром от егеря: «Не-разумное отношение человека к природе начисто выбило всех наших глухарей».

Идем обратно к биваку. Солнце, пробившись через облака, повисло над горизонтом. Зернистый снег проваливается под ногами и тут же, в глу-

боких следах, появляется темная вода. На проталинках виднеются голубые пролески, яркорозовые, фиолетово-синие венчики медуницы.

Весна в разгаре. Навстречу выбежал заяц, вылинявший, в лохмотьях серой шерсти, в белых панталонах с рыжими пятнами, как у клоуна в цирке. Увидев нас, заяц присел, смешно пошевелил ушами и не спеша попрыгал в чащу.

А нам было не до смеху. Слушая старого егеря, я невольно задавал себе один за другим вопросы. Почему леспрохазы ведут вырубку аблиз глухариных токов, без согласования с охотничьими хозяйствами? Почему деланки не всегда своевременно освобождаются от сухого валежника, что приводит к возникновению пожаров и гибели животных? Почему браконьеры так вольготно чувствуют себя в охотничьих угодьях? Нет конца этим «почему». Наспех принятые правительством законы не нашли должного отражения в действительности. Придем ли мы когда-нибудь к гуманному, демократическому, правовому государству?

Е. ВИНУКОВ
Тверская обл.

Уважаемая редакция! Для нашей семьи ваш журнал — самый любимый. Сам я его читаю с 70-х годов. Мы живем в прекрасном месте, на берегу реки Амгунь. Я работаю лесником, жена — домохозяйка. У нас двое мальчишек, одному 13 лет, второму 10. Старший сын увлекается охотой, рыбалкой. Тайгу любит, хочет учиться на егеря. «Охоту...» читает от корки до корки, все время что-то выписывает для себя. И вот мы решили всей семьей рассказать об одном случае.

Поехал я как-то с другом за черемшой. Дорога была хорошая, по ее обочинам росли молодые вербы, кроны которых почти соприкасались, образуя зеленый тоннель. Ехали не очень быстро. Вдур за одним из поворотов увидели медведя. Мой друг дал газ, машина рванула вперед. Медведь, не будучи глупым, пустился наутек, но почему-то прямо по дороге. Мы вошли в азарт, началась погоня. Мишка мчался во все лапки, никуда не сворачивая. На спидометре — 60 километров! Мелкие камушки били нам в лобовое стекло — так он усердно работал лапами. Гонка продолжалась недолго. Медведь наконец прыгнул в сторону и скрылся в кустах. Мы еще проехали немного и остановились. Долго потом смеялись над этим происшествием. Вот вам и косопалый, вот вам и увалень, а мчался со скоростью 60 километров!

В. Н. КАПЛУНОВ
Хабаровский кр.

Уважаемая редакция! Хотел бы обратиться к охотникам с просьбой помочь мне достать любую охотничью литературу, а также журнал «Охота и охотничье хозяйство» с 1961 года. Мне 13 лет, но я уже три года увлекаюсь охотой. К сожалению, ваш журнал начал выписывать только с этого года, и если я прочту предыдущие издания, то узнаю много интересного и полезного. Был бы очень рад, если бы мне написали охотники. Мой адрес: 613800, Кировская обл., п. Вазюк, Опарицкий р-н, ул. Лесная-2. Передайте Дмитрию.

Охотники бывают разные. Одни — заядлые любители утиной охоты. Другие ценят только охоту по болотной дичи. Третьи увлекаются охотой на боровую птицу: тетерева, рябчиков, глухарей. Есть и такие, которые беззаветно любят охоту с гончими, считая ее самой интересной, захватывающей.

Я люблю охоту всякую. Мне одинаково милы и лесные угодья, и зеленые луга, и озерные глади, а также большие болота и пожелтевшие поля.

Охота... Какое это емкое и значительное слово! Это — ожидание, поиск, скрадывание, преследование дичи и ее добыча. Как много виденного и пережитого воскрешает она в памяти человека, немало похощавшего по охотничьим просторам своей Родины. Охота — это средство общения с природой, источник бодрости, здоровья и душевного покоя. Вот что сказал об этом писатель Ефим Пермитин:

«Охота — сказочная живая вода, возвращающая человеку молодость, обостряющая радость жизни, бесследно поглощая все невзгоды и огорчения...»

А вот слова замечательного писателя и знатока охотничьей литературы Николая Смирнова: «Охота — это мечта о прекрасных, неведомых дальних странах, это «печаль полей» на осеннем закате, вечная юность и вечная сказка, овевающая жизнь светом и теплом лета, нежной горечью осени и звонким морозом зимы».

Провозгласим же в праздничные дни благодарный тост за нашу любимую страсть: «За охоту!» И пусть всегда звучит для нас, охотников, рог Оберона, пусть живет в наших лесах рядом с красивой сойкой сказочная Синяя птица и пусть сердце каждого старого охотника остается до последнего дня молодым, схожим с весенним деревом в пахучих листьях.

Эти слова и сейчас трогают душу каждого настоящего охотника.

Н. АКУЛОВ
г. Казань

В 1986—1987 гг. по заданию Госпромхоза «Красноярский» (ведомство Главохоты) мне представилась возможность провести комплексное обследование промыслового собаководства в Пировском районе, что в 300 км севернее от Красноярска.

В семи населенных пунктах, прилегающих к райцентру, было осмотрено 186 собак, используемых на промысле. 18 лаек-сук и 7 кобелей восточносибирского типа, 10 лаек-сук и 4 кобеля западносибирского типа были рекомендованы к дальнейшему воспроизводству. На дважды проведенные полевые испытания по белке было представлено 9 лаек. Пять собак показали работу, отвечающую требованиям диплома III степени.

Чтобы закрепить результаты и развивать в дальнейшем породное собаководство в районе, совместно с дирекцией ГПХ были выработаны условия конкурса «За лучшее племенное гнездо лаек». В качестве призов предусматривались три бесплатные лицензии на лося. Документ был закреплен подписью исполкома Пировского райсовета.

Известно, что работа по ведению и развитию охотничьего собаководства — прерогатива Росохотрыболовсоюза и его подразделений. В адрес правления Крайохотрыболовсоюза было направлено письмо, которое содержало просьбу создать в районе секцию охотсобаководства, закрепить куратора для квалифицированной племенной работы. Госпромхоз шел на уступки, предлагая доле участие в финансировании мероприятий.

Нам не известны мотивы отрицательной реакции Правления краевого общества охотников. Но дело, начатое с большим трудом и финансовыми затратами, было загублено, конкурс не состоялся.

Как эксперт по охотсобаководству со стажем более 30 лет, хорошо знающий свой край и уровень культуры собаководства, предлагаю следующее. Каждому, кто хорошо разбирается в собаках, предложить на выбор административный район или город, где имеется обширное поле деятельности в этой области. Через областные и краевые секции кинологов организовать завоз щенков, обмен щенками и производителями; участвовать в межрайонных выставках молодняка, в полевых

испытаниях. Таким образом мы повысим культурный уровень периферийного собаководства.

А. ВИНОГРАДОВ
г. Красноярск

Если человечество не прекратит преступное отношение к Природе, оно погибнет. Об этом я думал, когда осенью проехал на велосипеде пустующие поля совхоза «Радуга», задыхаясь от едкого тумана, образовавшегося после выбросов в атмосферу производственным объединением «Фосфорит».

И вдруг, словно в сказке, в десяти метрах от шоссе увидел стаю куропаток. Они были прекрасны в своем зимнем наряде, особенно самцы с перьями пепельного цвета. На душе стало светло и радостно, но я озабоченно подумал: «Чем же зимой они питаться будут? Да и люди разные приезжают, варвары еще не перевелись...» У меня в рюкзаке был пакетик с хлебными крошками, припасенными для прикормки рыбы. Высыпал их на утрамбованный снег и, довольный, поехал дальше. Вечером, возвращаясь домой, обнаружил, что птицы склевывали хлеб, но на снегу аела кровь...

Наступила весна. Проезжая знакомой дорогой, с горечью обнаружил, что выбор для гнездования куропатки небольшой: берег реки, берег арыка. Вспугнул всего четыре птицы. Появившиеся откуда-то две собаки так настойчиво стали их преследовать, что пришлось вмешаться, бросив рыбалку. Кто-то успел за это время сплести старую траву. Безусловно, гнезда, если они там находились, тоже сгорели. Но на этом мои разочарования не закончились: проехавшая машина раскидала по шоссе гранулы удобрения. На обочине валялась дохлая куропатка, а в канаве умирал отравленный чибис.

Позвонил в охотколлектив. Спрашивают меня: «А что ты предлагаешь?» Соблюдать законы! Установить строгий контроль за их выполнением! А сам думаю: «Динозавры вымерли, мамонты тоже. Скоро детям скажу будем рассказывать — «жила-была когда-то куропатка...»

А. ФЕДОСЕЕВ
г. Кингисепп

Уважаемая редакция! С того момента, как взяла в руки ружье, я — постоянный подписчик вашего журнала. В № 12 1990 г. была опубликована статья «Оптические прицелы — на охотничье ружье», где сказано, что центром «Экситон» разработа-

ны конструкции креплений оптических прицелов, в том числе и на мое ТО-34 12-го калибра под прицелом ТО-4.

Я использовал заявку и получил комплект документации, куда входят чертежи и техническое описание. Все это время мне приходилось обращаться к специалистам на заводы и никто не берется за эту работу, а может, просто не хотят. Поэтому обращаюсь к вам с просьбой напечатать мое письмо. Вдруг кто-нибудь откликнется и сможет выполнить такой заказ. Адрес: 293000, Львовская обл., г. Броды, Каплера, д. 10, кв. 1. Карелину Н. И.

Журнал «Охота...» в каждом номере со дня основания клеймит браконьеров. Кто уток настрелял не вовремя, кто лося убил... А браконьеров не убывает. Вот сегодня ходил за грибами и в придорожной канаве шкуру лося нашел.

Очень часто браконьерить людей заставляет сама жизнь. Мой дед, например, лосей давил петлями, но меру знал, больше двух за зиму не брал. Целую деревню снабжал он мясом. Вот уж расскажу как дело было и, быть может, охотники оправдают деда. По-смертно.

Деревня Слобода, где он жил, была давно заброшена из-за отдаленности и бездорожья. Закрыли школу, медпункт, магазин. Люди разъехались кто куда. Дед рассказывал, как трудно, с плачем и стоном, люди покидали свое жилище. Полсотни домов остались пустовать. Но не все могли уехать, старушки-пензионеры, которым некуда было податься, остались. И дед мой тоже. У него четыре сына и четыре дочери жили в разных городах, но сам он не мог там выдержать и недели. Было ему за 70, и всю жизнь прожил он в лесу. Охотой был пришибленный. Пенсию получал 28 рублей. Говорил, что стажу не хватает, не то бы...

Когда ликвидировали магазин, совсем невмоготу стало. За хлебом за десять верст ходили через болото. Вот тогда и наловчился дед лосей в петлю ловить. Бывало, после Покрова, ходит от дома к дому и шепчет старушкам: «Там, в Борниках... Берите мяса кто сколько может». Прочтя эти строки, вы будете, наверно, его осуждать. А жить-то как? Не всегда он был таким

беспомощным. Пока мог ходить, пушнину добывал. Рекорд у него: 28 куньи, 7 норок, две лисицы и полсотни белок. Молодым охотникам нынче не добыть столько за один сезон. Но вот старость пришла, глаза худо стали видеть и ноги болят. Врачей он не признавал, лечился медвежьим да барсучьим салом. Однако старость брала свое.

Деревни той уж нет. Дед давно помер. Но избушка охотничья у озера стоит. И рябки, и грушаки есть в угодьях, лосей как на конюшне. Жить, как сказал бы дед, можно...

М. УЛЯШОВ
г. Карпополь

Дорогая редакция! Пишут вам охотники, почитатели вашего журнала. Всех нас объединяет любовь к охоте и прекрасной породе легавых собак — пойнтеров, один из заводчиков которых — московский любитель и специалист Блистанов Александр Сергеевич. Недавно ему исполнилось 70 лет. Очень хотелось бы через журнал пожелать ему крепкого здоровья и поблагодарить за собак, которых он помог нам приобрести.

Коллектив охотников
г. Алматы

Уважаемая редакция! Мой «поезд» уже далеко за 60-й верстой. Любительской охотой занимаюсь с 1951 года, ваш журнал начал выписывать немного позже. Читаю абсолютно все статьи. К вам обращаюсь впервые, в чем и испытываю свою неуверенность. О том, с чем я столкнулся, хотелось бы, чтобы вы поведали через уважаемый мною журнал.

По Новосибирской области охотничий сезон на зайцев был открыт с 24 октября по 28 февраля. За это время я добыл ружейной охотой 28 зверьков, израсходовав 35 патронов (1400 руб.) и прошагал на лыжах по глубокому сибирскому снегу не одну сотню верст. Новосибирское ГООиР «Щедро» оценило мой труд. За сданную пушнину я получил 1320 руб. Таким образом, получается, что мои расходы на боеприпасы хоть и с натяжкой, но все-таки окупились... А пушнину я сдал, можно сказать, «за спасибо».

Вот отсюда и появляются у нас «черные рынки», к которым присоединяюсь и я, хоть это и против моих убеждений.

В. ПРИСТАВКА
г. Новосибирск

НПФ «ММТ» и А/О «ЯКАРИ» предлагают подвесные и стационарные моторы «Mercury» и «Mercruiser» (2,5—400 л. с.), катера и моторные яхты (США).
Тел. [095] 923-90-43 [0142] 237-453

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Стояла первая половина сентября, лучшая пора осени на Урале. Позолотой и багрянцем охвачена уральская тайга, обычно стоят теплые и солнечные дни, и лишь прохладные ночи и утренние заморозки напоминают, что лето уже позади.

В один из таких сентябрьских погожих дней мы с отцом, нагрузившись нехитрым старательским скарбом и провиантом, вышли засветло из дома. Наш путь лежал в верховья реки Кунгурки, левобережного притока реки Чусовой, где отец собирался еще по давней своей задумке провести небольшие разведочные работы (отец принадлежал к потомственным добытчикам золота — старателям).

Ближе к вечеру мы устроились на ночлег. Балаган располагался на небольшом каменистом взлобье, где к нему с обеих сторон прижимались высокоствольные сосны вперемешку с лиственницей, уже подернутой желтизной. Выше распадок поднимался и уходил в серые, стоявшие отвесной стеной скалы. Между скалами и балаганом было небольшое пространство, сплошь изрытое шурфами, и кучи вынудой породы темнели на пестрой сентябрьской траве, портя прекрасный пейзаж. Балаган, где мы остановились, построили рабочие геологической партии, покинувшие участок с месяц назад. Это было сложенное из жердей и крытое дерном жилище; крутая крыша напоминала шатер, края которого были вкопаны в землю.

Затопив печку, чтобы просушить балаган, пахнувший сыростью, мы разложили костер и принялись варить ужин.

Пужинав и неторопливо потягивая чай, заваренный травами, мы вели нехитрый разговор. У наших ног растянулся пятигодовалый кобель Джон, западносибирская лайка, наш постоянный спутник на охоте. Но вдруг пес почему-то заволовался, начал тягивать воздух, а затем вскочил и с лаем бросился в темноту. Моя рука непроизвольно потянулась к ружью. При слабом свете костра я с трудом нашел единственный патрон с картечью и, вложив его в ствол, успокоился. Лай удалялся все дальше и дальше, и вскоре совсем затих.

Отец, мало разбиравшийся в охоте, сказал: «Лось, видно, подхватил». Я подумал, что это, пожалуй, самое вероятное, ведь стоял разгар гона, а лось не очень пуглив в брачную пору.

Отец, подбросив сушняку в костер, ушел в балаган, а я остался ждать собаку. Кобель не приходил. Нерадостные мысли одолевали меня. «Может, волки сожрали», — думал я.

У прогоревшего костра становилось прохладно, и я пошел в балаган, в котором было тепло и уютно, неярко горела свеча. Улегшись на широкие нары, устланные сеном, я подумал с сожалением о том, что не захватил с собой тройник фирмы «Зауэр», из-за веса предпочтя ему одноствольную тулку.

Ветер все усиливался, он дул резкими порывами и завывал в печной трубе, усиливая и без того нарастающее чувство тревоги. Отец уже заснул и начал громко похрапывать. Сквозь шум ветра и храп отца мое ухо уловило шуршание гальки около двери. Обрадовавшись, что вернулся собака, я зажег свечу, поднял металлическую щекотку, открыл дверь — и оторопел. В нескольких шагах напротив меня стоял на задних лапах огромный медведь, и его небольшие глазки, в которых отражалась горящая свеча, говорили о недобрых намерениях.

Я издал полный отчаяния и страха вопль и накинул щекотку. Отец, проснувшийся от крика, обеспокоенно спросил: «Что случилось?» Не отвечая, я припер дверь, сбитую из еловых плах, стоявшим неподалеку ломом. Все это длилось не более нескольких секунд. Страшный звериный рев за

дверью оглушил нас. Я кинулся к нарам, где стояло ружье, и сбил стоявшую на краю стола свечу — в балагане воцарился мрак. Отец ругался и искал на столе спички, а я, нащупав в углу нар прохладную сталь ружья, начал успокаиваться. С трудом, но довольно быстро мы нашли свечу и только разогрели ее, как в стену балагана ударили, словно бревном: на стол и печку посыпалась земля с дернины. Отец кричал, чтобы я стрелял, но стрелять единственным патроном вслепую я не хотел, пулю у меня вообще не было. «Вот тебе наука, пошел, как на прогулку», — ругал я себя. А зверь тем временем, содрав дерно со стены, пытался раздвинуть жерди: мы увидели его лапу с длинными черными когтями. Отец, державший наготове топор, пытался, было, рубануть по медвежьей лапе, но я остановил его, так как это не могло сдержать зверя, а только бы придало ему еще больше ярости. Я понимал, что для второго выстрела у меня уже может не быть времени, поэтому всю ставку делал на первый выстрел. Напряжение достигло предела, руки лихорадочно то поднимали, то опускали ружье. Отец занес топор над головой, а медведь, увлеченный работой, утробно кричал и делал свое дело. Я уже принял решение и мысленно просил это чудовище быстрее выломать эти жерди и предстать передо мной во всем своем страшном величии.

Наконец, медведю удалось захватить жердь обеими лапами и мы вздрогнули от резкого хруста ломающегося дерева. Большая лохматая лапа стала лихорадочно шарить вдоль стены, затем немногим выше ее показались нос с темными дырками и страшные блестящие глаза, в которых по-прежнему отражалась свеча. Я поднял ружье, мушка прыгала. Я смотрел на своего врага и усилием воли пытался успокоить себя. Медведь зарычал и, сведя лапы вместе, пытался раздвинуть стенку — стена затрещала. Наконец, мушка стала качать маятник между лбом и носом зверя, пора было делать вдох. И я выстрелил.

Лапы, медленно развернувшись, исчезли в темноте, и только клочок шерсти, оставшийся в проеме, напоминал о грозившей опасности. Моментально перезарядив ружье, я легко ткнул стволом в тушу — зверь не подавал признаков жизни. Потрясенные, мы стали ждать рассвета.

Наконец, забрезжило. Медведь уже окоченел. Ножом я с трудом раздвинул челюсти и увидел вместо острых клыков плоские сточенные пенки. Это была крупная медведица. Она имела странный пепельно-бурий окрас. От охотников я слышал, что по Бардымскому краю часто встречаются медведи с такого цвета шкуры.

Отец принялся разжигать костер, а я решил осмотреть район в надежде найти собаку. Поднявшись вверх по распадку, где были пробиты шурфы, я почуствовал трупный запах, несло со стороны находящегося в отдалении шурфа. Подойдя к кромке шурфа, я увидел на дне его разложившийся труп медвежонка в возрасте 6—9 месяцев. Трава вокруг шурфа была вытоптана дочиasta, со стороны леса к шурфу вела довольно широкая проторенная тропа. По моим предположениям, медвеженок упал в шурф около месяца назад, то есть сразу же после ухода рабочих геологических разведки. Медведей, вероятно, привлекли банки из-под тушенки, оставленные незадачливыми геологами. Возможно, медвеженок в сырую погоду покатылся с кучи породы, вынудой из шурфа, или пытался перепрыгнуть, да не рассчитал силы, но ясно одно, что выбраться из глубокого шурфа он не смог. Медведица, возможно, сообразая, что ей уже больше не быть матерью, пыталась как-то помочь своему последышу, но, к сожалению, не смогла.

Мои мысли прервал крик отца. Я не слышал, что он кричал, но по тому, как показывал, понял, что за моей спиной он что-то увидел. Я резко обернулся. Ко мне бежал Джон, виновато виляя хвостом. Кобель прихрамывал на переднюю ногу, но кроме этого ни ран, ни царапин у него не было. Обрадованный таким поворотом событий, я схватил собаку и на руках понес ее к балагану. Что произошло с собакой в эту ночь, для меня так и осталось загадкой. А золота мы так и не нашли.

А. ТРОФИМОВ

Свердловская обл. г. Дегтярск

«ДОСТОВЕРНЫЙ ОХОТНИК» — ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Недаром «тишайший» царь Алексей Михайлович называл себя «достоверным охотником», то есть истинным. Он даже составил собственноручно «охотничий устав».

Так он увлекался охотой...

Царь Алексей любил охоту по крупному зверю, особенно на медведя. Однажды он едва не погиб под медведем.

Дело было недалеко от Звенигорода, около Саввинова Сторожевского монастыря. Царь отстал от своих охотников и заблудился в дремучем лесу. Блуждая по бору, встретился с громадным медведем. К своему ужасу царь убедился, что он потерял свой охотничий нож. Медведь повалил царя на землю...

Когда уже царь почти потерял сознание, вдруг медведь упал с раздробленным черепом. Поднял царь свою голову и видит: стоит перед ним сторож в иноческом одеянии и держит окровавленный топор в руках.

— Как звать тебя, отец?

— Савва, — сказал он и исчез.

Позднее царь Алексей Михайлович узнал по образу своего чудесного избавителя...

Близкие царя умолили его со слезами бросить опасную звериную охоту. Царь послушал и весь свой охотничий пыл перенес на соколиную охоту. И с каким жаром он пишет в своем «охотничьем уставе» о соколиной потехе: «Дудите, охочи, забавляйтесь: утешайтесь сею добрую потехой и угодно, и весело, да не одолевают вас кручины и печали всякия. Избирайте дни, ездите часто, напускайте, добывайте, не лениво и беззачуно...»

ДРЕССИРОВКА СОКОЛОВ

Птицу в царские кречатки привозили обычно дикую, недрессированную. И громадных трудов стоило выдрессировать ее, научить охотничьей сноровке.

Ценилось в соколе умение бить дичь своей грудью, не «когтить», то есть не хватать ее когтями, и не клевать.

Ценились те кречеты, которые делали наибольшее количество «ставок», то есть взлетов в вышину, с которой хищник падает на намеченную жертву и берет ее.

Некоторые наиболее «талантливые» сокола делали несколько десятков «ставок».

Ценились сокола и по силе ударов, которые они наносили. Сокол по особому призыву должен был «ворочать» — садиться на рукавицу сокольника.

Каких трудов стоило «выносить», выдрессировать надлежащим образом кречета.

Кречетов везли издалека, нередко в особых возках, обитых войлоком. Дикую злую птицу, к которой было даже опасно подступиться с голыми руками, сажали в клетки и приставляли к ним мальчишек, которые поочередно дразнили ее, не давая ни минуты покоя ни днем ни ночью. Дергали ее, пугали ее трещотками, тыкали лучинками. Так продолжалась дня четыре...

В конце концов еле живая от усталости птица становилась ручной. Тогда сокольники начинали ее «вынашивать».

Дрессировка начиналась с того, что сокола приучали к «клубу», который ему надевали на голову.

— Сей кречет зело похвально исклбучен...

Это значило:

— Хорошо приучен к клубу.

Когда эта сторона воспитания была уже безупречна, принимались «водить» сокола, то есть приучать его есть мясо с руки.

В избе сокола приучали перелетать с одного места на другое, садиться на руку, одетую в перчатку. Затем сокола в длинных путах выносили в поле и приучали его взлетать на руку сокольника, сидящего верхом на коне.

Приучали бить птицу, соблюдая постепенность — сначала мертвую, затем со связанными крыльями, затем свободную.

Вначале на сокола не полагались и его пускали летать, привязав к путам шнурок, затем выпускали без всякой привязи.

К этому времени сокол уже привыкал к тому, кто за ним ходил.

В дальнейшем сокола приучали бить более сильную птицу, например журавлей, цапель, коршунов и сарычей.

На клювы журавлей и цапель на первых порах надевали особые чехлы из кожи, чтобы они не изуродовали молодого и не вполне еще опытного сокола.

Чтобы сокол-ученик не заклевал цаплю или журавля сразу, их шеи обертывались кожей или тряпицами.

Царь Алексей Михайлович до того увлекался соколиной охотой, что лично сам следил за воспитанием молодой птицы и присутствовал на ее «экзаменах» и собственноручно вел списки птицы.

У него были свои любимцы среди соколов, например белый кречет Гамаюн.

У сокольников был свой особый жаргон, и царь придавал знанию его большое значение.

Непосвященные не понимали этого «охотничьего языка». Вот образец этого «волююка» царских охотников того времени:

К царю обращались с вопросом перед охотой:

— Врели горь соть ло?

Это значило:

— Время ли, государь, совершить дело?

Царь отвечал:

— Сшай...

Что значило:

— Совершай!..

Торжественно совершался в личном присутствии царя чин посвящения начального сокольника.

После длительной церемонии пожалованному говорили:

— Великий государь, царь и Великий князь Алексей Михайлович, всея Великая и Малыя, и Белая Руси самодержавец указал тебе свою охоту государеву отдать: челига, кречатка и иныя птицы.

При этом перечисляли обязанности начального и уговаривали его блюсти государеву охоту усердно и ретиво и тешить государя без всякой хитрости.

После этого ему передавали обряженного кречета и надевали ему на голову трижды горностаеву шапку, которую он трижды же сдергивал со своей головы.

На жалованной рукавице сокольника вышивались притчи и специальные рисунки, чтобы они не забывали правил соколиной охоты.

Как любил и понимал царь Алексей Михайлович соколиную охоту, видно из вступления его к «охотничьему уставу».

— Зело потеха сия полевая утешает сердца печальные и забавляет весельем радостным и веселит охотников сия птичьей добыча. Безмерно славна и хвальна кречатья охота. Удивительно же и утешительна и велика кречатья добыча. Угодительно потешка дермлягавая перелазка и добыча. Красносотрителен же и радостен высокого сокола лет. Премудра же соколя добыча и лет. Добровидна же и копкова добыча и лет. По сих добродушна и приветлива правленых ястребов и челигов ястребных ловля; к водам рышение, ко птицам же доступание. Начало же добычи и всякой ловли — раздражение охотников временая и порам; разделение же птицам в добычах. Достоверному же охотнику нест в добыче и ловле рассуждения временам и порам; всегда время и погоды в поле...

«Охотничий вестник», 1913, № 4

НА ПРИВАТЕ

**Российско-финляндское
совместное предприятие
«СЕВИЛ»**

**Закупка пушно-мехового сырья
Оптовые поставки изделий из меха и кожи**

**190000, Россия, Санкт-Петербург, ул. Галерная, 69, СП «СЕВИЛ».
Тел. (812) 210-92-58. Факс (812) 312-26-31.**

**Финляндия, 00120, Хельсинки, Бульварди 170, «Вил-Мобил Ко».
Тел. (358) 0-694-67-48, (358) 0-694-66-89. Факс (358) 0-694-66-48.**

**Вниманию
руководителей
обществ охотников-любителей,
промыслово-охотничьих хозяйств,
а также самих охотников!**

Научно-техническое предприятие «СИБЭКО» поставляет оптом и в розницу оптические прицелы для нарезного и гладкоствольного охотничьего оружия модели ПО-3,5. Поставляемые прицелы надежны и неприхотливы в эксплуатации, имеют 3,5-кратное увеличение, небольшие размеры (длина 180 мм, посадочный диаметр 26 мм, наибольший диаметр корпуса 36 мм) и малый вес (250 г.), оснащены регулируемым по зрению окуляром.

Прицелы поставляются по заявкам организаций и частных лиц с предварительной оплатой. Заявки составляются в произвольной форме с указанием количества заказываемых прицелов, точного почтового адреса для их пересылки и направляются по адресу: 672090, г. Чита-центр, а/я 369, НТП «СИБЭКО».

По получении заявки в адрес заказчика высылается счет для предоплаты заказа. Стоимость одного прицела ПО-3,5 на период до 31.12.1993 г. 36 тысяч рублей, включая налог на добавленную стоимость и расходы по пересылке.

После поступления денег оплаченные прицелы немедленно отправляются в указанный в заявке адрес почтовыми посылками.

Телефон для справок: (302-22) 6-06-41.

РОТ-ФРОНТ

Санкт-Петербургское Акционерное общество
«ПРОМЫШЛЕННО-ТОРГОВОЕ МЕХОВОЕ
ПРЕДПРИЯТИЕ «РОТ-ФРОНТ»

— старейшая меховая фирма с вековыми традициями,
гарантирующая высокое качество меховых изделий,

- предлагает взаимовыгодное сотрудничество;
- закупает все виды пушно-мехового сырья по договорным ценам;
- оказывает различные услуги по выделке, крашению сырья, пошиву меховых изделий на современном импортном оборудовании с применением химикатов фирм «Henkel», «Stockhausen», «Sandos»;
- реализует оптовые партии меховых изделий; пальто, полупальто; женские и мужские головные уборы; воротники разных фасонов, горжетки, пелерины.

Адрес: 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 24
Факс (812) 114-71-38
Телефоны (812) 114-09-73, 114-72-53

**Руководители
охотхозяйственных предприятий,
организаций и частные лица!**

**Производственный кооператив
«ЭВРИКА»**

**готов приобрести у Вас хвосты
колонка, белки, соболя и куницы
по договорным ценам.**

Если Вас заинтересует
наше предложение,
то обращайтесь к нам по адресу:
610000, г. Киров, а/я 84,
кооператив «ЭВРИКА».

**ПО «ТУЛЬСКИЙ
ПАТРОННЫЙ ЗАВОД»
ПРЕДЛАГАЕТ:**

- ПАТРОН ДРОВОВОЙ КАЛИБРОВ 12, 16
- ГИЛЬЗУ БИМЕТАЛЛИЧЕСКУЮ КАЛИБРОВ 12, 16, 20, 28, 32
- ПАТРОН 5,6×39 «БАРС»
- ПАТРОН 7,62×39
- ПЫЖИ ПЛАСТМАССОВЫЕ

300035, г. Тула, ул. Марата, 139, ПО «ТПЗ»
Тел.: [8-0872] 44-27-47, 42-61-30, 44-13-30
Факс: [8-0872] 441174. Телетайп 253187 «Пресс»

**ОРГАНИЗАЦИЯ
КУПИТ ШКУРЫ
(только сырье с целыми
элементами головы и ног)
МЕДВЕДЯ, РЫСИ И ВОЛКА.**

Тел. [812] 246-08-20
[812] 560-33-15

Научно-производственный
центр по звероводству

М Е Т А
акционерное общество

ПРЕДЛАГАЮТ

звероводческим хозяйствам, фермам, питомникам,
малым предприятиям, частным лицам

НОВЫЕ КОМПЛЕКСНЫЕ МИКРОГРАНУЛИРОВАННЫЕ ВИТАМИННО-МИНЕРАЛЬНЫЕ ПРЕПАРАТЫ:

ПУШНОВИТ П (для племенных животных). **ПУШНОВИТ М** (для молодняка) в рационы норков, песцов, лисиц, собак и кошек при любом виде кормления.

20 компонентов (13 витаминов и 7 микроэлементов) в виде новых форм, защищенных от разрушения.

Улучшают воспроизводительные функции взрослых животных и рост молодняка.

Предупреждают авитаминоз В₁ и анемию за счет бенфотиамина и ферроанемина (особые формы витамина В₁ и железа).

Содержат биотин, улучшающий качество волосяного покрова; витамин Е в количестве, позволяющем нейтрализовать негативное влияние продуктов окисления жиров рациона.

УПТИВИТ — для всех видов сельскохозяйственных птиц: кур, гусей, уток, индеек, цесарок.

19 компонентов (13 витаминов и 6 микроэлементов), защищенных от разрушения.

Оптимальные соотношения элементов и универсальный метод дозировки позволяют полностью обеспечить потребность разных по возрасту и направлению продуктивности групп птиц в витаминах и минеральных веществах.

Применение препарата улучшает поедаемость и усвоение корма, обеспечивает хорошее развитие молодняка, положительно влияет на яйценоскость и выводимость яиц.

Препараты не переносят термической обработки.

Справки и заказы по адресу:

103031 Москва, ул. Петровка, 11/20;

телефоны: 200-33-02, 200-48-12, телефакс: 928-55-53.

Для отгрузки ж. д. транспортом минимальный заказ 500 кг.

Малые количества — со склада офиса. Предварительный заказ.

Изготовитель — **ЩЕЛКОВСКИЙ ВИТАМИННЫЙ ЗАВОД.**

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 1993 г.

ПЕРЕДОВЫЕ

ГРАКОВ Н. Куда мы идем!	7
ГУСЕВ О. «Истрелять всегда и везде»	2
КАМЕРНИЦКИЙ А. Сохранить тысячелетние традиции	10
МЕЛЬНИКОВ В. Проблемы охотничьего образования	9
УСПЕНСКИЙ С., ХАХИН Г. Новая земля сегодня	1
УСПЕНСКИЙ С., ХАХИН Г. Сохранить природу Новой Земли	11-12
ЧАСОВСКИХ С. Добро пожаловать на Алтай	3
ЧЕРНЫШЕВ В. Позвальное слово охоте	4
ЧЕРНЫШЕВ В. Дом, в котором живет охотник	5-6
ЧЕРНЫШЕВ В. Этика охоты	8

ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ

АКИМУШКИН И., САВЕЛЬЕВА К. Одна охота и осталась (интервью)	3
АСТАФЬЕВ Н. Пьяным подонком по «заслугам»	7
АСТАФЬЕВ Н. Пятна на совести	3
БЕГЛЕЦОВ О. Техника пушного промысла	10, 11-12
БУТУРЛИН С. Охота и истребление	5-6
ВЕЛИЧКИН И. В. В Подмосковье	4
В Берендеевом царстве [фотоэссе]	2
ГАЛКИН Г., САВЕЛЬЕВА К. Актуальное интервью	9
ГОЛИГОВ С. Как хочется навести порядок	5-6
Дальше... Экологическая пустыня	5-6
ДОМИДОНТОВ Р. Мечта об охоте	7
ДОМИДОНТОВ Р. Вась день на охоте	8
ДОМИДОНТОВ Р. На южных подюмах России	10
ИДАНОВИЧ С. 9 000 000 яиц	10
ЖИТКОВ Б. Автобиография	4
КАЛИНИН М. Сколько весит глухарь	7
КОВАЛЕВ Б. Кто пойдет на охоту	7
КУЗЬКИН В., ФЕРРАН И., ГОССМАН Ф., ЦЕДЕНБАЛ З., ГРЕБЕНКОВ А.	
Проблемы вальдшнепа	2
КУРНИКОВ С. Весна в Путоранах	4
ЛАЗУЦЕВ С. Мне по душе — одиночный поиск	11-12
МАЛЫШЕВ К. Разделка и консервирование дичи	10
МЕЛЕНБУРЦЕВ Р. Кто будет следующий!	5-6
Охота для меня — спасение (интервью с писателем Н. В. Панченко)	1
Прощай, охота	5-6
ПСТЫГО И., САВЕЛЬЕВА К. Освежающие душу воспоминания (интервью)	2
Первые движения души (интервью с В. Е. Агашковым)	5-6
РУКОВСКИЙ Н. Оленья кровососка	2
РУКОВСКИЙ Н. Следы медведя	3
СТЕПАНОВ М. За таежной романтикой	9
СУВОРОВ А. На волках на логове	8
17 селезней на 720 охотников (интервью с председателем Юго-Восточного МРООИР В. Г. Антоном)	9
Снимает Виктор Усков	3
ТАУКЕНОВ К., НАГАЕВ Г. Ну и поохотились	8
ТКАЧЕНКО А. С манком на лысцу	2
ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ А. Облавная охота	4
ШВЕДОВ И. Краткий очерк промысловой охоты в Иркутском округе	11-12

НАУКА

БИБИКОВ Д., ПРИКЛОНСКИЙ С. Волки и овцы	8
ЖИТКОВ Б. Автобиография	4
ЗЫРЯНОВ А. Росомеха в Сибири	5-6, 7
КУЧЕРЕНКО С. Цена охраны тигра	2
КУЧЕРЕНКО С. Беды амурского тигра	2
КРЕЧМАР М. Бурый медведь чукотской тундры	11
КУЗЬКИН В., ФЕРРАН И., ГОССМАН Ф., ЦЕДЕНБАЛ З., ГРЕБЕНКОВ А.	
Проблемы вальдшнепа	2
СЯРЯБИН Н. Дельта Селенги — охотничье Эльдorado	10
РЕЙМЕРС Н. Популярный биологический словарь	1-12

ОХРАНА ПРИРОДЫ

Дальше... экологическая пустыня (подборка писем)	5-6
БОРЕЙКО В. Второй разгром заповедников: 1961 год	1
ЗАБЕЛИН Н. Пора озботиться надлежащей охраной баргузинских соболей	3
«Зеленый мир» у нас в гостях [Российская экологическая газета]	8
КОНОХОВ Е. Заповедники в Западной Сибири	11-12
МЕЛЕНБУРЦЕВ Р. Кто будет следующий!	5-6
МИКУЛИН А. В защиту лысух	8

МОЛОДОМУ ОХОТНИКУ

БОЛОТИН И. Ленинградскому фотоклубу 30 лет	5-6
ГРЕКОВ В. На тетеревов с подхода	5-6
ЛЕВЧЕНКО П. Наука выживать	1
МИНАЕВ Д. Снаряжение делюю сам	1
ПЛОСКИЙ В. На зайцев!.. С лагавой!.. Вот именно!	9
СОЛОМКОВ П. Поздняя па с здоровьем	8

СОБАКОВОДСТВО

АНТОНОВ Ю. Вятская группа русско-европейских лаек	7
БАУМАН Р. Обозначения в немецких родословных	2
БЕДЕЛЬ В. Очарование охоты с легавыми	9, 10
БЕДЕЛЬ В. Наши охотничьи собаки	9, 10
ГИБЕТ Л. История карело-финской лайки	11-12
ЛУЦЕНКО А. К правилам испытаний норм	2
МУРОМЦЕВА М. Учиться понимать свою собаку	1
МУРОМЦЕВА М. Такса на выставке	4
Новосибирский питомник западносибирских лаек	10
ПАУТОВ Н. Стричь! Тримминговать! Каким образом!	5-6

СУББОТИН А. Собаки и змеи	8
ТАРАСОВ В. Собака и капкан	4
УСТИНОВ Л. Вы приобрели щенка	2
ФЕДОРИН Д. Есть еще на Руси хорошие гончие	3
ХОХЛОВ Б. Летне-осенняя охота на тетерева с русским спаниелем	8
ШУРУПОВ И. Западносибирские лайки. Московская группа	8
ЯРОВИЦКИЙ П. Мой выбор — английский сеттер	3

ОРУЖИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ

АСТАФЬЕВ Н. Применение служебного оружия	2
БЕЛЯКОВ Л. Чтобы метко стрелять на охоте	10
БЕЛЯКОВ Л. Убойность оружия на охоте	8
БЫРКГАН Л. Железная дробь	7
БЛЮМ М. Охотничьи пороха для гладкоствольного оружия	10
БЛЮМ М. Оружейные заводы и клейма Ижевска	5-6
БЛЮМ М. Об истории отечественного оружия	1
БЛЮМ М., ШИПИЛОВ В. ГИС становится международной	1
БОРУМБЕИ Н. Охотничье комбинированное ружье ТОЗ-91-20/5,6	9
БОРУМБЕИ Н. Практическая стрельба из карабинов «Барс»	9
БОРУМБЕИ Н. Новое охотничье ружье «Север»	11-12
БУБЛИН Н. Моя пуля	9
БУТУРЛИН С. Покрытие стволов в черный цвет	9
ГАЛАНОВ В. Филигранная насечка	2
ДЕРЮШЕВ И. Охотничий карабин «Тигр»	5-6
ДЫБКО И. Новый прибор для снаряжения патронов	5-6
Закон Российской Федерации «Об оружии»	9
КОЗЫРЕВ С. Чтобы метко стрелять пулей	3
ЛАДИЛОВ А. Для стрельбы в темноте	9
ЛЕВЧЕНКО П. Наука выживать	4
МАРТИНО К. Ружье 10-го калибра	5-6
МИХАЙЛОВА Л., ЛЯЛИН В. Насечка на прикладе	2
МОЛОКАНОВ И. Пуля УПА	3
НИКОЛАЕВ Г. Оптический принцип	8
ПОЧУКАЕВ В. Новые малокалиберные патроны	4
СИВОЛАПОВ А. Как усилить капсюль «Центровой»	7
СИНИЛЬЩИКОВ Б. О стрельбе дробью	1
СОКОЛОВ А. Как правильно снаряжать пулевой патрон	2
СУХОВ В. Портативный тренажер «Бегущий кабан»	3
ШОСТАКОВСКИЙ В. Подлинные пути Ширинского-Шихматова	8

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

АЛЕХИН И. Убить дикого гуса нетрудно	2
АЛЕХИН И. На валах Царского лимана	9
АМИРХАНОВ А. Охота в России	5-6
БАНИКОВ Н. Голубой Алтай. Стихи алтайских поэтов	2
БАНИКОВ Н. Белый и Блок — о России. Стихи	9
Библиотечка охотника	1-4, 7, 10-12
БИЛЬКЕВИЧ С. Леопард и охота на него в Закавказском крае	4
БУЛГАКОВ М. Самотопом	8
БУЛГАКОВ М. Тропы Григория Федосеева	11-12
ВИАРДО ЛУИ. Охота в России	9
ВОРОНЦОВ-ВЕЛЫМИНОВ Н. Мытщи	7
ЕГОРОВ О. Об одном библиофильском издании	10
ЕГОРОВ О. Русский охотничий рассказ	1
ЕСАУЛОВ В. Звери и зверники Веры Горячевой	8
ЕФРЕМОВ Ю. Стихи	2
ЖЕРНАКОВ В. Николай Аполлонович Байков	1
ЗЕМЛЯНОВ А. Охота в подарок	10
Зооанатомия. Стихи	3, 7
КАРАЗИН Н. Псовая охота	1
КОНДАУРОВ А. Волдырь — загусам	11-12
КОРБЕТТ ДЖИМ. Повальгарский холостик	3
КУЧЕРЕНКО С. «Нестандартный» медведь	3
КУЧЕРЕНКО С. Доверие	7
ОДЕССКАЯ М. «Трубадур, странствующий с ружьем и лирой»	7
ПЕТРОВ Б. Все сначала	4
ПЕТРОВ Б. Хозяин старого пчельника	9
ПРАВДУХИН В. На лодках по реке Уралу	8
РУСАНОВ Я. Валет	10
СНЕГОВ С. Стихи	5-6
ТАРКОВСКИЙ М. Васья	10
ТАХАВАР АЛИ ХАН. Пути и его самострел	1
ФЕДОСЕЕВ Г. Улуиктан	11-12
ФЮКИН С. Глухарские зори	5-6
ЧЕГОДАЕВ А. Джим Корбетт — охотник и писатель	3
ЧЕГОДАЕВ А. Тахавар Али Хан и людоеды Сундарбана	1
ЧЕРКАСОВ А. В Кадаче	5-6
ЧЕРНЫШЕВ В. Скульптор-анималист Марина Островская	3
ЧЕРНЫШЕВ В. Записки счастливого человека	4
ЯКОВЛЕВ М. За кунницей	4
ЯКОВСКИЙ В. В горах Корен	8
ЯКОВСКИЙ В. Синяя борода	11-12

ЗА РУБЕЖОМ

БИБИКОВ Д. Северная Америка: обострение волчьей проблемы	9
ВЕРЩАГИН Н. На кого охотятся в Японии	1
ДЕЖИНИН В. Пушнина в Канаде	7
ДЕНИСОВ С. Охота для иностранцев: проблемы, проблемы	4
КАЯГОРДОВ А. Охота на тетерева в трехрежье	3
НИКОНОВ А. Американские троперы	2
САВЕЛЬЕВ А. Бобр и охота на него в Швеции	11-12
СЕВИЧ Д. С американским луком в России	5-6
ФЕЯГИН Ю. Охрана природы в Израиле	10

КУЛИКИ ИЗ КРАСНОЙ КНИГИ

УСПЕНСКИЙ С., ХАХИН Г. Сохранить природу
Новой Земли 1

Наука

КРЕЧМАР М. Бурый медведь Чукотской тундры 3
СКРЯБИН Н. Дельта Селенги — охотничье эльдо-
радо 8

Охотничье хозяйство и промысел

ЛАЗУРЦЕВ С. Мне по душе одиночный поиск 6
МАЛЫШЕВ К. Разделка и консервирование дичи 11
ШВЕДОВ И. Краткий очерк промысловой охоты в
Иркутском округе 12
БЕГЛЕЦОВ О. Пушной промысел на плато Путорана 16

Собаководство

ГИБЕТ Л. История карело-финской лайки 18

Оружие и снаряжение

БОРУМБЕЙ Н. Охотничье ружье «Север» 22
БОБМУРЕЙ Н. Охотничье комбинированное ружье
ТОЗ-91-20/5,6 24

Литературные страницы

КОНДАУРОВ А. Во льды — за гусями 26
ЯНКОВСКИЙ В. Синяя борода 28
ФЕДОСЕЕВ Г. Улукиткан 30
БУЛГАКОВ М. Тропы Григория Федосеева 35
ЕСАУЛОВ В. Дороги художника 36

За рубежом

САВЕЛЬЕВ А. Бобр в Швеции 38
Письма читателей 40
На привале 42
Реклама . . . . . 41, 44—46

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев,
Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Ги-
бет, В. В. Дежкин, А. М. Лаврова, Я. С. Русанов,
В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов,
А. А. Улитин, С. М. Успенский, В. Е. Флинт,
В. Б. Чернышев, Ю. П. Язан.

Художник В. Ю. Есаулов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Т. Т. Талдыкина

Сдано в набор 5.10.93. Подписано к печати 1.12.93. Формат
84×108¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ.
л. 5,04. Усл. кр.-отт. 8,82. Тираж 162 000 экз. Заказ 1657.
Цена 120 руб.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-
Спасская, 18. Тел.: 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский
полиграфический комбинат Министерства печати
и информации Российской Федерации.
142300, г. Чехов Московской области.

АЗИАТСКИЙ БЕКАСОВИДНЫЙ ВЕРЕТЕННИК. Очень похож на малого веретенника, отличается от него преимущественно строением клюва, похожего на клюв бекаса: длинный, прямой, цилиндрической формы, в передней трети клюв постепенно расширяется, а к концу сужен и уплощен. Обитает этот кулик по влажным лугам, болотам, в поймах рек. Встречается местами на юге Западной Сибири, в Забайкалье и на юге Приморья. Как редкий, малоизученный и спорадически распространенный вид, он включен в Красные книги мира и России.

ТОНКОКЛЮВЫЙ (МАЛЫЙ) КРОНШНЕП. Похож на большого кроншнепа, лишь ненамного меньше его (длина тела птицы около 40 см). Клюв у него короче и тоньше. Задняя часть спины и надхвостье белые, хвост белый в темных полосах. Гнездится кулик только в нашей стране, местами по лесным болотам юга Западной Сибири. Как редкий вид, находящийся под угрозой исчезновения (общая численность, возможно, составляет лишь около одной тысячи), он включен в Красную книгу России.

КРОНШНЕП-МАЛЮТКА. Самый мелкий из обитающих в нашей стране кроншнепов (длина тела около 35 см). По окраске оперения, в том числе и темени, он похож на среднего кроншнепа. Клюв у него относительно короткий, лишь ненамного изогнут книзу. Гнездится этот вид только в нашей стране, местами в горных редколесьях Средней и Восточной Сибири. Как малочисленный и слабоизученный вид, он включен в Красную книгу России.

ГОРНЫЙ ДУПЕЛЬ (БЕКАС-ОТШЕЛЬНИК). Похож и на дупеля, и на бекаса, в полете же напоминает вальдшнепа. Точковые полеты его имеют много общего с полетами лесного дупеля, однако он в это время кричит громче и летает выше. Обитает птица преимущественно в альпийском поясе гор; местами встречается в Сибири и на Дальнем Востоке. Как редкий и малоизученный вид, он включен в Красную книгу России.

Охота на птиц, включенных в Красные книги, конечно, полностью запрещена либо повсеместно на территории бывшего СССР, либо в отдельных ее государствах.

С. УСПЕНСКИЙ,
профессор

См. также 4-ю стр. обложки.

Утвержден
распоряжением Совета Министров —
Правительства Российской Федерации
от 22 сентября 1993 г. № 1664-р

ПЕРЕЧЕНЬ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ, ДОБЫЧА КОТОРЫХ В 1993—1994 ГОДАХ ПРОИЗВОДИТСЯ ПО РАЗРЕШЕНИЯМ (ЛИЦЕНЗИЯМ) ЗА ПЛАТУ		
	Предельные размеры платы за разрешение (лицензию) на добычу диких копытных (тыс. рублей за одно животное)	
	взрослое животное	молодняк в возрасте до 1 года
Лось	10	6
Олень европейский, кавказ- ский, марал, изюбрь	6	3,5
Олень пятнистый, лань	5	3
Олень северный	5	3
Косуля	3,5	2,5
Снежный баран	7	4
Сибирский козорог, тур	6	3
Сайгак	5	3
Кабан	6	4
Кабарга	3	2
Бурый медведь	15	10

ЗА БЕЛКОЙ

Фото М. Павельева, Ф. Коковина,
А. Золотникова, П. Яровицкого, К. Косякова.

КУЛИКИ

